

Владимир
МАТВЕЕВ

ЗОЛОТОЙ ПОЕЗД

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Выпуск 20

ВЛАДИМИР
МАТВЕЕВ

ЗОЛОТОЙ
ПОЕЗД

Перисское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 4

Автор этой книги Владимир Павлович Матвеев — активный участник установления Советской власти и борьбы с белогвардейцами на Урале.

Он родился в 1898 году в Перми. В августе 1917 года, будучи студентом, вступил в большевистскую партию. В 1918—1921 годах был на советской, военной, партийной и газетной работе в Перми, Екатеринбурге и других городах Урала. Позже работал в Петрограде — Ленинграде, где и написал повесть «Золотой поезд» (другое название «Комиссар золотого поезда»).

В предисловии к одному из изданий повести писал о своей литературной работе:

«Я занимался журналистикой, военной и партийной работой и никогда не думал писать повести и рассказы.

Но вот однажды в кругу своих друзей я рассказывал о том, как мы боролись на Урале за Советскую власть.

Когда я кончил рассказывать, все молчали. Один товарищ сказал: «Вот ты бы и написал об этом».

«Не все помнят первые годы Октябрьской революции», — подумал я и решил написать повесть «Комиссар золотого поезда» — о революции на Урале...»

В годы культа личности В. П. Матвеев был несправедливо обвинен и умер в 1939 году.

Художник Ю. Лихачев

Р2 Матвеев В.

М-333 ЗОЛОТОЙ ПОЕЗД. [Пермь], Кн. изд., 1964.
200 стр. с илл. (Библиотека путешествий и приключений. Вып. 20).

Редактор А. М. Граевский, художественный редактор М. В. Тарасова, технический редактор Г. А. Калашникова, корректор Л. К. Пономарева.

Подписано к печати 10/VII 1964 г.

Формат 70×108¹/₃₂ 3,125 бум. л. 6,25 печ. л. (усл.-прив. 8,5625 л.)

Уч.-изд. 8,190 л.

ЛБ02296

Тираж 50 000 экз.

Цена 25 коп.

2-я книжная типография управления по печати
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 662.

I

Еще сквозь сон до Реброва долетели слова:
— Взяли Самару, взяли Уфу. Теперь подходят сюда. Окружают.

— Тише ты. Услышит. Комиссар, видать.

— Шут с ним. Щенок еще. Скоро от чехов без штанов удирать будет.

Ребров открыл глаза. Вытянулся во весь рост. Сапоги его выставились далеко в проход, зацепили кого-то. Согнувшись, он сел на полке и свесил ноги. Внизу на маленьком грязном столике о светлый жестяной чайник тихо постукивали три

эмалированные чашки; вокруг них—пролитый чай, хлебные крошки, золотистые чешуйки от воблы и колбасная кожа.

На нижних скамейках — шестеро пассажиров. Двое — пожилой лысый и молодой в офицерском картузе — продолжали вполголоса разговаривать.

«Эти», — подумал Ребров и прыгнул с полки. Одернул солдатскую гимнастерку. Из-под изголовья достал ремень с револьверной кобурой, надел и туго затянул.

— Приглядите за сумкой, — обратился он с просьбой к разговаривавшим соседям. Потом перекинул через плечо полотенце и, уходя, добавил: — Там ручные гранаты. Поосторожней с ними.

От толчка вагона сумка ударилась о стенку.

— Взорвется! Товарищ комиссар, вернитесь! — закричал вслед лысый пассажир. Ребров, чуть улыбнувшись, посмотрел на кричавшего и исчез за дверь. Когда через пятнадцать минут он возвратился, пассажир стоял возле полки, бережно придерживая обеими руками сумку.

— Спасибо, — сказал Ребров, расстегнул сумку и достал оттуда две круглые булки.

— Смотрите, смотрите! — крикнул кто-то.

— В чем дело?

Пассажиры бросились к открытым окнам.

— Уральский хребет переезжаем.

— Тьфу, напугал.

Справа быстро приближался к окну вагона маленький столбик — кусок рельса со ржавой железной дощечкой наверху, на которой с одной стороны было написано:

ЕВРОПА

с другой:

АЗИЯ

— Теперь близко. Самое опасное позади, — облегченно вздохнула пожилая женщина.

Поезд шел все время под уклон. Паровоз, мягко пофыркивая, только сдерживал наседающие на него вагоны и был похож на заводную игрушку, которая плавно движется по рельсовой спирали. Скоро Екатеринбург. Вон уже виден двенадцати-верстный Верхнеисетский пруд. Ребров взглянул в окно. Города не было видно. Только золотой купол Вознесенского собора поблескивал издалека. Город там за прудом — внизу.

«Если взорвать плотину, вода покроет весь город и только этот купол останется сухим», — подумал Ребров.

Замелькали товарные составы на запасных тупиках. Склады, платформы, штабеля дров и угля. Поезд начал перепрыгивать со стрелки на стрелку. Пассажиры, одевшись, с вещами в руках уже стояли в проходе. Некоторые еще стягивали ремнями подушки. Вот семафор остался позади. Локомотив пролетел еще несколько десятков саженей и вдруг остановился.

— Приехали? Выходи, там впереди.

— Да нет же, саженей сто не доехали до платформы.

— Выходи! — кричат сзади.

— А ты посмотри в окно.

— Что тут у вас случилось? — Главный кондуктор спрыгнул со ступеньки к сторожу, притаившемуся около средней стрелки. Десятка два пассажиров тоже повыскакивали из вагонов.

— Восстание. Стреляют. Пулеметы! — говорил, задыхаясь и размахивая рукой, сторож. Пассажи-

ры опрометью бросились обратно в вагоны. Главный тоже исчез. Около сторожа остался только Ребров.

Он оглянулся. Высокая насыпь пустынна. В нескольких десятках саженей безлюдный перрон. За насыпью — вокзал. Он только одним этажом выше насыпи и весь внизу. По ту сторону вокзала — широкая площадь. Кучки солдат прячутся за какими-то прикрытиями, расположенными полукольцом вокруг вокзала. Трещат вразнобой выстрелы. Из окон вокзала часто стучит пулемет, ему отвечает другой.

— Вон он. Советский на водокачке... — и сторож пальцем показал Реброву.

— А на вокзале кто? Внутри?

— Наши. Центрального района...

— Кто ваши?

— Да железнодорожники. Паек требуют. Сковырнут комиссаров.

На площади затрещали ружейные выстрелы. Из-за прикрытий выбежала цепь солдат. Пробежала несколько шагов. Легла на землю, спрятавшись в глубокую канаву.

Ребров поднялся обратно в вагон. Пассажиры лежали кто на полу, кто на полках. Расстегнув кобуру нагана, Ребров достал оттуда ручную гранату, сунул в карман и снова вышел из вагона. На насыпи все так же пустынно, не видно часовых. Ребров, не задумываясь ни на минуту, побежал к перрону, беспрепятственно спустился по широкой лесенке вокзала и очутился перед входом в буфет.

Двое часовых в новых желтых башмаках и обмотках преградили ему дорогу, слегка выставив

вперед штыки винтовок. Невольным движением Ребров схватил оба штыка и резко дернул к себе. Один из часовых не удержался на ногах и полетел на пол, другой от неожиданности выпустил из рук винтовку. Ребров выхватил из кармана ручную гранату, вбежал в буфетный зал, где засели мятежники, и громко крикнул:

— Ложись! Взорву к черту!

Мятежники опустили на пол, один полз на животе к дверям, за ним последовал другой, третий...

Ребров не мешал им. Он быстро подбежал к ближайшему окну и столкнул с него пулемет на мостовую. Снаружи на помощь Реброву бежали красногвардейцы. Ими командовал огромного роста человек в лоснившихся от машинного масла штанах, заправленных в сапоги. Он громко кричал: «За мной! За мной!», указывая наганом на здание вокзала, и первый ворвался в дверь.

Мятежников разоружили.

На площади Ребров не нашел извозчика. Пришлось пойти пешком. Длинный Арсеньевский проспект в конце поднимался на горку, к подножию Вознесенского собора. Тяжелые каменные плиты тротуара, неровно уложенные, заставляли пешеходов прыгать и кружить. По дороге мчались военные повозки с высокими колесами, подымая колючую твердую пыль. Солнце накалило каменный город. Было душно. Ребров повернул направо, чтобы сократить путь. Навстречу ему вылетела большая легковая машина с двумя седоками. Промчалась мимо. И вдруг остановилась. С ко-

жанных подушек приподнялся бритый молодой человек в синей блузе и, перегнувшись через борт автомобиля, закричал:

— Стой! Стой! Ребров!

Пожилой человек в золотых очках, сидевший рядом с ним, что-то сказал шоферу, машина заскрежетала шестеренками скоростей и стала заворачивать. Ребров остановился, посмотрел с недоумением. Потом узнал.

— Голованов! — вскрикнул он и побежал к машине.

Молодой человек в блузе открыл дверцу.

— Молодец, Борис. Мне Запрягаев по телефону все рассказал. Ну и взял ты их в шоры.

— Наверно, и теперь еще не опаматовались, — улыбнувшись, заметил спутник Голованова.

— Подвинься, Нечаев, задавишь, — пошутил Голованов над своим соседом, освобождая место Реброву.

— Такого не задавишь, — добродушно засмеялся Нечаев и подвинулся насколько мог.

— Как с чехами? — спросил Ребров, когда машина снова понеслась по улице.

— Очень серьезно, — ответил Голованов. — Челябинск занят, в Сибири казацки восстания. В Уфе и Самаре — эсеры. Да вот сейчас узнаешь — начальник академии сделает доклад.

Автомобиль, объехав базарную площадь, остановился около богато расписанного особняка. Архитектор не пожалел красок, не оставил ни одного места на стенах дома, чтобы не расписать золотыми завитушками. Хозяин дома, пивовар Поклевский-Козелл, был «истинно русский» человек и питал слабость к старине.

Ребров вошел за Головановым и Нечаевым по широкой полутемной лестнице в мрачный зал. Из-за письменного стола с шумом вскочил широколицый лохматый юноша и бросился к Голованову.

— Сюда, сюда. Совещание в кабинете Долова.

Голованов повернул в дверь налево, и они попали в небольшой кабинет, сплошь увешанный огромными картами. Возле той, на которой были наколоты маленькие красные и белые флажки, стояло пятеро мужчин. Один из них водил по ней длинной деревянной палочкой.

Навстречу Голованову пошел высокий, прямой, с узкой талией военный в белом кителе.

— Не знакомы? — обернулся Голованов к Реброву.

— Долов, — протянул руку человек в кителе.

— Андогский, — подвел он Реброва к человеку с длинной палочкой.

— Матковский, — назвал себя сосед Андогского.

— Медведев, — хрипло отрекомендовался ветхий старик в золотых очках.

— Расторопный, — с достоинством произнес последний — красивый седой человек с изумительно правильными чертами лица, прекрасным румянцем и белоснежной кожей.

Ребров посмотрел на собравшихся. Даже с первого взгляда можно было безошибочно определить, что все военные, за исключением Долова, принадлежат к старому царскому генералитету. Медведев даже в брюках с лампасами. Только отсутствие погон лишало блеска собравшееся общество.

— Начнем? — спросил Голованов, нахмутив лоб.

Все сели за большой стол с грудой карт.

— Александр Иванович нам сделает сообщение, — сказал Долов, повернувшись к Голованову.

— Профессор Андогский, — пригласил Голованов и подвинул к себе блокнот и карандаш.

Андогский встал, поправил пышные усы, потер чуть впалые виски, взял снова палочку и подошел к карте с флажками.

— В настоящее время, — начал он, тихонько поскрипывая мягким сапогом, — противник занимает всю Самаро-Златоустовскую магистраль с включением пунктов: Самара, Уфа, Челябинск...

Палочка забегала по карте и остановилась, плавно описав дугу.

— Положение южных фронтов, Восточной Сибири и Северного края вам известно из сводки за прошлый день... Маневренная способность противника, пути сообщения, коммуникации превосходят наши. Противник стремится распространиться в первую очередь на восток и север, не оставляя попыток расширить зону военных действий на запад и юг... Наше мнение: сильными, короткими ударами в нескольких местах сбить противника... Требуется лишь достаточное количество крепких частей — и удары в Бердяушском, Челябинском и Сибирском направлениях обеспечены успехом с выходом и пересечением Самаро-Златоустовской магистрали...

— Простите, — перебил Андогского Нечаев, — но ведь вы же знаете, что как раз таких частей у нас нет.

— Да, конечно, — спокойно продолжал Андогский, — я имею и имел в виду предложить до организации ударных частей выйти из-под ударов чехов и отдать часть территории к западу от Уральского хребта.

— Я предложил бы укрепиться на оборонительной линии Волга — Кама, — сказал Матковский.

— То есть отдать Урал без боя? — спросил Голованов.

— Да.

— Но ведь до Камы четыреста верст, — сказал Нечаев.

— Вот именно, — продолжал Матковский, — будет время для организации крепких частей.

— Ваше мнение? — обратился Голованов к Медведеву.

— Что? — спросил тот, вытаскивая слуховую трубку и вставляя ее в ухо.

— Ваше мнение, профессор? — громко повторил свой вопрос Голованов.

— Согласен, — сказал Медведев и почесал ослепительно блестящую голову, на которой торчали редкие кустики сивой жесткой щетины.

— Как полагаете вы? — спросил Голованов Расторопного.

— Доводы Александра Ивановича заслуживают внимания, — ответил тот.

— Хорошо, — сказал Голованов, снова посмотрев на присутствующих. — Областной совет примет во внимание ваши мнения.

— Долов, — продолжал он, обернувшись к высокому военному, — вызовите Челябинск. Через полчаса мы будем на телеграфе.

Профессора во главе с Андогским поднялись и любезно раскланялись. Долов быстро вышел из комнаты.

— Позволю себе напомнить, — прощаясь с Головановым, сказал Андогский. — Когда же в академию будет назначен комиссар? Знаете, даже как-то неловко: во всех учреждениях комиссары, и только у нас...

— Да, да, — ответил ему Голованов, — в течение ближайших дней комиссар будет назначен.

Профессора вышли.

— Что, впервые видишь таких любезных генералов? — спросил Голованов Реброва.

— Отдать без боя Урал. Отступить к Волге и Каме. Оставить тысячи рабочих, не вооружив их против белых... Это ли не заманчиво?

— Думали: поверим, — усмехнулся Нечаев. — Суконные рыла, дескать...

— И все-таки надо заставить их честно работать на нас. И заставим, — нахмурившись, сказал Голованов. — А с чехами драться будем за каждую пядь Урала. В боях организуются армии, а не готовыми преподносятся из тыла.

— «Коммуникации», — передразнил Нечаев. — Напустил ученого тумана. А про то не говорил, что все промышленные районы в наших руках. Это, пожалуй, поважнее коммуникаций.

Ребров подошел ближе к большой карте с флажками. Белые флажки уже стояли между Екатеринбургом и Челябинском, стремились выдвинуться на главную линию между Пермью и Екатеринбургом и отрезали Сибирь.

— Ну, — сказал Голованов, — выбора нам не дано. Сегодня последний раз говорим с чехами.

Маленькие столики с белыми клавишами расставлены в просторной комнате. Тихо. Над столиками, протяжно жужжа, крутятся на вилке, гоняясь друг за другом, металлические шарики. Тикают аппараты. Время от времени телеграфисты ногой заводят механизмы, поднимая гири.

Между аппаратами Юза бесшумно шагает взад и вперед Долов. Как только Голованов показался в дверях, он, круто повернув налево, зашагал ему навстречу. Похоже было, что он плывет и его широкие синие галифе-плавники тихо колеблются.

— Челябинск вызван. Здесь, у этого, — подвел он к одному из аппаратов Голованова и нагнулся к телеграфисту.

Телеграфист прижал тонкими пальцами клавиши. Белая лента заторопилась, и на ней появились слова:

здесь ли уполчехослов богдан павлу??? начальник
гарнизона города екатеринбурга долов.

Вместо ответа на ленту посыпались буквы:

хххфффхххсссффф,

а потом аппарат спокойно начал печатать:

...у аппарата я, богдан павлу - уполномоченный
чехословацкого корпуса, кто у аппарата???

...у аппарата я, голованов, полномочный комиссар
уральского областного совета...

...немедленно приостановите движение красноармейских и красногвардейских частей челябинску. освободите сибирскую магистраль от германских вооруженных сил, препятствующих нашему движению на родину. противном случае будем силой пробивать себе дорогу на екатеринбург. богдан павлу???.. ???... ??

...гарантируем свободное продвижение чешских эшелонов на владивосток, во всей советской россии и на протяжении всей сибирской магистрали нет ни одного немецкого солдата, чтобы следовать на родину, совсем не требуется занимать вооруженной силой беззащитные города и расстреливать рабочих, как это сделано вами в сызрани, самаре, уфе, челябинске и омске. голованов???.. ???.. ???

У... ..ваши сообщения неверны, мы только вынуждены защищаться от возможного нападения германских сил и спешим на родину, требуем освобождения сибирской магистрали немедленно. богдан павлу???...

...ехать во владивосток из челябинска ближе не через екатеринбург. вы сами разоблачаете свои контрреволюционные планы???...???

...это последнее ваше слово???...???

...да...

...таким случае прощайте... ..

...прощайте... ..

Аппарат замолк.

Голованов молча свертывал в катушку оборванную ленту.

— Когда уходит первый красногвардейский эшелон под Челябинск? — спросил он Долова.

— Сегодня в час ночи, — почтительно выпрямился Долов.

— Пошлите вместе с ним этих... железнодорожников. Пусть лучше с чехами повоюют, — усмехнулся Голованов.

Долов звякнул шпорами и отступил на два шага назад.

— Едем, — повернулся к Реброву Голованов.

— Постой, Егорыч, — отозвался Нечаев, склонившийся у одного из аппаратов.

— Шифровка из Москвы!

Телефонист быстро наклеил на синий бланк кусочки ленты и подал его Голованову. На бланке стояли ряды цифр:

Т Е Л Е Г Р А М М А

МОСКВА

21782	57812	11443	18081	22451	34578
30052	44789	99054	17972	19290	00745
00852	76667	21875	51617	09876	00013
10023	33444	78801	09123	90713	55044
32137	01094	00123	10999	13133	03333
22222	18880	04321	07477	88001	87000

— Расшифруйте в комиссариате, — протянул Голованов телеграмму Нечаеву, — а я заеду туда позднее. Пойдем, Ребров.

Они вышли. Шофер, покрутив ручку, вскочил за руль, нажал ногой на педали. Машина ринулась от телеграфа.

— Ну, вот видишь сам, как обстоят дела. Мы вызвали тебя вот для чего...

— В Челябинск пошлете?

— Нет. В академию или охранять Николу...

— Какого Николу?

— Романова.

— Вместе с ним сидеть под замком? — нахмурившись, спросил Ребров.

— Да, это невесело. Согласен. Но в городе тревожно. Появились неизвестно откуда приехавшие иностранцы. Один ходатайствует за арестованную сербскую королеву, другой — за князя

Львова, третий — за великого князя. А на самом деле, конечно, приглядывают за царями...

— Чего смотришь? Пугнул бы, — перебил Ребров.

— Конфликт с державами из-за царя? Он этого не стоит, — ответил Голованов. — Сюда же, — продолжал он, — перебросили академию, и съезжаются сотни офицеров царской армии. Документов мы тут кучу перехватили. Выходит, что готовится заговор, похищение семьи Романовых. Тут нужен человек покрепче.

— Почетная задача, что и говорить, — проворчал Ребров. — Ты своди меня хоть в особняк и покажи сперва.

— Туда и едем, — ответил Голованов. — И чего с ним Москва возится, не понимаю, — недовольно сказал он.

Дом инженера Ипатьева стоял на Вознесенской площади, открывая собой небольшую улочку, круто спускающуюся к Исетскому пруду. На площади он терялся и был незаметен. Полутораэтажный особняк был обнесен свежим тесом, который не давал возможности с улицы видеть, что происходит внутри, а из особняка — что делается на улице.

Часовые были расставлены на улице и внутри, за забором. Они просмотрели пропуска. Вызвали коменданта.

Комендант вышел с топором в руках.

— Ты что это? — спросил изумленно Голованов.

— Тополя укорачиваю. Разрослись перед самыми окнами, — ответил комендант, махнув топором на срубленные ветви.

Ребров и Голованов прошли через маленькую калитку, потом через парадную дверь и очутились в прихожей особняка. Сразу налево от лестницы парадного хода помещалась комендантская. В ней каждый день дежурили один из членов областного исполкома и комендант.

За комендантской белела вторая дверь. Около нее еще от инженера Ипатьева осталось стоять огромное медвежье чучело с раскрытой пастью. Чучело вдруг шевельнулось, и из дверей вышел волосатый широкий человек в просторной одежде и прошел к выходу.

— Поп.

— Зачем он здесь? — спросил Ребров коменданта.

— По праздникам обедню служит.

Голованов провел Реброва через несколько комнат, и они вошли в столовую. Вокруг обеденного стола сидело пять женщин. Это были Романовы. Они, очевидно, только что пообедали и еще не успели ничем заняться. На столе стоял остывший самовар, возле — пустые чашки. Две молодые женщины расставляли шахматы. Одна вязала. Пожилой, заросший бородой и баками, довольно толстый мужчина разгуливал взад и вперед по комнате, насвистывая марш «Преображенец». Красное, немного одутловатое лицо его, с темными мешками под глазами, было в морщинах. Гладкие, зачесанные волосы местами выцвели. В зубах торчала прямая тонкая трубка, поблескивающая золотым кольцом посередине мундштука. В ней дымилась тонкая папироска. Серый летний штатский костюм сидел на бывшем царе непривычно, мешковато, как новый. Увидев в две-

рях комнаты коменданта и Голованова, царь остановился и как-то очень уж зачистил:

— Здравствуйте. Пожалуйста. Войдите.

Жидкие, бесцветные глаза его забегали по углам комнаты с одного предмета на другой.

— Представьте, — вдруг заговорил царь, обращаясь к коменданту и Голованову, и вытащил из кармана газету. — Здесь пишут, что не ладится с железными дорогами. Я думаю, что у нас в России все-таки можно наладить транспорт.

— Чего ты не наладил? — усмехнулся комендант.

Царь сконфузился и замолчал. Жена и дочери его молча взглянули на вошедших. Высокая, худая, вся в темном, похожая на учительницу немецкого языка, царица резко поднялась, отшвырнув с колен рукоделье, и что-то сказала Николаю по-английски. Она, очевидно, просила царя передать какую-то просьбу Голованову. Николай колебался. Потом, подойдя ближе, сказал:

— Нас стесняют. Не пускают в церковь. Передали не все вещи. В Тобольске мы пользовались свободой. Временное правительство...

— Не забывайте, гражданин Романов, что вы не в Тобольске и не в распоряжении Временного правительства, — сухо прервал его Голованов.

— Да, да, да, — снова заторопился царь и растерянно затеребил левый ус, — но я прошу вас только возвратить нам наши вещи...

Царица, сердито отвернувшись, вышла. Дочери последовали за ней. Внимание Реброва давно привлекала развернутая на столе книга. Он подошел взглянуть на нее. Книга была заложена небольшой потрепанной картонкой, согнутой втрое.

Ребров взял закладку — она оказалась тобольской продовольственной карточкой:

Тоб. Гор. Продов. Ком.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ КАРТОЧКА

№ 54

Фамилия: *Романов.*

Имя: *Николай.*

Отчество: *Александрович.*

Звание: *экс-император.*

Улица: *«Свобода».*

№ дома...

Состав семьи: *семь.*

Подпись выдавшего карточку...

Председатель комитета *Тарасов.*

На обороте — пометки о выдаче продуктов и правила пользования карточкой.

Ребров заложил карточку обратно, перелистал раскрытую книгу и в изумлении повернулся к Голованову: на столе лежал том «Дома Романовых», изданный к трехсотлетию династии.

Голованов пошел дальше по коридору, оставив в комнате растерявшегося царя. Он вывел Реброва на террасу, на которой стоял невидимый из-за перегородки пулемет. Все было как будто в порядке и не вызывало подозрений.

— Ну, что скажешь? — спросил Голованов.

— То же, что и раньше: скучно стеречь бывших царей.

— Особенно, если они с претензиями, — усмехнулся Голованов. — Привезли три вагона вещей, и все еще мало!

— Посмотри-ка в список, — протянул комендант Реброву свернутую в трубочку тетрадь.

Ребров раскрыл ее. На первой странице было написано чернилами:

<i>Кофточек белых полотняных</i>	235 шт.
<i>Салфеток</i>	113 »
<i>Гардин бархатных</i>	64 »
<i>Занавесок, белья, посуды...</i>	

Ребров перелистал двенадцать исписанных страниц, на последней стояло:

<i>Лопат</i>	3 шт.
<i>Метла</i>	1 »
<i>Садовая корзина с ручками для мусора</i>	1 »
<i>Горшков ночных</i>	3 »

Голованов улыбнулся Реброву:

— Лучше в академию?

— Лучше туда, — сказал Ребров.

Ребров с трудом разыскал на окраине города Щепную площадь. Площадь была безлюдна. С одной стороны ее виднелись белые стены монастыря, с другой — красное двухэтажное кирпичное здание.

Около здания десятка два всадников шагом ездил по кругу друг за другом. Реброву бросились в глаза их длинные, серо-синего цвета шинели. Он подошел поближе. Всадники были в полной военной форме царского времени. Только кокарды и пуговицы обтянуты красной материей и нет погон.

— Как пройти в академию? — спросил Ребров.

Всадник, не повернув головы, проехал мимо. За ним проскакал второй, третий...

— На рысь! — протяжно скомандовал густым басом стоявший в кругу в солдатской форме усач.

Всадники поскакали быстрее. Ребров пошел дальше к красному зданию.

Над парадным входом виднелась проржавевшая железная вывеска:

ЕПАРХИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Ребров открыл дверь в вестибюль, весь уставленный заколоченными ящиками, шкафами, касками со шрифтом, рыцарскими доспехами, исполинскими касками и картинами. За маленьким столиком около перил небольшой лесенки, тоже заваленной нераспакованными вещами, сидел швейцар в темной штатской форме с галунами.

— Кого изволите спросить? — вежливо, но не спеша поднялся он со стула.

— Начальника академии, — сказал Ребров.

— Их нет. Принимают Александр Александрович Смелов — правитель дел канцелярии. Навверх, кабинет налево, — указал рукой швейцар.

— Корзиночку оставьте внизу! — крикнул он вслед.

Ребров поднялся на второй этаж и нашел кабинет Смелова. Правитель дел, высокий, пухлый, холеный человек, осмотрел Реброва и, словно оценив потрепанную его гимнастерку, приготовился молча его слушать, не предлагая стула.

Ребров протянул конверт. Смелов взглянул на штамп Уральского военного комиссариата и тотчас протянул руку к креслу:

— Присаживайтесь! — сказал он, разрывая конверт.

Ребров сел. Правитель дел вытянул из пакета бумажку и внятным, ровным голосом стал читать ее:

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

Комиссар по Военным Делам
Уральского Областного Совета
Рабочих,

Крестьянских и Солдатских
Депутатов

1918 г.

№ 3779

г. Екатеринбург

Начальнику Академии
Андогскому А. И.

**Настоящим ставим вас в известность, что товарищ
Ребров Борис Петрович назначен политическим комиссаром Академии Генерального Штаба.**

Военный комиссар *Лещев*

— Позвольте доложить, — встал и протянул руку Смелов, — мы ожидали вас давно. Разрешите, я проведу вас в отведенную вам комнату?

Смелов повел Реброва по длинному коридору куда-то в противоположный конец здания. Из классов выходили слушатели. Очевидно, занятия кончились. Слушатели с удивлением смотрели на Реброва, шагавшего рядом с правителем дел.

— Кто это? — слышал Ребров позади себя.

— Советский слушатель, наверное, — иронически вполголоса сказал кто-то.

— Прием еще не объявлен.

— Комиссар, — догадались сзади, и разговоры замолкли.

Смелов остановился возле одной из стеклянных дверей и пропустил вперед Реброва. Ребров вошел. Перед ним был большой пустой класс. Надево в углу стояла железная кровать с пыльным и грязным матрацем. У больших окон — огромный канцелярский стол. У стола — скамья и десяток парт.

— К сожалению, лучшего нет в нашем распоряжении, — извинился Смелов и потрогал пальцем пыльный стол.

— Велите убрать парты, — сказал ему сухо Ребров и начал выдвигать их в коридор.

— Сейчас распоряжусь. Не пачкайтесь напрасно.

Правитель дел быстро вышел из комнаты и скрылся на лестнице.

Ребров прикалывал к столу карту Урала, когда в стекло двери мягко постучали пальцем.

— Да, — крикнул Ребров, не отрываясь от стола.

Дверь слегда приоткрылась.

— Разрешите войти, Борис Петрович? — слышался приятный певучий баритон, и на пороге показался плотный мужчина среднего роста в кителе со стоячим воротничком. Ребров посмотрел на него и узнал. Это был Андогский.

— Пожалуйста, Александр Иванович.

Андогский подошел ближе и, взглянув мельком на грязную кровать, скамейку и стол, снова спросил:

— Разрешите присесть?

— Пожалуйста!

Андогский сел рядом с Ребровым.

— Борис Петрович, — начал он, — я от души рад вашему назначению. О вас я слышал самые лучшие отзывы. А, представьте, в Петрограде — в столице — мы имели комиссаром какого-то товарища Болотова, который никакого авторитета не представлял ни для академии, ни для Советского правительства.

— Я тут человек новый. Как будто некому давать обо мне отзывы, — ответил Ребров.

— Ну что вы! Я рад, рад за академию. Сейчас такое время, когда без комиссара нельзя ступить ни шагу. Если бы вы знали, сколько трудов я приложил, чтобы вывезти академию, устроить ее здесь. Пришлось везти библиотеку, типографию, Суворовский музей. Ну, вот теперь будет легче: в вашем лице мы имеем надежного защитника. Я пользуюсь первым же случаем, чтобы просить вас оказать содействие размещению сотрудников и слушателей. Вы видите, как мы живем... — обвел глазами комнату Андогский.

— У вас есть подходящие помещения? — спросил Ребров.

— Да, ведь вот же напротив женский монастырь. Слушатели и профессора с семьями прекрасно могли бы устроиться в кельях. Кто же может считаться с дурью нескольких десятков выживших из ума баб? А городской совет затягивает решение вопроса. У нас же военное время!

— Хорошо, — сказал Ребров, — я добьюсь у горсовета очищения монастыря.

— Неоценимую услугу окажете академии, — с чувством произнес Андогский и продолжал: — Теперь еще одна просьба. На днях вышла неприятность... Ну хоть бы мальчишка нас подвел! А то ведь полковник со старшинством, способный, талантливый слушатель, Слейфок. Представьте, подает заявление в Чрезвычайную комиссию и пишет: «...Узнав о пребывании в Екатеринбурге Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, прошу Чрезвычайную комиссию разрешить мне свидание с Ея

Императорским Величеством ввиду того, что, будучи тяжело ранен и находясь в Царскосельском госпитале, неоднократно был взыскан лаской и участием Ея Императорского Величества...» Нашелся, видите ли, рыцарь! Подвел меня! Академию! Теперь сидит. Добился. Нельзя ли, Борис Петрович, освободить этого дурака? Право, позор — слушатели академии сидят по тюрьмам!

— Хорошо, я выясню, в чем дело, — ответил Ребров.

— Много обяжете, — поклонился Андогский. — Сами видите, как необходим нам комиссар. Сказать прямо, Борис Петрович, если бы больше таких людей, как вы и ваши руководители, я сам вступил бы в партию. Ведь нам во всем идут навстречу. Этого мы не знали даже в старое время. На днях я говорил в Москве с народным комиссаром по военным делам. Он очаровывает. Обещал всемерную поддержку академии. Расспрашивал меня: каков профессорский состав, довольны ли, есть ли достаточное количество учебных пособий, не нуждаемся ли в чем. Потом вдруг спрашивает: «В списке значится профессор Расторопный. Кто это? Раньше его как будто не было слышно?» Какая память! Какая проницательность! Ведь Расторопный действительно профессор по недоразумению...

— Как по недоразумению? — спросил Ребров.

— Анекдот, — усмехнулся Андогский. — Был он гвардейский полковник: без имени, без связей, без состояния. Понадобилось кого-то послать в Абиссинию. Государю императору доложили и список кандидатов составили. А государь император, не читая фамилий, на списке начертил: «По-

слать Расторопного Гвардейского Полковника»— и все слова с больших букв написал, а гвардейский полковник Расторопный один на всю столицу. Его и послали. Возвратился он генералом. Понравилась внешность. Прикомандировали по указу государя к академии... Я вас задерживаю,— вдруг спохватился Андогский и встал, протягивая руку.

— Вы будете пользоваться выездными или верховой? — спросил он Ребров уже в дверях.

— Верховой,— ответил Ребров, закрывая дверь.

Час спустя Ребров обошел помещения академии. В самом деле, Андогский сумел вывезти из Петрограда решительно все: почти в каждой комнате, в коридоре, в службах лежали заколоченные ящики с имуществом.

Ребров осмотрел классы, помещение канцелярии, огромную столовую, разместившуюся в зале епархиального училища. Спустился в полуподвальное помещение, где находились кооператив академии и жилые помещения служащих. Зашел в конюшню к стоявшим там кровным рысакам. Выбрал себе английскую кобылу Куклу и велел держать ее для него.

Возвращался обратно через вестибюль и уже хотел подняться по лестнице, как оттуда, сверху донесся приятный баритон:

— Не беспокойтесь, мать игуменья! На днях я еду в Москву. Лично буду ходатайствовать перед народным комиссаром об оставлении монастыря в покое. Зайду к патриарху Тихону, доложу ему. Не допустим поругания.

Ребров не спеша стал подниматься по лестнице. На площадке перед черной игуменьей стоял Алек-

сандр Иванович и почтительно целовал ей руку. Игуменья широким рукавом благословляла его.

Утром на длинных стенах коридора бывшего епархиального училища висел

ПРИКАЗ № 1

Со вчерашнего числа вступил в должность политического комиссара Академии Генерального Штаба.

Предлагаю:

1. Профессорам, преподавателям, слушателям и слушателям Академии в течение сегодняшнего дня до 6 часов вечера сдать лично мне все имеющееся в их распоряжении оружие: как огнестрельное, так и холодное.

2. Снять с головных уборов обтянутые красной материей значки и заменить их установленным в Красной Армии значком — пятиконечной звездой.

3. Ввести в учебный совет Академии представителей от слушателей, для чего произвести выборы в течение ближайших трех дней.

Комиссар Академии *Б. Ребров.*

II

— **К** телефону! Голованов вызывает, — кричал в три часа ночи дежурный, стуча кулаком в дверь комнаты Реброва. Ребров вскочил с постели, накинул шинель и побежал по длинному коридору к телефону.

— Ребров, ты?

— Я.

— Немедленно приезжай ко мне. Через сколько можешь быть?

— Через пятнадцать-двадцать минут.

— Хорошо. Приедешь — если засну, разбуди.

Через пятнадцать минут Ребров будил Голованова, спавшего в одежде и высоких сапогах на диване.

— Егорыч, я приехал. В чем дело?

— Это ты? — встряхиваясь, пробормотал Голованов. Он устало поднялся, потянулся за папироской и сказал: — Кажется, кончается...

— Что кончается?

— Советская власть.

— Что? Что случилось?

— Посмотри вот это, — протянул Голованов несколько листов. — Это сводки из-под Челябинска. Бегут наши. От собственных выстрелов бегут. Сегодня к вечеру чехи могут быть здесь.

— Ну, брось ты. У тебя это со сна, Егорыч.

— Дураки будут, если не займут сегодня Екатеринбург. На это только мы и можем рассчитывать. На вот прочти московскую шифровку, — подал он Реброву знакомый бланк с рядами цифр, где под каждой цифрой был уже текст.

Т Е Л Е Г Р А М М А

В случае дальнейшего продвижения чехов на Екатеринбург весь золотой запас, платину, денежную наличность немедленно эвакуируйте в Москву под надежной охраной, с вернейшими людьми. Потеря ценностей — удар Советской власти. При перевозе избегайте опасных мест. Возможно преследование. В случае невозможности доставить в Москву — скройте ценности на месте. Организуйте боевую дружину, чтобы оставить ее в тылу чехов для партизанских действий и охраны района, где будет спрятано золото.

Преддик Свердлов.

— Борис, поедешь?

— А академия? Там надо бы нажать...

— За ними присмотрим сами. Возьми мандат. Ребров взял бумагу. На ней было напечатано:

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
РЕСПУБЛИКА СОВЕТОВ
Уральский Областной Совет
Рабочих, Крестьянских и
Армейских Депутатов
Президиум
№ 4437
Екатеринбург

Удостоверение

Настоящее выдано тов. Борису Реброву в том, что он является начальником чрезвычайной охраны поезда специального назначения, отправленного Областным Уральским Советом Раб., Кр. и Арм. Деп. по распоряжению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Место назначения поезда и цели его движения составляют государственную тайну, поэтому никто из должностных лиц не имеет права входить в рассмотрение целесообразности того или иного маршрута.

Маршрут определяется т. Ребровым согласно имеющимся у него инструкциям, и он имеет право его изменять. Никто, кроме Совета Народных Комиссаров, не имеет права отменить распоряжение тов. Реброва о продвижении поезда, ни военные, ни гражданские власти.

Все железнодорожные советы и агенты, и начальствующие лица обязаны всячески содействовать т. Реброву в выполнении его задачи.

Основанием к выдаче настоящего удостоверения служит шифрованная телеграмма Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Пред. Обл. Совета Урала *Голованов*

— В золотосплавочной получишь золото и платину, всего пудов шестьсот. В банках — деньги: полмиллиарда. Для охраны командирuem человек пятнадцать наших с Запрягаевым во главе. Его я предупредил. Да столько же левых эсеров...

— Зачем же эсеров?

— Пока они наши союзники, мы должны с ними считаться. Рядовые дружинники у них — ребята хорошие, а вожди могут подвести, — надо смотреть в оба. Прямо отсюда вали к Жебелеву, он должен предоставить тебе состав. Для перевозки золота возьми в горпродкоме грузовики и пленных австрийцев. Разговоров с ними поменьше, да они и не поймут, что грузят. Когда кончишь, приеду на вокзал, договоримся о маршруте. Нечаев поедет вперед с почтовым посмотреть удобные места, чтобы спрятать золото, если не проскочишь в Москву. — Подойдя к Нечаеву, спавшему на полу, Голованов пихнул его в бок: — Вставай, пора! Вставай!

Нечаев поднялся, протер припухшие от бессонницы глаза и стал искать очки.

В пятом часу утра в штабе партийной дружины все, кроме дежурного, спали. Дежурила какая-то работница. Она внимательно посмотрела пропуск Реброва и указала на дверь по коридору.

— Разбуди там Запрягаева в комнате налево, на полу.

Ребров вошел в комнату. Светало. На полу вповалку, одетые в солдатскую форму, валялись

дружинники. Под головами у них были походные, туго набитые сумки. У изголовий стояли винтовки, прислоненные к стене, а на полу у винтовок — подсумки с патронами.

Ребров негромко позвал:

— Запрягаев!

В углу зашевелился и сел на шинели высокий круглоголовый дружинник. Даже в полутьме были видны могучие плечи и широкая выпуклая грудь. Ребров сразу узнал его. Это был тот самый детина, который бежал во главе цепи у вокзала.

— Это ты, Ребров? — спросил Запрягаев, вглядываясь в Реброва, потом вскочил на ноги и громко крикнул: — Эй! Эй! На работу!

Дружинники зашевелились, стуча сапогами, быстро поднялись, схватили подсумки с ремнями и винтовки.

— Мы тебя ждали ночью и приготовились с вечера, — сказал Запрягаев. — Теперь за эсериками? — спросил он, нахмурившись.

— Не нравится? — ответил Ребров. — Да, к ним!

Дружинники вышли на улицу и построились. Лезовэсеровский штаб недалеко. В старинном деревянном доме маленькие окна наглухо закрыты ставнями. Железные перекладины болтами схвачены изнутри. Высокое скрипучее крыльцо ведет в штаб. Ребров взбежал на крыльцо. Дверь закрыта. Долго стучал, пока не услышал шаги.

— Кто там? — спросил из-за дверей чей-то бас.

— Ребров.

Дверь открылась, и Ребров увидел двоих вооруженных мужчин. За ними стоял третий — небольшой человек в пенсне, с маузером на боку.

— Вы Ребров?

— Да.

— Документы?

Ребров протянул мандат и записку Голованова. Маленький прочел, пристально вглядываясь в документы и, подойдя к Реброву, протянул руку:

— Я — Воздвиженский, начальник сводного левозсеровского отряда.

Воздвиженский повел Реброва куда-то в темноту. Сквозь щели ставен еле пробивались красные лучи зари.

— Чего это вы за ставнями сидите? Ни черта не видно, — сказал с досадой Ребров. — Тьма крошечная.

— Зато никто не влезет.

— Куда?

— К нам.

— Кто к вам ползет?

— Разведчики, шпионы...

Воздвиженский повернул выключатель. Лампочка осветила маленькую, хорошо обставленную комнатку с мягким кожаным диваном, на котором белели простыни и подушки.

— Подождите здесь! — сказал он и исчез за дверью.

Ребров прислушался. Где-то в комнатах застучали прикладами, зашевелились люди. Слышно было, как Воздвиженский визгливым тенорком вызывает центральную телефонную станцию. Потом глухо захлопнулась дверь, и Воздвиженского не стало слышно.

«К своим вождям звонит, — подумал Ребров. — Развели канитель».

Через полчаса отряд в тридцать человек ша-

гал по Клубной улице к золотосплавочному двору. Впереди всех в драповом пальто, в шляпе, с маузером через плечо шел Воздвиженский.

Золотосплавочный двор находился под горой у самого берега Исетского пруда. Железные ворота толщиной в вершок, на чудовищных петлях, вели в двор, обнесенный высоким забором. Там стояло двухэтажное здание. Необычайная, очень большая труба над белым, чистым домиком. Широкие, почти квадратные окна с тонкими решетками. Опрятный двор зарос сплошь зеленой, свежей травкой. Очевидно, лишних посетителей здесь не бывало, и только едва заметная тропинка пробивалась от калитки ворот к белому домику.

Пленные австрийцы на грузовиках уже ждали у железных ворот, когда дружинники начали спускаться с горы к пруду. Машины загрели, заворчали, как жуки, задвигались вперед-назад, выстраиваясь в очередь. Сторожа поспешно захлопнули тяжелые ворота, как только отряд вошел во двор. Грузовики безжалостно мяли траву, оставляя за собой широкие полосы.

Ребров вошел в домик и попал в отделение плавильных печей. Холодные печи покрыты пылью. Они давно прекратили работу. Тихо и пусто. Толстый человек в старой, с тугим околышем фуражке, на бархатной тулье которой еще не стерся отпечаток кокарды, встретил Реброва у входа и провел в кладовую золотосплавочной. Там на полу в деревянных ящиках и стеклянных банках хранилась платина. Рядом несколько десятков холщовых мешков, едва-едва завязанных, без печатей. Ребров развязал один мешок, сунул в него

руку — на дне слитки золота. Толстый человек в фуражке пренебрежительно махнул рукой:

— Берите... Вот.

— Где же список? — спросил Ребров.

— Нет никаких списков.

— Как нет? Откуда же знать, сколько его тут?

— Взвесили мы: двести пудов платины, четыреста пудов золота. Упаковывать и запечатывать некогда. Да и не к чему, — иронически добавил он, — все равно растащат...

— Кто растащит?

— Воры, — многозначительно промычал толстый.

Партиями по три человека военнопленные стали проходить в золотосплавочную и перетаскивать груз в автомобили. В первой тройке здоровяк австриец, увидав небольшие мешочки, нагнулся и схватил несколько сразу, да так и остался в согнутом положении: тяжелые мешочки не сдвинулись с места. Схватив обеими руками один мешок, он едва приподнял его и выругался,

— Шорт! Нишего не понимай!

Частой сеткой рельсов покрыт товарный двор. Красные вагоны рядами выстроились около платформы, в тупиках, на запасных путях. Можно легко перешагнуть с крыши одного состава на другой, так тесно стоят ряды груженных вагонов. На дверцах вагонов везде тяжелые замки или засовы, обмотанные проволокой. У каждого замка небольшая свинцовая пломба и пометка мелом на стенке вагона.

Желтый забор из остроконечных досок отгораживает товарный двор от площади.

На дворе у пустынной платформы ждет состав из четырех вагонов. Два пассажирских — видимо, для охраны; два американских товарных — для груза. По платформе ходит сторож.

— Зачем забросили сюда пассажирские? — спрашивает он у сцепщика.

— Поди спроси! Комиссары какие-то секретные! Да вон, кажись, они! Подъезжают.

Сторож бросился к воротам:

— Что за груз? Накладную на вагоны предъявите!

— Посторонитесь! Накладные после... — крикнул Запрягаев с первой машины.

Во двор въехали грузовики, набитые мешками. На мешках сидели дружинники. Сторож с любопытством осмотрел их и вдруг стал пристально вглядываться в одного из дружинников.

После двух часов дня Ребров, погрузив золото и платину, приступил к перевозке денег из банков.

В первую очередь грузовики подошли за деньгами к Сибирскому банку. Ребров прошел через операционный зал, сияющий стеклянными перегородками и вошеным паркетным полом. В дверях он наткнулся на молодого секретаря.

— Где директор?

— У себя. Как доложить?

— Комиссар областного Совета.

— Пожалуйста, за мной! — холодно сказал

молодой человек и открыл дверь в кабинет директора.

Директор, высокий тощий старик в стоячем воротничке, был у себя.

— Где у вас деньги? — спросил Ребров и протянул директору постановление областного Совета.

Директор сбросил с переносицы пенсне и ответил спокойно и строго:

— Милостивый государь, для меня этот документ недействителен.

— Почему?

— Я распоряжаюсь средствами только по указанию Москвы.

— Но ведь областной Совет действует по распоряжению ВЦИКа.

— Мне это неизвестно.

— Отказываетесь выдать деньги?

Директор пожал плечами. Ребров вышел. Через несколько минут он вернулся в кабинет в сопровождении Запрягаева. Из соседней комнаты послышался дружный топот сапог.

— Где кладовая? — спросил Ребров, подходя к директору.

— Веди в кладовую, старое чучело! — крикнул Запрягаев.

Директор тяжело оперся на стол, поднялся и пошел к двери. Они прошли по каменной лестнице в полуподвальное помещение. У железных дверей, выкрашенных в зеленый цвет, их встретил дряхлый банковский сторож с огромным смит-вессоном на красном шнуре через плечо.

— Открывай! — снова крикнул директору Запрягаев, срывая деревяшку с сургучной печатью.

— У меня нет ключа, — прохрипел директор. — Ключи у Сергея Сергеевича, у главного бухгалтера.

— Подавай сюда бухгалтера! — сказал Запрягаев.

Тяжело отдуваясь, явился главный бухгалтер. Дрожащими руками снял он тяжелый висячий замок, потом открыл внутренний замок и с трудом распахнул зеленые двери. За первыми дверями оказались вторые, решетчатые.

Новые три ключа открыли решетку, и все вошли под низкие сводчатые потолки кладовой Сибирского банка.

По стенам на длинных полках, похожих на книжные, лежали толстые пачки, перехваченные бумажными ленточками крест-накрест.

— Как в типографии, — удивился один из дружинников.

— А это что? — спросил Запрягаев директора, указывая на гладкую стену кладовой, из которой торчали металлические ручки, похожие на ручку дверного звонка.

— Сейфы, — ответил главный бухгалтер.

— Открыть!

Дружинники стали выносить пачки денег, сваливая их без счета в холщовые мешки. Ребров подошел к сейфам. В них было пусто.

— Где же ценности? — спросил он директора.

— На-ци-о-на-лизированы.

— Но где они?

— Вон в том несгораемом ящике, — указал директор на небольшой квадратный ящик, стоявший на полу.

— Откройте!

— Ключей нет.

— Как нет?

— Они в Государственном банке.

— А дубликаты?

— Затеряны.

— Затеряны? — переспросил Ребров. — Арестовать! — крикнул он дружинникам, и перед глазами директора выросли две винтовки.

— Господин комиссар! — жалобно сказал директор, но закашлялся и смолк. Его крахмальный воротник сбился набок, манишка топорщилась, он съежился и стал меньше ростом. Дружинники быстро вывели его из кладовой.

— Дьяволы, — ругался Ребров, — саботажники! Теперь таскайся с железным ящиком...

— Зачем? — перебил его Запрягаев. — Сейчас откупорим. Эй, кто там! — крикнул он оставшимся в кладовой дружинникам, — тащи дрель. Да поширьте наверху, нет ли зонта.

Главный бухгалтер с изумлением взглянул на Запрягаева.

— Зачем вам зонт? — спросил он.

— Увидишь, — ответил Запрягаев, плюнул на руки, потер их о свои засаленные штаны и, подойдя к ящику, вдруг нагнулся и тяжело приподнял его.

— Посторонись! — крикнул он бухгалтеру и поставил шкаф в нишу замком к стене.

— Восемнадцать пудов, — с ужасом прошептал бухгалтер.

Дружинники вернулись с дрелью и дамским кружевным зонтиком. Запрягаев схватил дрель, приставил к задней стенке несгораемого шкафа, надавил грудью. Сверло запело и врезалось в

сталь. Через пять минут небольшое отверстие было готово. Запрягаев своими твердыми черными руками разорвал шелк, вырвал из кружев зонта тонкую упругую спицу, сунул в отверстие и ковырнул несколько раз. Потом снова взялся обеими руками за ящик и осторожно поставил его на пол. Толстая дверца легко приоткрылась.

— Готово, — сказал он, вытирая рукавом со лба пот.

Ящик был набит драгоценными камнями и золотыми монетами.

Скоро все было погружено, и Ребров с отрядом уехал из банка.

Главный бухгалтер выбежал из кладовой и бросился к телефону.

— Петра Ивановича арестовали, — глухо сказал он в трубку, — большевики падают. Деньги увозят, делить будут. Сейчас к вам приедет комиссар.

Когда Ребров приехал в Русско-азиатский банк, там денег оказалось совсем мало — правление банка успело выдать служащим жалованье за шесть месяцев вперед.

— Назвонили, шкурники, на весь город, — сказал Ребров Запрягаеву. — Теперь придется расхлебывать. Ты держи ухо востро. Поезжай на товарный двор. Выставь оцепление, а на крышу американского вагона посади парня, чтобы смотрел по сторонам. Ворота товарного закрой и часового поставь. Боюсь, чтобы в городе буза не началась. Я еще съезжу в последний банк, а оттуда прямо на вокзал.

Длинный июньский день уже давно кончился. Стемнело. Только в вышине тускло блестел купол Вознесенского собора. Голованов все не приезжал. Ребров в раздумье шагал по платформе. В десятый раз он подходил к прицепленному, тихо фыркавшему паровозу Н-216.

Около паровоза возился маленький юркий человек с раскосыми глазами. Он держал в одной руке масленку, а другой бережно вытирал могучий шатун.

— Красноперов, сколько в среднем в час можешь идти?

— Семьдесят пять.

— А долго можешь держать такой ход?

— Покуда не свалюсь, — ответил Красноперов и юркнул куда-то под паровоз.

— Не бойсь, — сказал Реброву измазанный сажей человек, смотревший из окна паровоза, — наш косою как схватит, так уж поволокет. Только вот скорей бы отправляли. В депе ребята бузить собрались. Еще задержат.

Ребров невольно подумал: «Не потому ли и задержка произошла, что где-то в депо бузят?»

На крыше американского товарного вагона, вдоль железного поручня, по длинному деревянному настилу шагал часовой-дружинник, поглядывая с высоты по сторонам. Как бы в ответ на догадку Реброва, он неожиданно остановился и стал внимательно смотреть в одну из улиц.

— Товарищ Ребров! Какие-то люди идут; кажись, с винтовками.

Ребров схватил бинокль и полез по железной лесенке к часовому. Посмотрел на улицу. Посреди дороги шел, подымая пыль, вооруженный отряд.

Ребров спустился на платформу и свистнул. Из вагона выскочили дружинники и столпились вокруг него.

— Восемь человек к воротам! Запрягаев, веди! Остальные — вокруг состава. На площадках — приготовь пулеметы!

Все заняли свои места. Запрягаев пошел к воротам. Воздвиженский с маузером в руках бежал возле вагона.

— Огонь по ним! Огонь! — кричал он.

— Да подожди ты, — сказал Ребров, — узнай, в чем дело.

— Товарищ Ребров! — вновь крикнул часовой. — К воротам подходят.

Через несколько минут вооруженный человек в тужурке с блестящими пуговицами, по виду конторщик или кладовщик, стоял перед Ребровым.

— Я делегат железнодорожников, и мы требуем, — начал он, косо поглядывая на торчавшее с площадки дуло пулемета, — мы просим, чтобы вы никуда сегодня не отправлялись. Сообщите, что за груз вы везете?

— А если не сообщу?

— Тогда мы принуждены будем задержать вас. Мы от комитета.

— Чего проще, — сказал Ребров, — так вы и сделайте. А пока передай своему комитету, что если кто подойдет близко к товарному двору, я дам две пулеметные очереди. Если нужны справки, обратитесь в областной Совет к товарищу Голованову. Ну, иди, да не возвращайся!

Делегат молча пошел к воротам. За воротами загалдели, но скоро затихли. Дружинники разошлись по вагонам.

Через полчаса верхом на лошади въехал во двор запыхавшийся Голованов. За ним скакал начальник гарнизона Долов. Они привязали лошадей и вошли в вагон.

— Не мог раньше, — сказал Голованов Реброву в купе. — Наделали мы с тобой делов. В городе паника, везде кричат: «Большевики падают — деньги увозят». А тут еще эсеры железнодорожный комитет на выступление подбивают, того и гляди делегатов пришлют...

— Присылали уже, — ответил Ребров.

— Тогда немедленно выезжай, а то будет поздно.

— А маршрут?

— Сперва на Невьянск — Пермь по горнозаводской. Это, кажись, безопасней. Верно, товарищ Долов? — повернулся Голованов к начальнику гарнизона.

— Так точно. Чехи вот-вот выйдут на главную — по ней опасней, — подтвердил Долов.

— А там в Москву, — продолжал Голованов. — До Вятки спокойно, а дальше осторожней, в Мурманске высажен англо-французский десант. Могут ударить на Вологду. Что это?.. Слышишь?

— Тревога!

— Долов, скачи узнай, в чем дело! — крикнул Голованов.

Долов побежал к коню.

Ребров и Голованов выскочили на платформу. Далеко, у пассажирского вокзала, тревожно гудели гудки железнодорожных мастерских. К ним присоединились гудки паровозов. Заревели винный и дрожжевой заводы в городе. Длинные, заунывные свистки с короткими перерывами. Сомнений

быть не могло — железнодорожники созывают свой отряд.

— Егорыч, — тихо сказал Ребров, — а ведь лучше нам ехать не на Невьянск, а по главной. Кстати, не нравится мне этот твой офицер, — указал он на скакавшего вдаль Долова. — Мимо чехов-то мы авось проскочим, а по горнозаводской больше опасных мест. Не попасть бы в ловушку к эсерам.

— Пожалуй, ты прав, — после минутного раздумья сказал Голованов. — Меняй маршрут. Я буду знать один. Не попадешь в Москву — спрячь золото в Кизеловском районе, а там спеши сюда назад. — Ну, двигай, — и он пожал Реброву руку.

Они побежали к паровозу. Ребров протянул жезл:

— Красноперов! Едем! Держи путевку. Сквозная по главной.

Мягко снялся с места и двинулся вперед в неизвестность поезд с золотом. Звуки паровозных гудков все шире и шире расплзались над городом, а поезд развивал предельную скорость. Золотой запас мчался дальше и дальше по главной в Москву.

В Невьянске в комнате дежурного сидят штатские люди с маузерами на боку. Один из них, высокий, с черной окладистой бородой и золотыми зубами, басит в телефонную трубку:

— К черту. Бросьте заниматься мелочами. Здесь полмиллиардом пахнет. Шлите немедленно отряд ко мне на вокзал. Поезд подходит.

Черный бросил трубку и перебежал к другому телефону:

— У семафора?.. Не пропускать назад, если попробует удрать! Переведите стрелки, как только пройдет.

— На перрон! — закричал он людям, сидевшим на деревянном диване. — Подходит!

Люди с маузерами вышли из комнаты. Из зала третьего класса высыпала толпа вооруженных мужиков.

На заводской дороге, по ту сторону полотна, послышался дробный топот сапог, смутный говор людей, задрезжало и залязгало железо, словно там перекачивали железнодорожные тележки на чугунных колесиках. На минуту шум затих. Послышалась команда:

— Разомкнись! Ложись!

Защелкали затворы винтовок. Снова покатили куда-то чугунную тележку.

— Тарабукин! — прокричал голос из темноты.

Чернобородый с фонарем в руке подбежал к краю перрона и, приставив ко рту полусогнутую ладонь, крикнул:

— Как подойдет, — по крыше!

— Ладно, — ответил голос, и за полотном все стихло.

Вооруженные люди на перроне кучками попрятались за скамьи, за ларек, за керосиновый бак, за изгородь станционного садика.

Далеко за станцией зеленый фонарик семафора висел высоко в воздухе. Отдаленный шум скатывающегося с горы поезда донесся до слуха и затих. Зашумело ближе. Сперва запели, потом задрожали мелкой дрожью рельсы. Из-за поворота вылетели две ярких точки и понеслись на семафор. На платформе вдруг стало светлее.

— Тра-та-та!.. — неожиданно ворвался в шипение паровоза пулемет. На паровозе затормозили. Страшный толчок потряс вагоны. Посыпались вылетевшие из рам стекла. Из окон раздались голоса:

— Спасите!

С подножек прыгали полураздетые пассажиры: мужчины, женщины с детьми на руках. Сбились в кучу.

— Ракету! — крикнул Тарабукин.

Сзади треснул выстрел. Зеленой змеей взвилась в небо ракета и рассыпалась над пассажирами. Со всех сторон бежали вооруженные люди, сжимая поезд в кольцо.

Рядом с Тарабукиным бежал здоровенный парень в войлочной шляпе. Винтовка казалась игрушечной в его узловатых руках. Брюки на выпуск смешно раздувались клешем, когда он большими прыжками перескакивал через железнодорожную колею.

— Масло с яйцами! — ругался он, разглядывая выскочивших пассажиров. — У комиссаров бабы золото возят!

Тарабукин на бегу наткнулся на какую-то мягкую кучу. Он поднял фонарь и увидел на земле женщину. Она лежала, раскинув руки, а около нее жались притихшие в испуге ребятишки.

— По местам! В вагоны! — закричал Тарабукин, размахивая маузером.

Пассажиров загнали в вагоны.

— Что за поезд? Где золото? — снова кричал Тарабукин, хватая главного кондуктора за шиворот.

Толстый кондуктор в испуге спрятал голову в плечи и забормотал:

— Почтовый уральский...

— Где комиссар поезда? — взревел Тарабукин, замахиваясь рукояткой маузера.

— Комиссар? — лепетал главный. — Комиссар в вагоне номер два, третье купе.

— За мной! — бросился ко второму вагону Тарабукин, оттолкнув кондуктора.

Малый в войлочной шляпе в два прыжка обогнал его и первым заскочил в вагон.

— Эй, выходи! — толкнул он ногой дверь купе, не решаясь открыть ее. — Хуже будет. Выходи! Масло с яйцами!

Тарабукин тихонько подкрался с противоположной стороны коридорчика, осторожно дернул дверь за ручку и отскочил в сторону.

Дверь открылась; на нижней полке спокойно сидел полный пожилой человек в очках — волосы бобриком.

— В чем дело? — спросил он.

— Сдавайтесь! Застрелю! Ты Ребров? — заорал парень в шляпе.

— Ты комиссар золотого поезда?! — закричал Тарабукин, подняв маузер.

Полный человек улыбнулся, вынул из кармана бумажник и протянул Тарабукину удостоверение.

Удостоверение

Предъявитель сего т. Нечаев Александр Васильевич командирован Областным Советом в Нижне-Тагильский, Чусовской и Кизеловский районы по делам Областного Совета. Всем советским организациям предписывается оказывать т. Нечаеву всяческое содействие.

Председ. Обл. Совета Голованов

— Не тот, сволочь! — выругался Тарабукин. — Прохлопали полмиллиарда. — Говорил: узнайте точно, здесь ли поедут. «Здесь, здесь...» Теперь они уже по главной, наверное, за Каму перемахнули.

— Так мы при чем тут? — оправдывался парень в шляпе. — Телеграфировал из Таватуя начальник станции, ему из Екатеринбурга свой человек сообщил...

— Свой человек, — передразнил Тарабукин. — Дурак, а не свой человек. Губошлепы! Надо по линии дать знать, чтобы ловили. — Тарабукин захлопнул дверь купе и повернулся к выходу.

— А этого куда, комиссара? — спросил парень, указывая на дверь купе.

— Всех советских в штаб, в завод, — распорядился Тарабукин и исчез в дверях вагона.

Нечаева вывели на платформу. Из других вагонов к нему присоединили еще несколько человек. Парень в шляпе крикнул кому-то:

— Давай охрану!

По платформе бегали люди, вооруженные старинными берданками, палашами и пистолетами, будто кто-то раздавал тут оружие из музея. Через несколько минут к арестованным подошел небольшой отряд столь же странно вооруженных людей, и процессия двинулась. Конвойные гнали арестованных по булыжникам заводского тракта. Суতোлка станции сменилась ночной тишиной. Невьянская падающая башня, наклонившаяся набок, темнела вдали.

Шли долго и медленно, пока не показался большой двухэтажный деревянный дом. Аресто-

ванных ввели во двор, крытый навесом, потом в темную комнату.

— Ну, вы, масло с яйцами! Сидеть спокойно, — сказал старший конвоир и замкнул дверь.

— Так. Попали к эсерам в гости, — сказал Нечаев. — Ну, ребята, утром виднее будет. А пока ложись спать. Чего зря нервы трепать. — Минуту спустя он забормотал: — Вот лешие! Очки мои забрали — ни черта не вижу.

Арестованные легли, но никто не мог заснуть до утра.

Светало, когда из Невьянска длинной колонной уходили в леса пестро одетые и разнокалиберно вооруженные люди. Это отступали правые эсеры.

С двух сторон дороги от времени до времени словно откупоривались гигантские бутылки — это ухали пушки броневиков. В двухэтажном доме у Невьянского завода арестованные чутко прислушивались к звукам пальбы. Они не знали, радоваться ли им или ждать смерти.

— Эй, вы, масло с яйцами, — вдруг прокричал в окно знакомый голос. — Держи гостинцы!

В тот же миг со звоном посыпались осколки оконного стекла. Что-то тяжелое влетело и с шипом покатилося по полу. Через мгновение ударил вихрь и задрожали стены. Взрыв! Все, кто был в комнате, упали на пол.

Нечаев поднялся первым, бросился к окну и выглянул наружу. Пустынные улицы упирались в поле. Ставни соседних домов были закрыты наглухо. Где-то тявкали собаки. Ни одной живой

души не было видно. Нечаев, несмотря на свою грузность, легко спрыгнул на деревянный тротуар. Добежал до первого перекрестка — там было так же пустынно, как и на других улицах. Он вернулся обратно.

— Ребята, утекли эсеры. А ну-ка, кто ранен?

Осмотрели друг друга. У одного оказалась расцарапанной щека. Другой держался за ухо. Никто серьезно не пострадал.

— А бомбы-то у эсеров никудышные. Сами состряпали, наверно, — засмеялся Нечаев.

С высокого Уральского хребта поезд Реброва стремительно падает вниз. Красноперов держит предельный ход. На крутых поворотах по склонам хребта кажется, что поезд сломается пополам. Стекла пассажирских вагонов не выдерживают и в двух купе уже разбиты вдребезги. Мелькают хмурые тени станций и разъездов. Луна прыгает в клубах дыма, перелетая с одной стороны поезда на другую. На площадках классных вагонов пулеметы, как живые, с любопытством подняли свои узкие мордочки кверху. Часовые стоят без винтовок, с наганями на боку. С грохотом проносится мимо сероватой тенью камский мост. За Камой ровный железнодорожный путь, и еще быстрее мчится золотой поезд. Красноперова после двенадцатичасового пути сменяет его помощник.

— Веди спокойно, — хрипло говорит Красноперов, стирая со лба черный пот. — Здесь путь хороший. Воду бери только на маленьких станциях, там меньше народа. Большие станции веди сквозным, чтобы никто не подсел.

Ближе к Вятке почти на каждой станции железнодорожники задерживают поезд.

— Одноколейная дорога, ничего не поделаешь, — говорят железнодорожники.

Но дело не в одноколейной дороге, а в том, что в железнодорожных комитетах сидят эсеры.

— Впереди встречный, — заявляет начальник станции, — придется подождать.

Даже у честного железнодорожника так устроена голова, что он больше всего думает, как бы замедлить движение. Скучно жить на полустанке за сотни верст от городов. Может быть, поэтому он и задерживает у себя на станции пассажирские поезда, которые мелькают перед ним, как интересная кинолента.

Ребров бежит со своим кольцом в дежурную комнату. За ним Воздвиженский и морзист из отряда.

— Встречный, говоришь? А о нас имел извещение? Почему не задержал его? Ну-ка, постучи — узнай, в чем дело? — Морзист играет дробь ручкой аппарата. По белой ленте ползут тире и точки. Никакого встречного нет.

Воздвиженский выскакивает вперед:

— Безобразия! — кричит он и стучит кулаком в стол. — Я телеграфирую в железком.

Железнодорожник молчит.

— Ты, мерзавец, обманывать! — говорит Ребров. — Возиться некогда! Передай по линии, что за следующую задержку — к стенке.

Паровоз, устало отдуваясь, тянет хоботом воду. Дышат паром цилиндры. Одинокий полустанок прячется в тополях. Деревья тревожно шепчутся.

Из-за водокачки вышли два странника, заросшие волосами, в домотканых коричневых зипунах, с палками в руках, и, оглянувшись, побежали к поезду.

— Эй, товарищ! — крикнули они бородатому дружиннику, который выскочил из вагона с чайником. — Дозвольте на машину сесть?

— Неможно, — степенно ответил дружинник.

— Пошто, родной? Один перегон нам.

— Поезд государственный. Неможно, — повторил дружинник, подставляя чайник под кран.

— Белозипунников, назад! — закричал высунувшийся в окно Запрягаев.

Дружинник вздрогнул, опрометью бросился в вагон, разливая на бегу кипяток.

Сереет. В мимо летящих лесах мутная ночь. Часовых на площадках не разглядишь. Дружинники спят на полках в одежде, только немногие сняли обмотки и башмаки. Задний вагон бросает из стороны в сторону. Там разместились левые эсеры.

Воздвиженский сидит в купе у Реброва и Запрягаева. Горит на столе огарок свечи.

— Читали? — спрашивает Воздвиженский Запрягаева и тычет пальцем в газету.

— Что?

— Немцы грабят Украину. Брест-Литовский мир не спасет Россию. Драться надо!

— В самом деле? А мы не знали. Погибели Советов хочешь?

— Мы заранее отдали себя в жертву. Лучше погибнуть...

— Чего ж ты не гиб? — захохотал Запрягаев.

— И погибнем! — крикнул Воздвиженский и быстро вышел из купе.

— Загадки загадывают? — спросил Запрягаев Реброва.

— Эсеров не знаешь?!

— И то. Они хоть и левые, а от правых не отличишь. — Запрягаев хмурится: — Слушай, Борис, на последнем полустанке около поезда что-то очень близко вертелись два мужика. Подозрительные. Не прохлопали бы ушами эти пустозвоны.

— Поставь дежурить всех своих. Да пойдём осмотрим поезд, — сказал, вставая, Ребров.

В узком коридорчике вагона их качнуло и стало бросать от стенки к стенке.

— Ну и прет, — сказал Запрягаев, на секунду теряя равновесие и налетая грудью на боковую стенку.

Они прошли первый вагон. Все было на месте. Часовые не дремали. Запрягаев выглянул в окно. Поезд круто поворачивал, не сбавляя хода. Сквозь серую мглу северной ночи между третьим и задним вагонами что-то черное мелькнуло и исчезло за вагоном. На мгновение Запрягаеву показалось, что кто-то с буферов пытается перебраться на подножку последнего вагона. Ничего не говоря, он бросился к заднему вагону. Тихонько подошел к часовому, взглянул сквозь стекло тамбура. На квадратной скобе около муфты левого буфера можно было ясно разглядеть ременную петлю, уходившую под вагон...

— Держи меня за ноги, — прокричал на ухо часовому Запрягаев. Затем встал на колени и тихонько открыл дверь. Лег, подался немного впе-

ред, заглянул с левой стороны под ступеньку и невольно откинулся: под вагоном висел на ремне человек в зипуне. В руке человека что-то блеснуло. Запрягаев выстрелил. Человек, выпустив ремень, полетел под колеса.

— Ты чего смотрел? — налетел Запрягаев на часового. — У тебя из-под носа хоть пулемет унеси. Забыл, что везешь? Ступай в купе — здесь место другому.

Ребров, встревоженный долгим отсутствием Запрягаева, вместе с Воздвиженским показался в дверях.

— Что тут у вас?

— Да вот зевает, а тут попутчик под вагоном прицепился.

— Где, где? — схватился Воздвиженский за рукоятку маузера.

— Да теперь-то его нет, — сказал Запрягаев. — Спрыгнул.

— Твои прохлопали, — повернулся к Воздвиженскому Ребров, — подтяни. На станциях разговаривают, привлекают внимание.

— Э, плюньте, Ребров; что из-за пустяков шуметь. Ну, поговорили ребята, что из того? Дело не в вашей дисциплине, а в революционном самосознании...

— Ну, если так, так рассуждаешь, то напрасно я с тобой болтаю, — сказал Ребров. — С сегодняшнего дня в резерве будешь. На постах держать вас не могу.

— Как хочешь, — пробормотал Воздвиженский и скрылся в своем купе.

— Вот шельма! Взять бы его? — посмотрел на Реброва Запрягаев.

— Погоди, до них еще дойдет очередь, — ответил тот.

Все дальше и дальше мчался поезд. Позади — чехи, на юге — эсеры, на севере — союзники. Надо спешить в Москву.

Глухие пермские и вятские леса сменились вологодскими жиденькими березками. Еще шесть часов езды — и Ярославль, а за ним и Москва.

Последняя остановка перед Ярославлем — Буй.

Белый вокзал виден издалека. Через минуту Ребров ищет начальника станции. В дежурной комнате никого не видно. Напротив — комната с наклейкой:

КОМЕНДАНТ

Комендант, низко нагнувшись над столом, о чем-то совещается с начальником станции.

— Что угодно?

— Путевку.

— Куда?

— В Москву.

— Сейчас запросим. Подождите минуту.

Минута длится долго. Подозрительная тишина на станции. Против обыкновения не слышно обычных звонких криков буйских продавцов: «Сыра, сыра! Кому сыра?» Ребров снова у коменданта:

— Скоро ли путевка?

— А вот Вологда передает. Читайте.

Морзист читает: «В Ярославле бой с эсерами...»

Ребров вскакивает.

— Давай путевку обратно.

— Подождите минутку, — все тот же спокойный ответ.

В сосновом бору у вокзала и на запасных путях копошатся люди, как будто готовятся к чему-то. Комендант несколько раз обходит с обеих сторон состав.

— Когда же, наконец, ваша минута кончится? — кричит Ребров в комендантской. — Если мне не дадут сейчас путевку, я еду без нее.

— Подождите минутку, — успокаивает комендант.

Ребров бежит к паровозу.

— Красноперов, назад!

Два дружинника едут с ним на паровозе к железному кругу. Дружинники соскакивают и поворачивают круг. Через минуту паровоз мчится опять к вагонам. Толчок, лязг цепей — и золотой поезд без путевки срывается с места.

Красная шапка коменданта мелькает на лесенке вокзала.

— Подождите минутку! Впереди встречный! — кричит он и машет красным флагом.

Но его уже не слышно.

Узкой лесной просекой бегут блестящие рельсы. Может быть, действительно там — впереди, за первым поворотом, прямо на золотой поезд несется встречный. Красноперов почти вылезает из окна, всматривается вдаль.

Паровоз свистит весь перегон, не переставая. Во всех вагонах, держась за рукоятки тормозов, стоят наготове дружинники. При первой тревоге тормоза железными лапами схватят колеса, и

поезд замрет на месте. Двадцать минут напряженного ожидания, и сигнальные столбы разъезда благополучно приближаются к поезду.

Золотой поезд оказался в кольце врагов.

Ребров стоит у окна и смотрит, как несутся мимо красные выемки вятских глинистых полей. К нему подходит Запрягаев. Он угрюм и серьезен.

— Назад, Борис? Убережем ли груз? Где выход?

— Назад, друг. Проскочим в Пермь и спрячем золото у себя, на Урале.

Весть об этом в продолжение двух суток неизвестно куда летящем поезде, с неизвестным грузом, с неизвестными людьми дошла до главного московского железнодорожного комитета. Враги подсунули телеграмму:

Неизвестный поезд с четырьмя вагонами и вооруженной охраной пробовал прорваться в Ярославль к восстановшим. Своевременно принятыми мерами воспрепятствовали этому. Поезд задержать не удалось - вышел на Вятку.

Комендант станции Буй Гусаров

Начальник станции Вятка в тужурке со светлыми пуговицами и малиновым кантом склонился над столом, второй раз перечитывая телеграмму Главжелезкома:

Немедленно задержите неизвестный поезд, четыре вагона. Железнодорожной охране - разоружить команду, арестовать комиссара. Весь захваченный груз передать на железнодорожные склады для нужд вашей дороги.

Предс. Главжелезкома Подольский

— Хорошо написано, — пробормотал начальник в опущенные усы. — Попробуй, удержи! — и побрел в комнату коменданта. Комендант станции приказал положить на рельсы петарды и выкатил на запасный путь бронированную площадку.

Вот и поезд. Состав — четыре вагона. Тот самый. Вот он проходит на полном ходу семафор. Одна за другой с треском разорвались петарды. Машинист высунулся из окна. Бесшумно упал и исчез под паровозом красный заградительный круг на шесте. Испуганно отскочил стрелочник от рычага стрелки, когда состав пронесся мимо. Он первый раз видел, чтобы поезд полным ходом шел по заградительным сигналам.

Когда поезд проносился мимо станции, Ребров прокричал коменданту:

— Удержи встречные поезда. Открою пулеметную...

Комендант побежал за поездом, что-то крича. Ветер уносил его крики. Выходной семафор медленно поднимался кверху.

— Путь свободен! — толкнул Красноперов своего помощника, указывая на семафор. — Поднимай пар.

Четыреста пятьдесят верст от Вятки до Перми. Недалек путь. Гуще лес. Реже поля и деревни. Ребров смотрит в окно. В глаза ему бьет ветер. Стелется дым к телеграфной проволоке, клочками застревает на верхушках елок. Горько-сладким дымком ударило в нос.

— Что это? — спохватился вдруг Ребров. — Пахнет горелым.

Запрыгаев выскочил в нижней рубашке с всклокоченными волосами.

— Горит, — подтвердил он, высунувшись в окно.

Сильней и сильней запах. Вот уже вдалеке молочный туман. Он стелется и скрывает подножие деревьев, потом сгущается и поднимается выше, наконец деревья исчезают в светлом, водянистом дыму.

— Лесной пожар, — шепчут дружинники.

— Кто поджег?

— Целы ли деревянные мосты?

— В Вятке не задержали... Не нарочно ли?

Несколько часов ведет в дыму локомотив Красноперов. Еще гуще становится дым. Он поднимается прямо с земли, и похоже, что горит не лес, а земля. Уже кашляют от дыма дружинники. Трут глаза. Из окон не видно последнего вагона. Молочно-клубящаяся пелена застилает все.

Воздвиженский на паровозе у Красноперова.

— За мосты не боишься? — спрашивает он его.

— Чё им сдидется? — отвечает за Красноперова его помощник.

— На полотне трава не растет, — говорит Красноперов, — огню не по чему до мостов добраться.

— А если подожжены нарочно? — не унимался Воздвиженский.

— А если ночью рельс отворотят? — сердито спросил в ответ Красноперов и открыл дверцу топки котла, с лязгом ударившуюся о стенку.

— Давай, Спирька, — сказал он помощнику и, схватив лопату, начал вместе с ним подбрасывать в топку лоснящийся, тяжелый уголь.

На высоком берегу Камы расположилась маленькая, спокойная Пермь. Рядом с ней, сливаясь с городом, по излучине реки, у самой воды, правильным амфитеатром раскинулся Мотовилихинский пушечный завод.

День и ночь дымит Мотовилиха. В три смены работает круглые сутки. Лютятся и выковываются орудийные тела, броневые плиты, точатся десятки тысяч снарядов. Железнодорожные мастерские вот уже полгода снаряжают бронепоезда и бронеплощадки, судостроительные верфи бронируют речной флот, а мелкие мастерские точат ружейные патроны.

Уральские красногвардейцы дрались недавно в Финляндии против немцев и белого генерала Маннергейма, в оренбургских степях — против атамана Дутова, а теперь дерутся с чехословаками. Много тратится боевых припасов, и безостановочно дымят уральские заводы.

Тридцать тысяч рабочих живет в Мотовилихе. Сквозь дымовую завесу не видно завода, и только пробная орудийная стрельба да удары парового многотысячного молота тяжелыми вздохами доносятся от реки. Время от времени режут тревожные гудки, созывая отряды для спешной облавы или ночной проверки, и тогда выскакивают из своих домишек красногвардейцы и скатываются вниз по перилам бесконечных деревянных лестниц к своему штабу. Оттуда комиссары ведут их на железнодорожную станцию или в заснувший город. А то приходится перебрасываться на платформах и в теплушках в крестьянские уезды, где кулаки и эсеры свили свои гнезда. В южных уездах еще нет Советской власти.

Медленно вверх по Каме двигаются на последний революционный оплот белые армии. Каждый день по несколько эшелонов Красной Армии отправляются из Перми на фронт. Но сужается кольцо врагов. Судьба Екатеринбурга решится в течение ближайших дней. Перед врагом вырастет Пермь — ближайший плацдарм красных.

На рассвете поезд влетел под вокзальный свод и замер у станции. Несколько человек с мешками и котомками за плечами бросились к подножкам вагонов.

— Чепляйся, Ванько, подсоби с мешкам-то...

— Назад! — проревел Запрягаев, грозя высуной в окно рукой.

Ошарашенные мешочники отскочили. Несколько минут спустя поезд, вместо того чтобы двинуться дальше, перевелся на запасные пути и, обойдя два-три красноармейских эшелона, готовых двинуться в путь, скромно остановился за блестящим составом реввоенсоветского поезда.

— Смотри, — указал Запрягаев Реброву на соседей, — у них и броневички с собой. Видишь — на площадках. Приятно путешествуют...

— Да, полезные игрушки, с ними куда спокойней. Я еду сейчас к комиссару города. Ценности сегодня перегрузим. А ты под каким-нибудь предлогом уведи левых эсеров до двух часов дня.

— Ладно, пойду с ними рвать ручные гранаты...

Ребров поднял комиссара с постели. Пошли вместе в комиссариат.

— Счастливо утёк, — сказал комиссар на ходу. — Немного опоздай, они бы в Вятке тебя захватили.

— Кто? За что?

— Да разве ты не знаешь, что Москва приказала тебя задержать? Наверное, эсеры постарались. Вот у меня с собой телеграмма.

Ребров прочел и усмехнулся.

Комиссариат помещался в бывшей духовной семинарии. Огромное здание ее одиноко стояло на крутом берегу Камы.

— Я тебе здесь и отведу помещение, тут сухо и хорошо, — сказал комиссар.

— Надеешься на своих ребят?

— А то как же?

— Напасть никто не может? Эсеры?

— До чехов далеко. А эти не посмеют.

— Тогда давай машины, я еду на вокзал за золотом, — сказал Ребров.

Через полчаса Ребров был на станции. Золотой поезд охраняли дружинники-большевики. Запрягаев исполнил обещание и увел Воздвиженского и его отряд на стрельбу.

— Наваливай, ребята, мешки, — поторапливал Ребров, — надо успеть, пока эсеры не вернулись.

Когда Запрягаев привел со стрельбы левозеровских дружинников, поезд стоял на том же месте, и его по-прежнему охраняли часовые. Как ни в чем не бывало, Запрягаев дружелюбно сказал Воздвиженскому:

— Вот мы и дома. Отдохнем немного, изму-

чились ребята. Давай-ка, брат, сегодня и твоих поставим в наряд.

— Давно пора, — немного обиженно ответил Воздвиженский.

С необычайным для них усердием взялись теперь эсеровские дружинники за караульную службу. Урок Реброва, видимо, не прошел даром для Воздвиженского. Он подтянул ту же ремень, повесил на нем кобуру с револьвером и почти каждые полчаса обходил весь состав, делая замечания часовым.

— Старается, — смеялся Запрягаев, глядя на Воздвиженского и весело подмигивая Реброву.

— Зайди ко мне, — позвал его из своего купе Ребров. Он плотно притворил дверь, сел рядом с Запрягаевым и сказал: — Слушай, я говорил по проводу с Головановым — деньги мы оставим в Перми. Золото решено спрятать в Кизеловском районе в шахтах. Завтра утром я еду в Кизел. Ты останешься здесь, чтобы наш отъезд был не так заметен.

— Нашел для меня дело! — сказал Запрягаев.

— Потерпи. Теперь для нас выгодно, чтобы поезд был на виду. Собьем со следа. Ты выставь внешние караулы, делай вид, что в поезде по-прежнему находится золото.

— Значит, завтра ты снова в путь? — спросил Запрягаев.

— Да.

— А что с эсерами?

— Воздвиженского без меня не трогай, пусть пофорсит. Пустые вагоны могут стеречь и эсеры...

Впервые за трое суток отдохали дружинники. Одни отсыпались за бессонные ночи, другие стро-

чили письма своим в Екатеринбург. Был теплый летний вечер. Запрягаев с тремя ребятами мурлыкал сибирскую песенку: .

В далеком краю за Байкалом,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах...

Белозипунников, левый эсер, с рыжеватой бородкой и с нависшими веками, в офицерской фуражке, неведомо где раздобытой, стоит у зеркального стекла вагона и смотрит в далекий лес. В его приземистой фигуре есть что-то похожее на бывшего царя. Вернее, Белозипунников похож на дешевый царский портрет. На нем солдатские обмотки, рваные штаны и башмаки. Но сейчас с платформы видна только верхняя половина его туловища. Офицерская же фуражка, пушистые усы и круглая борода привлекают внимание прохожих.

Мешочники, потерпевшие утром неудачу, в течение всего дня следят за прибывшим поездом.

— Гликося; гликося, Спиридон Вахромеевич, — неужели чаря везут? — с испугом кричит баба с котомкой на спине.

— Чего треплешь? Какой там царь? Шары-то вылупила.

— Да вона. Тамо. Истинный бог — он!

Мешочник, взглянув на Белозипунникова, вздрогнул от неожиданности и сам зашептал бабе:

— И в самом деле он. А ну-ка убирай скорей ноги, старуха.

Через полчаса на станции прошел слух о том, что большевики везут неизвестно куда царя и царскую семью.

Ставни домов закрыты. Калитки замкнуты на крепкие замки. Город крепко спит. Спят караульщики — не слышно их стукалок. Тихо и мертво кругом.

С шумом распахнулись ворота комиссариата. По заснувшей улице защелкали о булыжники мостовой железные подковы. Отряд всадников сломя голову промчался по улице и вмиг оцепил близлежащий квартал.

— Вставай!

— Открывай! — послышались крики всадников и неистовый стук кнутовищами по закрытым дверям и калиткам.

— Спаси, господи! — зашептали за ставнями и зашлепали туфлями.

— Опять облава!

— И все ловят, и все ловят кого-то.

Не одетые, в одном белье, бледные от испуга люди с трудом открывали двери своих душных и тесных домов.

Кавалеристы шумно врывались в квартиры. В затхлых комнатах запахло прелой кожей и лошадиным потом.

— Нет у нас никого. Нету ничего, — жалобно вздыхали хозяйева и тащили ключи от сундуков, шкафов и чуланов.

— Кошек!

— Кошек! — кричали кавалеристы обалдевшим и ничего не понимающим хозяйевам.

— На кухню!

— На печках! — скомандовал старший и сам принялся обшаривать крашенные деревянные полки, пугая важных усатых тараканов, в панике падающих на пол.

Через минуту в его руках извивалась пестрая кошка. Он опрометью бросился вон из комнаты, опрокинув по дороге табурет со стоявшим на нем тазом. Его товарищи вместе с ним выбежали на улицу и, вскочив на лошадей, понеслись обратно.

— Маруську, Маруську взяли! — пронзительно вдруг закричала хозяйка.

Целый день пришлось пробыть Реброву в городе, и только к часу ночи вернулся он к эшелону. Едва-едва забылся в полусне, как застучали в его купе.

— Ребров, от комиссара нарочный!

— В чем дело?! — вскричал Ребров.

Уже по дороге, в машине, нарочный взволнованно объяснил Реброву, что в городе тревога. Комиссар спешно выехал в комиссариат.

— Налет? Нападение? — спрашивал Ребров.

— Не знаю. Комиссар вызвал отряд, — рассказывал нарочный.

Здание бывшей семинарии было почти все освещено, когда к нему подъехали Ребров с нарочным.

Комиссар бросился навстречу и потянул Реброва в комнату, где лежали деньги.

— Рви скорей печати!

— Зачем?

— Крысы!

— Какие крысы?

— Крысы едят мешки с деньгами.

— Что ты брешешь?

— Не брешу. Часовой услышал шум, поднял тревогу, а без тебя войти нельзя. Да двигайся ты скорей! На мне ответственность за их целость!

Ребров сорвал печати и открыл дверь. Схватил первый попавшийся под руку мешок, из-под него выскочила большая рыжая крыса и скрылась под грудой мешков. Все было цело, только один мешок был прогрызен, и радужные бумажки виднелись изнутри.

— Твое счастье. Всего не съели, — засмеялся Ребров. — Хоть крысы, а знают, что жевать.

— Дежурный, кошек! — закричал комиссар.

Дежурный тащил большую бельевую корзину, в ней клубками сидели и мяукали пестрые, серые, черные и рыжие кошки, встревоженные необычным путешествием.

— Откуда это? — захохотал Ребров.

— Пока тебя ждали, он с отрядом, — махнул комиссар на дежурного, — конфисковал всех котов у окрестных обывателей.

Если кто-нибудь скажет, что хорошо знает Северный Урал, не верьте ему. Еще много лет географические карты будут обозначать эти места бледными штрихами, без названий, а многочисленные и могучие реки будут намечены наугад пунктиром.

Кизеловский угольный район — первый подступ к Северному Уралу и конечный пункт Среднего.

Ребров едет на паровозе. Сзади — теплушка с грузом и семью товарищами.

Проехали уже Чусовую, и локомотив все чаще и чаще берет высокие подъемы. Лесистые скалы нависли высоко наверху, обнажая уральские породы; внизу мелькают реки, даже с высоты заметна быстрота их течения. По притокам рек бро-

дят старатели, промывают золотой песок. В этих краях больше медведей, чем людей. Косматые жители лесов ведут жизнь святых схимников, питаясь ежевикой, морошкой, малиной, диким медом.

Трудно человеку жить на Северном Урале, еще трудней за грош лезть в недра гор. Здесь можно встретить забитых и обездоленных осинских татар, башкир и даже китайцев. Только те, кто потерял всякую надежду на работу, идут сюда на заработки.

Один за другим берет паровоз высокие подъемы. С высоты гор виднеются редкие села и деревни. Частенько в них попадаются узкие одноконечные мечети. На песочных карьерах кричат что-то вслед поезду желтолицые китайцы. Далеко вверху игрушечный деревянный домик — станция. Кажется, что поезд никогда не доберется до нее. Кружит железнодорожный путь. Медленно, но верно пробирается поезд к заброшенной станции.

Молодой парень с бельмом на глазу, в русской рубахе встретил Реброва на вокзале. Это был председатель окружного комитета Губахин. Он только что вернулся из Екатеринбурга и знал от Голованова обо всем.

— Благополучно?

— Как видишь. Приготовил? — со своей стороны спросил Ребров.

— Да. Кое-что тут подыскал. Стемнеет — пойдем, посмотришь.

Через два часа они шли тропинкой по глухому лесу. Ветер шипел в верхушках елей, осыпая сухие иглы, редкие сосны качались и скрипели. В сумерках чаща леса казалась непроходимой.

Ребров ничего не видел впереди и как слепой шел за Губахиным.

— Ну, вот и пришли, — сказал Губахин. — Видишь, это — заброшенная шахта, Княжеской называлась раньше. Тут когда-то была узкоколейка, а потом ее сняли, остались только просека да старые шпалы. Здесь вот спуск, а дальше налево провал саженей на восемь вглубь.

— А по тропинке сколько? — спросил Ребров, входя под деревянный потолок шахты.

— Три версты.

— Далековато...

— Зато лучшего места не найдешь. От этой шахты тянется подземная пещера верст на семь. С одной стороны мы спрячем золото, потом я взорву свод с двух сторон саженей на десять.

— А как же ты выйдешь? — спросил Ребров.

— Есть еще другой выход из пещеры — у десятого разъезда, оттуда и выйду.

После тревожного лесного шума полная тишина окружила Реброва и Губахина. Губахин пошел вперед.

— Я здесь работал когда-то, — сказал он Реброву и, пройдя ощупью шагов двадцать вниз, зажег шахтерскую лампочку. Желтоватое пламя осветило полусгнившие стропила шахты. Кое-где засверкали нависшие капельки воды. Что-то изредка чуть-чуть потрескивало. Очевидно, разошедшиеся скрепы оседали от ветхости. Изредка осыпались струйки земли и маленькие камешки горохом падали вниз. Оба спутника молчали, их давила тяжесть нависших пластов земли. Вдруг Губахин крепко схватил Реброва за рукав и притянул к себе.

— Оборвешься. Видишь, рядом — провал.

Ребров невольно прижался к Губахину, потом успокоился и, показывая на отверстие, ведущее в пещеру, сказал:

— Если тут взорвем, догадаются. Скажут — был проход, а теперь нету.

— Чудак, — усмехнулся Губахин. — По-твоему, обвалов в шахтах и в пещерах никогда не бывает? Кому в голову придет рыть десять саженей земли?

— Ты уверен?

— Уверен.

Глухой ночью, взяв мешки с золотом, двинулись товарищи Реброва вслед за Губахиным. Было решено в крайнем случае провозиться и вторую ночь, лишь бы никто ничего не заподозрил. Много раз процессия уходила и возвращалась.

— Все, ну его к черту, — с облегчением вздохнули дружинники, когда последняя партия золота была брошена в пещеру.

— Ну, выбирайся, ребята! — сказал Губахин, поджег шнур и исчез в глубине пещеры.

Ребров и дружинники выбрались наружу. Первый взрыв был ясно слышен, как шум подземного обвала, второго взрыва никто не расслышал.

— Выберется ли? — подумал вслух про Губахина один из дружинников.

— Он здесь работал, не беспокойся, — ответил другой.

Ребров с товарищами только что вернулся из леса, как в тупик, где стоял их паровоз, с вокзала прибежал посланный от комитета с телеграммой:

Комиссару Реброву. Кизел

Восстание подавлено. Путь в Москву свободен. Соблюдая необходимую осторожность, руководитесь первоначальным планом. По линии дан приказ всем воинским частям быть в вашем распоряжении.

Голованов

— Что за чертовщина! Теперь хоть месяц рой, не выроешь, — сказал Ребров и пошел на телеграф. На бланке он написал только одно слово: «Поздно».

В тот же день маленький состав примчался обратно в Пермь. По платформе старого вокзала навстречу поезду бежал Запрягаев. Он на ходу вскочил на тормозную площадку, где стоял Ребров.

— В Москве восстание. Левые эсеры убили Мирбаха. Только сегодня пришли телеграммы... Сегодня ночью здешних разоружат...

— А Воздвиженский? — перебил Ребров.

— Ходит как ни в чем не бывало...

Через два часа Ребров подъехал на извозчике к станции Пермь II. На высокой насыпи, на видном месте, стоял пустой состав золотого поезда. Маленькие издали солдатики в защитной форме шагали взад и вперед вдоль вагонов. Это дружинники Воздвиженского продолжали охранять состав. Ребров вошел в купе Воздвиженского. Поздоровался и не торопясь сказал:

— Давай маузер!

Воздвиженский взглянул на высокую, спокойную фигуру Реброва, расстегнул кобуру маузера и молча подал револьвер.

— Теперь пойдем к твоим ребятам.

— Хорошо, — ответил Воздвиженский и вместе с Ребровым вышел из купе.

Дружинники, не сопротивляясь, отдали свои наганы и винтовки.

III

Старинный деревянный домик на одной из отдаленных улиц города затерялся среди десятка новых построек, за густыми акациями палисадников. Глубокие морщины-трещины бороздили почерневшие от солнца стены дома и крышу. В пазах стен и на деревянных колодках-стоках бархатом зеленел мох.

Недаром этот домик прятался в густой зелени. В нем помещалось секретное закордонное бюро.

Из домика выходили люди, которым бюро давало поручения пробраться в тыл врага. За став-

нями день и ночь шла работа: фабриковались документы, паспорта, печати. Здесь можно было получить удостоверение начиная с метрического свидетельства о рождении до пропуска со свежей печатью чехословацкого генерала Гайды.

Мужчины, женщины, иногда целые семьи подготавливались здесь к опасной задаче: перейти фронт.

Ребров уже две недели живет в Перми. Работы у него много: он успел отправить своих товарищей в Кизеловский район, чтобы они там дождались прихода чехов. В городе остался только Запрягаев. Военные специалисты уверяют, что через две недели белые займут весь Урал. Скоро поедет и Ребров. Там, в тылу чехов, он станет во главе подпольного отряда, чтобы зорко следить за спрятанным золотом.

В последние дни, после отправки дружинников, Ребров редко заглядывал в домик. Но сегодня ему нужно взять документы и двинуться в опасный путь. Ребров хочет перейти к чехам в Екатеринбурге. Так меньше подозрений. Вместе с чехами он войдет в Кизел. Нужно поторопиться: чехи быстро движутся на запад. Не сегодня-завтра падет Екатеринбург, а за ним и весь Урал.

Ребров попал в домик к обеду. За столом сидело человек шесть, двое из них в ближайшие дни готовились перебраться через фронт. Распоряжался всем маленький толстенький человечек, похожий с виду на юркого подрядчика, со странной фамилией Краска. Он подошел к Реброву.

— Когда, Ребров? Сегодня?

— Что сегодня? — недовольно ответил ему вопросом Ребров.

— Едешь, — хитро подмигнул Краска и, улынувшись, похвастал: — Мне ведь уже известно.

— Если известно, то и помалкивай, — резко ответил Ребров.

Однако Краску не смутила резкость Реброва. Он только чуть понизил голос:

— Как ехать думаешь? Прямо на Екатеринбург?

— Не знаю.

— Вдвоем?

— Не знаю, — повторил Ребров и, рывком поднявшись со своего места, пошел к выходу.

— Куда, куда, Ребров? — побежал за ним следом суетливый хозяин домика. — А документы-то, явки... Погоди...

Ребров, не обернувшись, закрыл за собою дверь, оставив у порога изумленного Краску.

Он шел в бывший губернаторский дом, где помещался горком, чтобы предупредить товарищей о своем отъезде. Около самого губернаторского дома неожиданно столкнулся лицом к лицу с Нечаевым.

— Ребров, ты, говорят, едешь? — остановил его тот.

— Да. Пришел предупредить...

— У меня небольшой план в связи с твоим отъездом.

— Что такое?

— А вот пойдем в горком. Потолкуем.

Они вошли в длинные и темные коридоры губернаторского дома. В комнатах справа и слева виднелись стойки с винтовками. На письменных столах спали вооруженные люди. Другие полудремали на бархатных губернаторских стульях,

не обращая внимания на гул людской волны, которая катилась по коридору взад и вперед.

— Сюда, Ребров. — Нечаев открыл первую дверь налево и шагнул в комнату.

Ребров вошел за ним. В комнате у стола сидел Запрягаев, а рядом с ним девушка. Ребров не видел ее лица и ждал, когда она уйдет, чтобы заговорить о деле.

— Вы не знакомы? — сказал Нечаев.

Ребров ближе подошел к столу. Девушка повернулась ему навстречу.

— Ну вот, этому товарищу, — сказал Нечаев, кивнув на девушку, — до зарезу нужно попасть в Екатеринбург. У нее там больные. Не возьмешь ли с собой, Ребров?

— Я не уверен, что попаду в Екатеринбург, — сухо ответил Ребров. — Знаешь сам, что делается.

— Возьми, Борис, — встал со стула и подошел к Реброву Запрягаев, — мы с ее отцом вместе ссылку отбывали в Туруханске.

— Я готова на все, — сказала девушка.

— погоди, погоди, Валя, — перебил ее Нечаев, — ты поди к себе, мы здесь потолкуем втроем.

Девушка вышла. Запрягаев зашагал взад и вперед. Ребров только сейчас заметил, что у него на боку висит черная казацкая шашка. Нечаев взъерошил волосы и, посмотрев поверх очков на Реброва, спросил:

— Не хочешь брать? Досадно. Мы рассчитывали, что Шатрова будет полезна в Екатеринбурге.

— Может быть. А если через фронт придется переть? Куда же с этой куклой? Не бросать же ее по дороге?

— Я ее знаю и ручаюсь, — снова сказал Запрягаев.

— Чудак, — продолжал Нечаев, — если не успеешь проскочить в Екатеринбург, с ней только легче будет перейти фронт. Кто подумает, что она большевичка? Кажись, непохожа. Коса до пят и глазки к небу. Возьмешь, Борис?

— Пожалуй, вы и правы, — усмехнулся Ребров, — попробуем. — И, указывая на шашку Запряваева, спросил у него: — Что это ты нарядился?

— Не знаешь? Военком дивизии, еду на юг. Пожалуй, долгонько не увидим друг друга.

— Золотопогонников крепче бей, тогда увидимся скоро, — пошутил Ребров и стал прощаться.

В двенадцать часов ночи на старом вокзале на дальних путях незаметно остановился одинокий вагон. Высокая солдатская фигура промаячила на подножке, вслед за ней промелькнула фигура поменьше, и двери вагона закрылись на ключ с внутренней стороны.

Несмотря на спешку, Ребров решил отправиться не в двенадцать, а часа в два ночи. Он знал, что все, что делается на станции до последнего момента стоянки поезда, привлекает внимание железнодорожников. Только с двух до шести утра железнодорожник спит, а вместе с ним спит и его железнодорожное любопытство. Если поезда и отправляются в этот промежуток времени, то лишь по необходимости: дежурный во сне выписывает путевку, сцепщик во сне прицепляет паровоз к составу. Ничто не в состоянии нарушить сон железнодорожника. Он ко всему приучен. Даже

в былые эвакуации, под угрозой наступающих и уходящих бронепоездов, железнодорожный персонал всегда в эти часы спал.

В половине третьего к одинокому вагону прицепился паровоз; дежурный взмахнул фонарем; без свистка сдвинулся маленький состав.

В большом пустом темном вагоне на жесткой лавке уложил Ребров свою спутницу спать. Сам решил дежурить всю ночь, чтобы не подсел кто-нибудь на станции. Прифронтная полоса чувствовалась уже повсюду. Поезда все шли в одном направлении, на проходящих товарных составах можно было видеть необычайные грузы: подбитые или недоделанные орудия, части машин, а иногда домашнюю мебель и пролетки. В предутренней мгле мелькали знакомые дачные платформы, и здесь на обычно пустых, уходящих вдаль путях выстроились в бесконечные коридоры составы с углем, рудой и еще чем-то. Близкая опасность собрала в кучу и швырнула вниз с Уральских гор эти бесчисленные эвакуировавшиеся эшелоны. Железнодорожные ветки на Лысьву и Кизел, где еще несколько дней назад проезжал Ребров со своим золотом, были неузнаваемы. Запасные пути всякого, даже маленького, разъезда были забиты товарными и пассажирскими составами, почти каждые десять-пятнадцать минут мелькали уходящие на запад поезда. Дежурные по станции носились как угорелые, гоня маневрирующие составы от одной стрелки до другой, чтобы очистить основной путь. Не дожидаясь сигналов с соседних станций, они гнали поезда в затылок один другому. С большим трудом двигался вперед маленький состав.

— Товарищ комиссар! — неожиданно окликнули Реброва со встречного эшелона на одном из разъездов.

Ребров оглянулся. Из теплушки махнул ему рукой служитель академии.

— Куда вас? — крикнул Ребров вслед уходящему поезду.

— В Казань. Александр Иванович раньше выехали. Мы последние. Корзиночка!.. — кричал в ответ служитель.

Перед Тагилом Ребров разбудил Валю.

— Вставай. Тагил. Пойдем чай пить.

В буфете былолюдно и шумно. Много народу в военных гимнастерках. Невкусный, но горячий чай и духота разморили Реброва. В дежурной ему сказали, что раньше двенадцати паровоза для вагона не будет. Ребров, сердитый, вышел на платформу к Шатровой.

— Поедем не раньше двенадцати. Пойду спать.

— Конечно, ложись. А я погуляю, послушаю, что поговаривают кругом.

Ребров, пересекая пути, пошел в вагон. Валя долго бродила в окрестностях вокзала. Когда же вернулась назад в буфет, то увидела группу людей, которая собралась в центре комнаты и прислушивалась к словам военного. Долетели обрывки фраз: «перерезали», «разъезд», «восемь сразу, ни один не ушел...» Толпа становилась все больше. Неожиданно появился комендант станции. Словоохотливый оратор замолк. Комендант пробежал на платформу, за ним два красноармейца. Несколько минут спустя послышался шум приближающегося поезда. Подходил поезд со стороны

Екатеринбурга. Станный вид его издалека обратил на себя внимание толпы. Без трубы, без четких линий бегущего локомотива двигалась к станции бесформенная сплошная глыба металла. Из узких бойниц торчали стволы орудий и пулеметов. Чудовище, тяжело лязгая железом, остановилось; из стальной коробки выпрыгнул молодой человек в засаленной кожаной тужурке, с револьвером на красном шнуре у пояса, подошел к коменданту, и они вместе направились в вокзал.

Грохот подошедшего броневика разбудил Реброва. Он открыл глаза, потянулся, вновь впал в забытие, потом резко вскочил и начал одеваться. Станный шум, доносившийся со станции, беспокоил его. Было около двенадцати, и предстояло двигаться дальше. В накуренной комендантской сидел комиссар бронепоезда и рассказывал, как прорвался казачий разъезд на участке Таватуй — Исеть и на время прервал сообщение с Екатеринбургом, который все ещё держится.

— Восстановят? — торопливо спросил Ребров у комиссара.

— Наверяд ли.

— Твой броневик пойдет туда?

— Нет, отдохнем здесь и потом будем курсировать по предписанию командарма в районе Тагила.

— Когда сдадут, по-твоему, Екатеринбург?

— Пожалуй, сегодня к вечеру. Поэтому меня и держат здесь: впереди делать нечего.

— Тогда мне ехать немедленно. Комендант, паровоз!

— Все равно не попадешь, наверно, — предупредил Реброва комиссар.

После Тагила меньше стало встречаться эшелонов, только запоздавшие, вышедшие еще вчера из Екатеринбурга, изредка попадались в пути. Миновав Уральский хребет, поезд проходил самые глухие места горнозаводской линии. Густые леса покрывали скалы, ложбины и вершины гор. По этим лесам можно было от дерева к дереву пройти весь Северный Урал и всю сибирскую тайгу. Ни полей, ни пашен не было по сторонам, только штабели сложенных дров и бревен виднелись вокруг. Раза два при свете красного заходящего солнца промелькнули мимо молчаливые ряды кроваво-красных товарных вагонов. Они спешили уйти от врага.

На разъездах и станциях не было слышно людского говора, люди как будто попрятались в лесах сурового Урала. Мохнатые увалы гор, переходя с места на место на горизонте, словно строились в какую-то боевую колонну, чтобы обойти, отрезать и раздавить дерзко вторгшийся в их недра маленький состав. Ребров думал, какой незаметной козявкой, вероятно, кажется этим великанам его поезд.

Лесная цепь неслась мимо окон, вращаясь вокруг поезда, как огромная зеленая карусель. Поздний вечер вскоре слил леса с небосводом; и казалось, что под этой темной чашей поезд стоит на месте, только потряхиваемый слегка чьей-то рукой.

В одиннадцать вечера показался Таватуй. Пьяный начальник железнодорожной охраны, из бывших офицеров, ничего толком не мог объяснить Реброву. На путях стояли бесконечные теплушки, в них крепко спали красноармейцы. По

обычаям эшелонной войны в то время сражались вдоль линий железных дорог: теплушки заменяли окопы. В комендантской Ребров нашел товарища Зомбарта. Зомбарт — латыш, командир какой-то части, сегодня скатился с остатками ее на Таватуй с главной линии после упорного боя. Он плохо понимал по-русски, еще хуже говорил. Но все станционное начальство прекрасно понимало и беспрекословно исполняло его распоряжения.

— Товарищ Зомбарт, Екатеринбург не сдан? — обратился к нему Ребров.

— Шорт его снает. Связь прерван, имеем только провод Исети. Надо посылайт разведку.

— Я еду при всяких обстоятельствах; давай ребят — вот и будет разведка.

Зомбарт вскинул свои холодные голубые глаза на Реброва, долго вглядывался в него, что-то соображая, наконец, как бы нехотя, ответил:

— Поезжай, возьми три ребят и пакет для командарм... Звони Исеть, што молшишь? — крикнул он дежурному по станции.

Длинные вызовы по железнодорожному телефону долго оставались без ответа; наконец, звонок отбрыкнул два раза сигнал Исети.

— Исеть? Исеть? — крикнул дежурный. — Путь в Екатеринбурге свободен? А? Что? Кавалерия? Какая кавалерия?

Телефонная трубка хрипела. Кто-то кашлял в ней металлическим кашлем. Потом послышался пронзительный свист, похожий на шипение трамвая, наконец треск и — совершенная тишина. Телефон не действовал. Дежурный отошел к столу, за которым сидел Зомбарт.

— Исеть передает, что через пути проходит

неизвестно чья кавалерия. От Екатеринбурга ничего не слышно.

— Ну? — повернулся к Реброву Зомбарт.

— Поезд. Давай ребят.

Паровоз с потушенными огнями стоял, готовый двинуться в путь. Зомбарт пытался вызвать из запасной бригады добровольца машиниста. Все отказались. В молчании Зомбарт размышлял, кого бы ему назначить, взглядом изучая лица машинистов. Вдруг из сгрудившейся толпы вышел старый машинист и, обращаясь к Зомбарту, сказал: — Я поеду. У меня в городе семья. Мне все равно.

Ребров пробурчал:

— Если предашь, подохнешь первый!

Трое красноармейцев с винтовками устроились на паровозе, боясь выпустить из-под своего наблюдения странного машиниста.

От Таватуя до Екатеринбурга пятьдесят верст. Надо было спешить.

Поезд тронулся и помчался, как шальной. Видимо, машинист и в самом деле торопился в город. Он все больше и больше поднимал в котле пар, не жалея топлива. Паровоз с каждой минутой усиливал свой бег по этому мертвому участку. Среди кромешной тьмы стальное чудовище набум несло вперед. Пелена дыма и искр не отрывалась от трубы локомотива, а словно резиновая, растягиваясь, тянулась низко над составом, гасла и исчезала. Освещенный дождем искр, поезд мчался по темной просеке окружавших его со всех сторон лесов.

— Нас очень видно, — сказала Валя, — могут обстрелять.

— Не бойся. Сейчас приедем. «Вот только не спустили бы под откос», — подумал Ребров про себя.

Валя притихла; не сознавая всей опасности, она ее чувствовала. Ребров не отходил от окна, тщетно вглядываясь в темь. С большим трудом он различил будто в одно мгновение промчавшиеся строения Исетского разъезда. Машинист не остановился, не сбавил хода, и поезд промчался дальше, на Екатеринбург. «Что он, с ума сошел?» — подумал Ребров и схватился уже за рукоятку тормоза, но вспомнил, что трое красноармейцев, наверное, не дремлют, и, значит, путь свободен впереди. Вдруг раздался резкий свист.

Ребров вздрогнул. «Машинист предал, — подумал он. — Белые услышат свист». Он выскочил на переднюю площадку вагона. Открыл дверь, ведущую на буфера, — ни соединительного железного листа, ни перил у вагона не оказалось. Впереди темная масса тендера кидалась из стороны в сторону, словно хотела соскочить с рельсов и умчаться от страха куда-нибудь в лес. Ребров добрался до края полукруглой крыши вагона и ухватился руками за выступ угла, но вагон качался с такой силой, что Ребров понял: ему все равно не устоять на крыше вагона и не сделать оттуда прыжка на паровозный тендер.

«Чего они там смотрят?» — выругал он про себя оставшихся на паровозе красноармейцев и пожалел, что не оборвал в Таватуе троса у свистка.

Вот уже кончилась лесная стена, еще несколько минут — и покажутся предместья города. По высокому насыпному полотну летит состав, а машинист свистит беспрерывно. Окраины города

сливаются с пригородными полями. Ни одного огонька, ни одной живой души. Открыт ли семафор, переведены ли стрелки, есть ли кто на станции — ничего неизвестно. Паровоз на полном ходу врывается на станцию.

Красноармейцы бросились к темному вокзалу, машинист выскочил и исчез, оставив на произвол судьбы горячий паровоз. Ребров тоже побегал по путям к станции. В комнате коменданта не горит электричество. При свете сальной свечи Ребров узнал начальника военных сообщений Жебелева. Без пояса, в голубой батистовой рубашке, он сидел у стола и отдавал кому-то последние приказания. При свете огарка трудно рассмотреть вошедшего. Наконец, узнав Реброва, Жебелев бросился ему навстречу:

— Ты откуда?

— Из Перми.

— На чем приехал?

— На паровозе.

— Откуда? Я ни одного встречного поезда с Егоршина последние пять часов не принимал, — с удивлением уставился на него Жебелев.

— Я по горнозаводской. Разве не слышал нашего свистка?

— Что ты врешь? Горнозаводская с утра перерезана. Свистели со стороны чехов. Мне звонил начальник гарнизона...

— Кто это? Долов? Струсил, наверное, и надул. Да ты пойдй посмотри, паровоз еще горячий.

— Вот мерзавец, — выругался Жебелев.

— Не лайся. Где штаб? — прервал его Ребров.

— На четырнадцатом пути. Если хочешь застать, иди скорее, сейчас отправлю. За ними по-

следний поезд, на котором еду сам. Да вот теперь твой паровоз пригодится.

Ребров в темноте перескакивал через рельсы и старался не сбиться со счета; на четырнадцатом пути, против станции, никакого состава, однако, не оказалось. Он пошел вдоль полотна, заметив направо в темноте что-то похожее на вагоны. Это был поезд командарма. Ребров подошел к подножке вагона, вскочил на нее, хотел открыть дверь и только тут заметил, что за стеклом кто-то стоит.

— Кто там? — послышался голос из-за двери.

— Командарма!

— Кто это?

— Ребров.

— Неужто ты? — Дверь поспешно открылась, и Ребров очутился лицом к лицу с командармом.

— Успел, Ребров? А мы думали — застрял. Ну, иди, иди скорее в салон, там ждут тебя. Надо спешить. Через полтора часа город сдаю.

В салоне спало несколько человек. На голос командарма поднялся Голованов.

— Опоздал, Ребров, — сказал Голованов. — Ложись спать, поедем вместе обратно. Перейдешь к чехам в другом месте.

— Брось шутить. Давай явки, документы и деньги, времени осталось мало. Меня ждут.

— Не шучу я. Ты не успеешь добраться до квартиры. В городе, наверное, уже чехи, зачем рисковать?

— Командарм сказал — до чехов час с лишним осталось. Попробую успеть. Скорее.

Голованов взглянул на Реброва, хотел что-то сказать. Потом полез в карман и достал бумажник.

— Ну, вот тебе. Тут паспорт на двоих, адрес квартиры, пароль и явка.

— Спасибо. Телеграфируй Запрягаеву, что я уже у чехов, — сказал Ребров. — А что с Николаем? — вспомнил вдруг он.

— Шестнадцатого расстреляли, а опубликовали вчера, — указал Голованов на номер «Уральского рабочего» от 23 июля.

— Ну, будь здоров, Егорыч! Держи! — протянул Ребров Голованову свой револьвер, партбилет и документы.

— Будь здоров, Борис. Удачный путь!

На площадке Ребров снова встретил командарма. Он расхаживал взад и вперед, по временам останавливаясь и чутко к чему-то прислушиваясь. Очевидно, решил не спать всю ночь.

— Час продержишь? — спросил Ребров.

— Продержу. Ночью они вряд ли сунутся.

— До свиданья, — сказал Ребров. — До скорой встречи.

Командарм кивнул головой.

Ребров сделал несколько шагов по насыпи, оглянулся назад: из дверного окна вагона виднелась стриженная голова командарма. Стеклышки его пенсне, отражая падавший откуда-то свет, слабо поблескивали.

Валя была одна в пустом и темном вагоне. Минуты текли медленно. Ребров все не возвращался. Валу охватило чувство полного одиночества. Ей казалось, что там, на станции, уже хозяйничают чехи. Может быть, Ребров попал прямо им в руки и теперь его уже нет в живых? Что же

в таком случае грозит ей? И это тогда, когда они уже почти у цели. Вот там, близко, в той темной котловине должен быть город. Почему же Ребров не идет, когда нужно торопиться? Она тщетно вглядывалась в темноту.

— Валя, — неожиданно позвал ее Ребров с другой стороны вагона, — все в порядке, идем.

— Хорошо. Дай руку.

Они шли рядом по темному перрону. Прошли сквозь пустой вокзал; у выходной двери одиноко стоял часовой. Впереди чернела широкая площадь. Город притаился. Даже собаки не нарушали жуткого спокойствия. Ни часовых, ни патрулей. Город переживал то обычное перед сдачей мгновение, когда одни уже боятся оставаться в его запутанных улицах, а другие еще не решаются в них войти. Был поздний ночной час. Вале казалось, что они с Ребровым находятся на какой-то давно уже погасшей, мертвой планете.

И все же город не спал. Ребров слышал неясный угрожающий шорох из подворотен домов, будто за воротами скрываются молчаливые наблюдатели. Из каждого переулка, из каждой улицы, из ворот и потухших окон можно было ждать нападения. И в самом деле, сотни людей не спали в эту ночь, сидели у окон, затаив злобу на уходящих большевиков и с радостью ожидая чехов. В юго-восточной стороне екатеринбургские белогвардейцы уже занимали позиции на огородах и пустырях, чтобы неожиданным нападением помочь приближающимся чехам. Выступление, однако, опоздало, как потом оказалось, из-за того, что белогвардейцы, услышав неистовый рев паровоза, на котором приехал Ребров, приняли его за бро-

непоезд, пришедший на помощь отступающим красным.

Минут через десять после ухода с вокзала Ребров с Валею расслышали стук уходящего поезда, но не обменялись между собой ни словом. Даже тяжелые шаги Реброва теперь пугали Шатрову. Ей вдруг захотелось броситься назад к вокзалу, но возвращаться было поздно. Вдали стучал колесами уходящий поезд командарма.

— Здесь, Валя, — остановился наконец Ребров. Он толкнул калитку, которая подалась со скрипом, и шагнул во двор.

— Наверно, вон там, — указал он Валею на стоящий вдали темный одноэтажный домик и пошел вместе с ней в глубь двора.

— Ничего не вижу, — споткнувшись, рассердилась Валя, — Да что они здесь все вымерли, что ли? Тьма кромешная.

Ребров взглянул на дом: нигде не было видно даже признаков света.

— Осторожней. Вот крыльцо, — предупредил он Валею и, поднявшись на ступеньки, забарабанил в дверь кулаком.

Глухие удары по двери долго оставались без ответа. Потом послышалась приглушенная возня, словно там отодвигали от двери громоздкие вещи, и стало снова тихо. Ребров опять забарабанил по двери, и на его стук послышался боязливый шепот:

— Кто это?

— Откройте. Ваш квартирант Чистяков, — ответил Ребров.

Комната для него была снята давно, но ни он, ни хозяйева еще ни разу не видели друг друга в лицо.

За дверью снова притихли, потом нерешительно стали отодвигать задвижки. Дверь тихо приоткрылась. Ребров шагнул через порог; внутри дома было еще темнее, чем на дворе.

— Сюда, сюда, — прошептал кто-то невидимый в стороне.

Ребров и Шатрова ошупью пошли вслед за ним.

— Кто вы? — спросил невидимый человек.

— Я Чистяков. А это моя жена.

— Откуда вы, господин Чистяков? В такое время? Что с вами случилось? — заговорило сразу несколько голосов.

— Свечку, свечку, — потребовал женский голос.

Через минуту Ребров и Шатрова познакомились с хозяевами.

— С последним поездом, — говорил Ребров, — проскочили до Билимбаевского завода, а оттуда — на подводе. Чуть к большевикам не попали. Ямщик отказался ехать в город и высадил нас на тракте около железнодорожного переезда. Едва доплелись.

— Зато, слава богу, кажется, завтра кончатся все наши мученья! — добавила Валя.

— Вот героиня, — засуетилась хозяйка. — Никак, никак вас не ждали. Думали даже комнату сдавать...

Муж посмотрел на нее сурово, и она, поняв ошибку, любезно поправилась:

— Я сейчас вам постелю. Наверное, с дороги устали,

Широкая кровать даже в темноте манила своей чистотой. После тревожных волнений захотелось скорей погрузиться в сон. Хозяин все еще стоял в дверях.

— Простите, что нельзя электричество. Без вас совсем в темноте сидели — опасно: большевики заметят огонь, начнут стрелять по квартире или грабить придут. Мы с женой решили не спать всю ночь.

После его ухода Ребров закрыл на крючок дверь. Он лег полураздевшись, Валя последовала его примеру. Сон почти мгновенно овладел обоими, все вокруг провалилось куда-то и исчезло. Через несколько минут до сознания Реброва докатился отдаленный глухой удар. Он заставил себя открыть глаза и прислушаться. За первым ударом последовал второй, затем третий, четвертый, пятый... и так — до бесконечности.

— Валя, стреляют, — прошептал Ребров.

Валя поднялась, оперлась на локоть и тоже стала слушать удары артиллерийских орудий.

— Это они, Ребров, — тихо прошептала Валя. — наших уже нет.

— Хорошо, что наши выбрались. Спи, — сухо сказал Ребров.

Сам он лег, но уснуть не мог. «Благополучно ли только выбрались?» — думал он, вспоминая стук колес уходящего поезда.

Уже у самого города стучали невидимым гигантским молотом.

Двадцать пятого июля 1918 года рано утром вошли в Екатеринбург чехословаки. В шесть ча-

сов утра въехали с песнями казаки. К вокзалу двигались чешские эшелоны, а на северо-востоке еще трещали ружейные выстрелы. Какие-то коммунары, укрывшись на старом паровозе, расстреливали последние патроны. Им некуда было отступать, и они спокойно ожидали смерти. Мальчуган лет шестнадцати сумел укрепить пулемет за паровозными колесами, и долго недоумевали чехи, откуда на них брызжет свинцовый дождь. Но скоро и эти последние выстрелы замолкли. Кончилась перестрелка и у вокзала.

Пассажирский вокзал украшен зеленью и цветами. На белых стенах здания издали виднеется сделанная из пихтовых гирлянд надпись:

Добро пожаловать, дорогие братья!

Часовые, в новеньких австрийских шинелях, с лодочками на головах, застыли на своих местах. Чехи, видно, стараются поразить екатеринбуржцев своей выправкой. Их эшелоны стоят на железнодорожных путях, где несколько часов тому назад стоял поезд командарма. Любезные офицеры принимают бесчисленных посетителей. Вокзал с утра полон народу.

Барышни и дамы в кружевных платьях с цветами на груди зебечут и смеются. Они позабыли, что еще вчера здесь были большевики.

— Поручик! — кричит одна из них безусому юнцу. — Когда будем в Москве?

В зале буфета представители города уже чувствуют банкетом победителей, гремит духовой оркестр. А рядом с вокзалом на каменную мостовую выброшено семь трупов — это те самые большевики, что стреляли с паровоза. Их головы разбиты пулями, кровавые впадины глаз еще источают темно-бурые слезы. Трупы брошены друг на друга. Большая толпа жметя вокруг них и рассматривает. Трупы не пугают толпу.

— Накомиссарились, будет с них! — басит лысый, похожий на церковного старосту, человек.

— Эти что! Главные-то утекли! — говорит другой в поддевке и картузе.

— А вот это пулеметчик, Тонечка, — рассказывает молодой человек в студенческой тужурке стоящей с ним рядом барышне. — Совсем маленький, а дольше всех, говорят, торчал на паровозе, не желая ни за что сдаваться.

— Этот? — тычет зонтиком барышня в вытянутую ногу. — Звереныш!

По вокзальной площади вскачь несется телега. За ней бегут, спотыкаясь, два полураздетых красноармейца. Руки их привязаны к задку телеги. Один из них падает, казаки плеткой заставляют его подняться и вновь бежать за скачущей по мостовой телегой. Ребров с утра вместе с хозяином дома наблюдает с крыши вступление в Екатеринбург победителей. Хозяева не подозревают, кто такой Чистяков, и Реброву приходится радоваться вместе с ними.

— Кажется, конец? — говорит он хозяину.

— Да и то уж пора. Подумать только! Сколько времени сопротивлялась эта вшивая команда. Пойдемте пить чай, а потом на станцию. Счастли-

во вы приехали... простите, как ваше имя-отчество?..

— Василий Михайлович.

За чаем принесли первые экстренные телеграммы. Жирным шрифтом напечатано сообщение:

Вождь уральских большевиков Голованов захвачен казаками, при нем обнаружена огромная сумма денег, дамские кольца и нателъные кресты.

— Пойман, значит. Вот ловко. Прочтите.

С трудом отделившись от обременительной любезности хозяев, Ребров с Валею перед завтраком направились в город, чтобы разыскать родных Шатровой. Улицы Екатеринбургa наполнены празднично одетыми обывателями. Около дома инженера Ипатьева по-прежнему тесовый забор, как будто Романовы продолжают оставаться там. По-прежнему ходят часовые и отгоняют народ.

— Ищут, — сказал Ребров, и они прошли мимо.

Около Соборной площади большая толпа любопытных: арестованные красноармейцы под конвоем чехов выкапывали из братской могилы красные гробы. Это была могила красноармейцев, павших на фронте в боях против атамана Дутова. В одних кальсонах, истерзанные, подгоняемые враждебными криками толпы, красноармейцы работали изо всех сил, стараясь как можно скорее кончить страшную работу. Выкопанные гробы бросали на телеги и везли на свалку.

— В могилу их самих! — кричали из толпы.

Ребров и Валя шли дальше. На стенах домов были уже расклеены афиши о большом гуляньи

в Харитоновском саду по случаю избавления от большевиков.

— Сюда! Сюда! — потянула Валя Реброва через дорогу к двухэтажному дому. — Подожди здесь!

Она быстро вбежала по лестнице на второй этаж, позвонила и скрылась за дверью. Ребров ждал, что дверь снова откроется и его позовут; но дверь не открывалась и его никто не звал. Прошло минут десять. Он нетерпеливо расхаживал около деревянного крыльца. В окнах ничего не было видно.

Наконец снова скрипнула дверь. Ребров оглянулся, по лестнице тихо спускалась вниз Валя.

Он пошел к ней навстречу и хотел спросить, все ли в порядке, как вдруг увидел на глазах у нее слезы.

— Валя, что случилось?

— В доме никого нет. Наши уехали вчера. Мы разъехались. Что я буду делать одна у чехов? — плакала девушка.

— Пустяки. Не беспокойся. Завтра утром я схожу на явку. Найдем товарищей, они устроят тебя. А теперь — домой!

Перед самым домом навстречу попался отряд гимназистов с белыми повязками на рукаве: «Белая гвардия».

Валя невольно улыбнулась:

— И эти туда же!

Шедший впереди отряда не расслышал ее слов, но заметил улыбку хорошенькой девушки. Он еще больше выпятил грудь и сорванным голосом молодого петуха крикнул:

— Ать! Два!левой!левой!

— Исчезновение царской семьи! Вечерние телеграммы! — вдруг с криком вынесся из калитки дома мальчишка. — Исчезновение царской семьи! — побежал он вдоль улицы с развевающимися по ветру длинными полосками бумаги.

— Мальчик, телеграмму! — крикнул вслед ему Ребров и через минуту вслух читал Шатровой:

ОТ ОСОБОЙ КОМИССИИ

Особая комиссия, образованная по распоряжению командующего фронтом генерала Дитерихса для расследования обстоятельств, связанных с заключением императорской семьи в г. Екатеринбурге, настоящим сообщает:

Обследование дома инженера Ипатьева, в котором помещалась при большевиках фамилия Романовых, ощутительных результатов не дало. Извлечено несколько десятков предметов, принадлежавших царской семье, однако присутствие семьи не обнаружено. Судьба царской семьи неизвестна. Поиски трупа якобы казненного большевиками царя во дворе и садике успехом не увенчались. Траление Исетского пруда оказалось также безрезультатным. Сообщение большевиков о казни Романовых, таким образом, вызывает сомнение.

Комиссия обращается к гражданам, имеющим сообщить что-либо о царской семье или могущим указать на лиц, причастных к исчезновению ее, помочь комиссии в ее работе.

Следователь *Наметкин*

СПАСЕНЬЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ?

(Беседа с начальником уголовного розыска
гор. Екатеринбурга г. Кирста)

На вопрос нашего корреспондента о судьбе царской семьи начальник уголовного розыска г. Екатеринбурга сказал:

— Пока особая комиссия не закончила своей работы, по понятным причинам я не могу широко информировать печать о результатах следствия.

Тем не менее работа моей агентуры принесла известные плоды, и есть основание думать, что царская семья в настоящее время вне опасности.

Во всяком случае, я хочу подчеркнуть тот факт, что свидетельскими показаниями точно установлено, что все члены царской семьи, одетые в авиационную форму, были заблаговременно уведены из Ипатьевского дома...

— Врут? — спросила Валя Реброва. Тот кивнул.

На другой день, оставив Валю, Ребров пошел на явочную квартиру. Он долго искал номер дома на захолустной улице. Нашел его, прошел мимо до следующего квартала, посмотрел в переулки — нигде ничего подозрительного. У маленькой церкви старухи ждали выноса покойника. У ворот дома толпились мальчишки, радуясь похоронной процессии. Ребров остановился у калитки, из которой выглядывала баба в широкой юбке.

— Скажите, — обратился к ней Ребров, — как пройти в квартиру Волкова?

— Первая дверь налево. А вам самого?

Ребров вошел в открытую дверь. Пожилой человек босиком, в рубашке без пояса встретил его у входа.

— Вам кого?

— Нина дома?

— Никакой Нины у нас нет.

— Как нет? Нина Буйволова из Екатеринодара! — настаивал Ребров. Слово «Екатеринодар» и было явочным паролем.

— Я вам говорю: такой здесь нет и никогда не было, — загораящая Реброву дорогу, сказал хозяин.

Ребров боялся настаивать, чтобы не вызвать подозрения.

— Простите; значит, я ошибся, — последний раз посмотрел он на человека в рубашке.

Тот ничего не ответил. Выйдя за ворота и оглядевшись по сторонам, Ребров подозвал извозчика.

— Гони скорей! — крикнул он ему.

Пролетка заскакала по булыжникам мостовой, задребезжали рессоры, взвилось вслед за экипажем облако пыли. Ребров не переставал торопить возницу до самого дома.

— Мы отрезаны от своих, — шепотом сказал он Шатровой. — На явке мне не ответили.

— Пойдем на станцию, — предложила Валя. — Может быть, лучше уехать?

На вокзале была неразбериха. Комендант станции на расспросы о железнодорожном движении отвечал:

В ближайшую неделю восстановят. Сейчас оно совершенно прервано из-за взорванных мостов...

— Да как же эти эшелоны очутились здесь? — не вытерпел один из пассажиров, указывая на чешские составы. Чехи благополучно прибыли в Екатеринбург в новеньких и чистеньких классных вагонах.

— Прошу вас меня не перебивать! — внезапно побагровев, крикнул комендант. — Иначе вам придется последовать за мной в соседнюю комнату.

У дверей соседней комнаты стоял казак с винтовкой.

Неосторожный пассажир, низко раскланявшись, поспешил удалиться. Ребров и Шатрова пошли домой.

— Не выпускают никого из города, большевиков ловят.

— Что же нам теперь делать? — встревожено спросила Валя.

— Пока подождем, а там — в Кизел, как только чехи его возьмут.

— Только бы выскочить из западни, — тихо сказала Шатрова, и они зашагали домой.

Дома Ребров и Шатрова, никем не замеченные, прошли в свою комнату. За стеной слышалось несколько громких голосов. Один из них — незнакомый.

— Чего они там расшумелись? — прислушалась Валя.

— Наверное, спорят о пустяках. Лучше давай посчитаем, сколько денег осталось у нас.

— Постой, Ребров, это становится интересным, — остановила Валя Реброва и подошла к стене.

— Вы мне ответите! — вдруг прокричал незнакомый голос. — Ваш сын обокрал мою дочь. Выманил у меня векселя, обещал жениться и до сих пор тянет со свадьбой. Я спрашиваю вас: будет свадьба или нет?

— Да тише вы, сумасшедший человек, — отвечал придушенным шепотом хозяин, — кругом все слышно. Ведь не я же обещал жениться на вашей Татьяне. Поговорите с моим сыном: он уже взрослый.

— Мне плевать! Пусть все слышат, как он обворовывал нас. Я ему припомню эту подлость и

вам тоже, — снова прокричал резкий голос, и дверь с силой хлопнула о косяк.

— Вот еще заварилась каша, — недовольно пробормотал Ребров, — чего доброго, попадем в свидетели.

Но он ошибся, до самого вечера в квартире было тихо. Лишь около семи часов вечера в комнату постучал хозяйский сын:

— Валентина Николаевна, берите мужа, пойдете в Харитоновский сад: там сегодня большое гулянье в пользу чехов.

— Отказаться неловко, — шепчет Реброву Валя и кричит за дверь: — Хорошо, идем!

В Харитоновском саду по аллеям гуляют дамы и офицеры. Пары идут бесконечной лентой по тенистым аллеям сада, и никто не сказал бы, глядя на них, что еще вчера они переживали грозную революцию. А там, около Верхнеисетского завода, где высоко приподнят конец города, белеют стены екатеринбургской тюрьмы. В нее то и дело ведут арестованных. Из нее же уводят только на расстрел.

Хозяйский сын доволен сегодняшним днем. Он громко смеется и что-то говорит Вале; он не слышит вопроса Реброва: «Как ваши лесные операции, Кузьма Иванович?» — и продолжает что-то рассказывать своей спутнице.

Ребров не мешает. Он зорко вглядывается в прохожих, порой они ему кажутся знакомыми, но он успокаивает себя тем, что это только кажется. Так бывает всегда, когда прячешься. Но вот встречный офицер, с перетянутой талией, действительно кого-то напомнил Реброву. «Почему он так пристально посмотрел на меня? — думает Реб-

ров. — Где я его видел?» Офицер еще раз оглянулся. Острый ястребиный профиль был хорошо знаком Реброву. «Да ведь это Долов, — вспомнил он. — Неужели узнал?»

— Пойдем сюда. — Ребров резко взял за руку Валу и почти толкнул ее в боковую аллею. Кузьма Иванович остался на мгновение стоять на месте, продолжая все еще говорить, потом рысцой догнал Реброва.

— Василий Михайлович, что это вы нас напугали? Что-то случилось?

— Ничего особенного, Кузьма Иванович. Вижу, что вы меня совсем забыли. Не пора ли домой?

— Да, пожалуй. Я немного устала, — сказала Валя. — Вы, наверное, останетесь на концерт?

Хозяинский сын вежливо раскланялся и поцеловал руку Вали.

— Кто это был, Ребров? — спросила Шатрова, как только Кузьма Иванович отошел.

— Долов. Он был начальником гарнизона в Екатеринбурге. Перебежал к чехам, сволочь.

— Завтра снова пойду на вокзал. Может быть, чешские коменданты будут покладистее, — сказала Валя.

Но на другой и на третий день на станции Вале отвечали по-старому:

— Сообщение прервано, мадмуазель; мосты взорваны.

Ребров каждый день с утра уходил в город. Он тщательно обдумывал вопрос, как связаться с товарищами: «Переехать в ближайший завод, поступить на работу? Покажется подозрительным. Пойти в профсоюзы, существующие в горо-

де? Опасно, можно наскочить на знакомых меньшевиков. Работать в кооперации? Там эсеры...»

Знакомые дома, недавно гостеприимно открывавшие двери перед Ребровым, теперь чужды и враждебны. Там, где помещался железнодорожный райком коммунистической партии, теперь белая разведка. В здании городского совета — центральная комендатура. В особняке Поклевского-Козелл — штаб белой гвардии. В епархиальном училище, где была академия, — чешская воинская часть. И только в женском монастыре все по-прежнему: у ворот монашки и оглушительный звон на колокольне.

«Неделю-другую надо выждать», — решает Ребров и поворачивает домой.

Он идет мимо ипатьевского особняка. Особняк все еще зашит щитами. Часовые прогуливаются взад и вперед. «Ничего не могут найти, — думает Ребров и проходит дальше. — Надо сидеть дома неделю-другую», — повторяет он про себя и идет через двор к своей квартире.

В дверях его встречает Валя. У нее в руках газета. Она чем-то встревожена. Протягивает газету.

— Прочти, Борис, — сказала она шепотом, едва он вошел в комнату, и плотно закрыла дверь.

Ребров читает:

ОТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Лиц, могущих указать подробности отправки большевиками незадолго до сдачи города особо секретного поезда, просят дать свои показания следственной комиссии. Прием от 11 до 3 часов дня.

Следователь *Наметкин*

г. Екатеринбург.

П Р И К А З ПО ЗАПАДНОМУ ФРОНТУ

Приказываю в интересах следствия по делу об исчезновении царской семьи в случае обнаружения и задержания лиц, поименованных в прилагаемом ниже списке, дабы жизнь их была во что бы то ни стало сохранена и они, по их задержании, были бы препровождены в тыл.

Командующий фронтом генерал *Дитерихс*

Список лиц, подлежащих немедленному отправлению в тыл в случае их задержания:

1) Голованов.	101) Белозипунников.
2) Нечаев.	102) Караваяев.
3) Ребров.	103) Масленников.
4) Запрягаев.	104) Кательский.
.	
61) Жебелев.	161) Красноперов.
62) Воздвиженский.	162) Руненберг.
63) Новожилов.	
64) Наумов.	163) Лиханов.
.	164) Коркин.

— Борис... — хотела что-то сказать Валя.

— Погоди, — он второй раз прочел сообщения и только тогда повернулся к Вале.

— Не понимаю. При чем тут я?

— Но как же мы? Они найдут тебя, — испуганно сказала Валя.

— Пустое. Вот золоту грозит опасность. Надо обратно через фронт, — ответил Ребров.

Душно спать летом в маленькой комнате. Ребров ворочается с боку на бок. Пропадет золото. Погоня, погоня.

Кругом трупы, и все знакомые. Вот Голованов, Нечаев, Запрягаев; они лежат у стен вокзала в один ряд, как папиросы в портсигаре. Головы разбиты, вместо мозгов — тряпки. Опять гонятся, ло-

вят, и надо бежать. Лето, а холодно. Нужно зажечь спичку. От этого зависит жизнь. Долов смеется и тычет пальцем: «Он! Он! Бери его!»

Ребров мечется в постели, скрипит зубами. «Хоть бы проснуться», — думает он во сне и открывает глаза. Рядом разметалась Валя; ей, очевидно, тоже душно. На дворе светает.

«Чертовщина, — ругается про себя Ребров, — никогда не думал, что так тяжело оторваться от своих. Долов... Вот сволочь!»

Ребров встает и подходит к окну. Там, по улице, идет патруль. «Пройдет мимо или остановится? Нет, заходит во двор. С чего бы это?» Идут к флигелю.

«К нам, — соображает Ребров, — за мной». Мелькает мысль: «Бежать! А Валя?.. Да и поздно».

У окна выросли фигуры с винтовками. Продолжительный звонок, стук прикладов в прихожей и чей-то сиплый голос:

— Кто хозяин?

Хозяин, еще сонный, в белье, с испугом вытягивается перед военным.

— Я.

— Ты большевиков укрываешь. Есть у тебя Чистяков?

— Это я, — говорит Ребров, выходя в открытую переднюю. — Хозяин никого не укрывает, а я такой же большевик, как и вы. Тут какое-то недоразумение.

— Молчи, сволочь!

— Вежливей!

— Я тебе покажу вежливость.

— Не тыкай мне! — крикнул на унтера Ребров. — В комендатуре ответишь за свое хамство.

Угроза произвела впечатление. Начальник патруля сбавил тон.

— Собирайтесь, — сказал он сухо Реброву и, повернувшись к хозяину, добавил: — Где ваш сын? Он тоже с нами.

Кузьма Иванович, бледный и жалкий, накинул на себя пальто.

— Что вы делаете, господин офицер? Какой он большевик? — заплакала хозяйка.

Арестованных вывели во двор.

— Я вернусь через час-два, в центральной комендатуре все выяснится, — спокойно сказал Ребров, заметив, что Шатрова готова заплакать.

Безнадежно махнув рукой, Валя сбежала с крыльца, не видя ничего перед собой.

Два гимназиста класса седьмого-шестого конвоировали арестованных. Унтер-офицер с остальными солдатами пошел на новый обыск. Тяжелые берданки были не по плечам страже. Ребров один мог легко разделаться с обоими, но бежать не было смысла: дома — Валя, и с ней расправились бы за его побег. Рядом плохой компаньон — Кузьма Иванович. Рисковать при таких обстоятельствах не стоило.

Деревенская баба с корзинками земляники попалась навстречу.

— Разрешите, господа, купить корзиночку, — обратился к гимназистам Ребров.

Гимназисты переглянулись и важно кивнули. Ребров угостил Кузьму Ивановича и до самой комендатуры ел душистые ягоды и, казалось, ни о чем не тревожился. Но это только казалось. На самом деле он терялся в догадках. За что арестовали? Раскопали что-нибудь действительно или

ошибка? А впереди встреча с Доловым. Узнает или нет?

Двери комендатуры широко открыты. Она принимает бесчисленных гостей. Одни из них являются под охраной штыков, как Ребров, другие ходят сюда, чтобы пообедать в офицерском собрании на втором этаже. Реброва повели по широкой темной лестнице. По ней навстречу Реброву спускался невысокий, коренастый офицер. На освещенной окном площадке офицер повернулся к стенному зеркалу и вынул из кармана зубочистку. Ребров, проходя за его спиной, едва не шарахнулся от неожиданности в сторону: перед ним его железнодорожный попутчик — тот самый, который рассказывал когда-то в вагоне о взятии Уфы и Самары. Теперь на нем зеленый китель с полковничьими погонами.

Гимназисты торопятся вверх по лестнице, а офицер все еще ковыряет зуб.

«Пронесло», — думает Ребров.

Через минуту его подводят к кабинету, на двери которого маленькая дощечка:

Начальник гарнизона ДОЛОВ

В большом светлом кабинете из-за стола подымается человек. Нет, это не Долов. Должно быть, его помощник. Он записывает в книгу имя и фамилию арестованного. Поскорей бы выбраться отсюда.

Все, наконец, записано: возраст, местожительство. Дежурный караул ведет Реброва еще выше

по лестнице. Там приготовлена на скорую руку камера. В ней уже человек шесть. Вскоре туда приводят Кузьму Ивановича.

Странное впечатление производят арестованные. Ребров никогда бы не подумал, что вот эти люди способны казаться опаснейшими большевиками. Тощие, забитые деревенские мужичонки, какой-то парикмахер, два красноармейца с голодными глазами и благообразный старичок.

Почти каждые двадцать минут в камеру приводили все новых и новых арестантов. Но и эти были такие же случайно схваченные люди, как и первые. В двенадцать часов дня в железных ведрах принесли щи и на подносе — куски хлеба. Было видно, что куски собраны со столов, а щи слиты с тарелок.

Голодные мужичонки с жадностью набросились на еду. Красноармейцы после некоторого раздумья присоединились к ним. Ребров и Кузьма Иванович решили не обедать. В четыре часа застучали тяжелые подкованные сапоги на лестнице за дверьми. В комнату ввалилось человек десять новичков, вслед за ними — несколько казаков. Маленький кудрявый есаул визгливо, по-бабьи заорал:

— Становись!

Арестанты выстроились в шеренги и приготовились в путь. На улице их окружила цепь спешенных казаков.

— Шагом марш! — скомандовал есаул и повел вдоль Главного проспекта к тюрьме. Есаул неистовствовал. Сыпал ругательствами, перебегал от головы колонны к ее концу, подлетал к арестованным, тыкал в нос наганом. Подталкивал их нож-

нами сабли, взмахивал нагайкой и снова сыпал ругательствами.

Навстречу арестованным под траурные звуки шопеновского марша шла огромная похоронная процессия. Хоронили расстрелянных красными заложников. Арестанты тесней сжались между конвоирами, боясь быть растоптанными. И непонятно было, кого это провожали траурным маршем — тех ли, кто уже в гробах и ничего не чувствуют, или этих, еще живых,двигающихся к такой же или еще более страшной смерти.

Перед тюрьмой есаул остановил арестантов. К Реброву подскочил один из казаков и как-то вполголоса воровато приказал:

— Снимай штаны. Пиджак.

Ребров обернулся. Сзади арестованные снимали с себя одежду и отдавали казакам.

— Живо шевелись, — командовал курчавый.

Ребров медлил. Казак полез к нему в карман и выхватил бумажник с документами. Сорвал с руки часы.

— Тут нет денег. Отдай, — схватил его за руку Ребров.

— Ну, ты! — Нагайка угрожающе взлетела вверх.

Из тюремных ворот бежал начальник тюрьмы.

— Оставьте, оставьте! Что вы делаете?.. — кричал он казакам.

Казаки молчаливо расступились. Ребров в свою очередь запустил руку в карман казаку и сжал крепко свой бумажник.

— Господин полковник, — обратился он к начальнику тюрьмы, — тут мои документы.

Казак неохотно возвратил бумажник.

Тюремные двери открылись и захлопнулись за арестованными. В тюремной конторе у них в первую очередь отобрали еще оставшиеся вещи и одежду.

Валя сидит у себя в комнате. На полу после обыска разбросаны вещи Реброва. Невеселые мысли приходят в голову Вале. За стеной причитает и плачет хозяйка.

«Надо взять себя в руки. Может быть, арест случайный. Надо узнать», — решила Валя.

— Валентина Николаевна, что же делать? — прервал Валины думы голос хозяина.

— Что? Ехать надо к коменданту города.

— Голубушка, поезжайте! У вас это как-то хорошо выходит. А то если я поеду, все дело испорчу.

Валя посмотрела на хозяина. Толстый, почти шарообразный, он казался таким беспомощным. Обрюзгшее лицо и бегающие глазки вызывали желание сказать ему что-нибудь обидное. Валя с трудом подавила в себе это желание.

— Я поеду. Скажите только: Кузьма Иванович мог быть заподозрен в большевизме?

— Вы шутите? Нас заподозрить в большевизме! Никто не осмелится!..

— Да осмелились ведь.

— Нет, нет, это просто недоразумение, — снова униженно проговорил хозяин.

Валя надела свое лучшее платье и шляпу. Извозчик подкатил к комендатуре, встречные офицеры любезно посторонились перед хорошенькой посетительницей, оглядывая ее с ног до головы.

Долов сам принял Шатрову.

— Сударыня, не беспокойтесь. Все выяснится. Но несколько дней мы просто не в состоянии заниматься этими делами, а дальше вы все узнаете в следственной комиссии.

— Могу я его видеть?

— Отчего же, при мне, пожалуйста.

Валя вспомнила предательство Долова и замялась.

— Я бы хотела его видеть в камере.

— Сейчас узнаем, можно ли это. — Долов нажал кнопку звонка и вызвал дежурного.

Через две минуты дежурный доложил, что арестованные уже отправлены в тюрьму.

— Как жаль, — щелкнул шпорами Долов. — Вы опоздали.

«Нет, он не знает, кто Чистяков», — подумала Шатрова.

Валя вышла из кабинета. Снова извозчик мчит ее. Она хочет догнать арестованных, чтобы крикнуть Реброву: «Они не знают, кто ты». Главный проспект остался позади. Тюремная площадь пуста. Медленно закрывались черные двери тюрьмы. С извозчика только на один миг было видно, как последние конвоиры исчезли в калитке.

На стук Шатровой сторож ответил:

— Контора не занимается. Открыта до часу.

Камера, куда поместили Реброва, была рассчитана при царском режиме на одиннадцать человек. Теперь в ней находилось шестьдесят шесть. Ни нар, ни кроватей. Посредине стоял стол

и рядом — небольшая скамья. Старожилы разместились на полу, подальше от вонючей параша. Новичкам пришлось мириться с тем, что осталось.

Реброву было не до этих мелочей, его неотвязно преследовали догадки: «Неужели установили, кто я? Но как? Неужели кто-нибудь проследил на явочной квартире? Тогда нужно поставить крест на всем. Почему Валю оставили в покое? Наверное, за ней следят — надеются открыть подпольную организацию. Зачем же арестовали вместе с Кузьмой Ивановичем? Что за ерунда!»

Как и в комендатуре, в тюрьме сидели странные арестанты. Большинство попало сюда, очевидно, случайно.

Парикмахер рассказывал, как рано утром его ранил выстрел в окно пьяный казак. Сбежавшиеся на выстрел чехи, не понимая русского языка, отправили раненого под арест, и теперь он здесь «до выяснения».

Железнодорожник с окладистой черной бородой, начальник товарного двора какой-то станции, тоже раненный еще при красных случайным взрывом ручной гранаты, брошен в тюрьму по подозрению в том, что он ранен в бою против чехов.

Деревенские мужики сидели здесь потому, что наткнулись на белые разезды в день взятия Екатеринбурга.

Красноармейцы, видимо дезертиры, горько раскаивались, что дали себя поймать в ближайших лесах.

Только трое из всех заключенных, видимо, попали сюда не случайно. Двоим нечего было скрывать: их слишком хорошо знали в городе как левых эсеров. Третий, в польском картузе, назы-

вавший себя Комаровым, очевидно, надеялся еще на что-то и объяснял свой арест недоразумением. Он несколько раз подходил к Реброву.

— Товарищ Чистяков (в камере так обращались все друг к другу), скажи: долго, по-твоему, придется здесь сидеть?

— Не знаю, — лаконически отвечал Ребров. Он твердо решил до конца разыгрывать роль бывшего юнкера.

Через десять-пятнадцать минут Комаров снова подходил к Реброву:

— Что же, они нас расстреляют? За что?

— Не знаю, сам ничего не знаю, — снова стремился уйти от вопроса Ребров.

Комаров отходил в сторону. Его руки, очевидно, требовали работы. Он из пустых бутылок, неизвестно где добытых, делал стаканы; пустые консервные банки превращались в кружки; на ночь ставил мышеловки, сделанные все из тех же консервных банок.

Тюремные дни тянулись нескончаемо. Рано утром и вечером проверка. После нее — горячая вода вместо чая и ни куска хлеба. Днем обед из картофельной шелухи. На весь день полфунта черного хлеба. Кузьма Иванович сумел сохранить при себе достаточное количество денег и прикупал дополнительно хлеб. Ему завидовали все, а по ночам крали у него оставшиеся куски. Вместе с хлебом из той же тюремной лавочки попадали в камеру свежие овощи, от которых у арестантов болели животы. И без того душный каменный мешок превратился в зловонную клоаку.

В первую же ночь Ребров был разбужен неожиданной ружейной перестрелкой. Арестанты

вскочили, прислушиваясь. Там, навёрху, словно кто-то сыпал на железную крышу тюрьмы гладкие камешки.

— Стреляют по тюрьме, товарищи.

— Это с кладбища, наверное, большевики.

— Тише ты.

За окном застучал пулемет. Снова по крыше свинцовый грохот. Снова пулемет. Потом тишина.

Утром болтливый надзиратель кому-то рассказал, что ночью подстрелили двух часовых.

Эти выстрелы и ночной переполох как-то подбодрили Реброва. «Значит, тут они, наши, под боком, — подумал он. — Если бы удалось задержать чехов и освободить Урал! Спасти золото!»

Нападение на тюрьму всполошило не на шутку белое начальство. В тюрьмы брошены две тысячи человек. А они, большевики, как ни в чем не бывало устраивают налеты. Участились внезапные проверки арестованных.

Какие-то неизвестные люди проходили группами и в одиночку в тюрьму опознавать знакомых большевиков. Они подходили к каждому узнику и пристально всматривались в него. Потом молча уходили. Кого они опознали, было никому не известно, и всякий боялся быть ошибочно опознанным. Звук постоянно открываемых засовов дверей камеры заставлял вздрагивать каждый раз, и только после вечерней проверки наступало некоторое спокойствие. Комаров поздно вечером подошел к Реброву.

— Товарищ, мне сегодня нехорошо. Мне чуждаются шаги, будто кто-то идет за мной. Не знаю, кажется, что-то случится со мной нехорошее. Я верю, что ты выйдешь на волю. Если меня уве-

дут, передай, когда сможешь, вот эту записку по адресу, — он протянул Реброву комочек бумаги.

— Хорошо, передам.

Камера спала. Во сне люди бормотали непонятное. Наверно, каждый из них видел себя свободным. Резкий стук засовов в необычное время прервал их сны.

— Комаров! С вещами выходи, — прокричал бас старшего.

— Прощайте, товарищи!

В дверях камеры мелькнула и исчезла фигура Комарова в польском картузе и лохмотьях. Камера молчала несколько минут.

— В расход, — тихо сказал кто-то. — Чуял. Беспокоился. Комиссар, надо быть.

Все легли, но, очевидно, не спали. Храпа и сонных выкриков не было слышно до самого утра. Ребров вынул записку и прочел. В ней было несколько слов какой-то женщине:

Прощай, дорогая Оля.

Может, сегодня я живу последний раз.

Ты получишь это письмо, если так.

Целую последний раз.

*Страшное не дает мне писать. Да и все равно
всего не напишешь. Скажи товарищам — погиб не зря.*

Прощайте.

Николай Комаров.

На другой день дежурный надзиратель щеголял в картузе Комарова.

— С обновой, папаша, — окликнул его староста уголовных.

— Ну, этих обнов ныне хватит, — хвастливо откликнулся тот.

На другую ночь увели двух левых эсеров и одного красногвардейца.

Дней через двадцать после ареста загрохотали, как тогда, в последнюю ночь Екатеринбургa, орудия. Запели и задрожали старые стекла тюрьмы. Забегала охрана. Строго-настрога запретили арестованным подходить к решеткам окон, и один, забывший это приказание, получил пулю в лоб. А канонада приближалась. Арестанты считали разрывы и гадали: ближе или дальше.

— Эй, этот далеко; у Шарташа, наверно.

— А вот этот совсем близехонько. Что ты врешь — «у Шарташа»! По вокзалу бьют!

— Еще, еще раз. Вот жарят. У вокзала, у вокзала. Наверняка.

Ребров тайком гадал, где ложатся снаряды. А вдруг наши берут город! Но тотчас же он вспомнил недавние сводки из-под Челябинска и насильно отогнал нелепые надежды на освобождение.

— Этот дальше.

— А, кажись, реже стали стрелять, ребята? — вскоре проговорил кто-то.

Все прислушались. Канонада в самом деле стала затихать, удаляться. Вечером из города донеслись веселые марши оркестра: белые праздновали победу. Прорвавшийся отряд Красной Армии отбит, и Екатеринбург вновь вне опасности.

Ребров каждую ночь ждал своей очереди, но его не выкликали.

Валя у себя в комнате так же нетерпеливо прислушивалась целый день к канонаде. Она с еще большим нетерпением, чем Ребров, ждала

занятия города, но вскоре убедилась, что эти надежды напрасны:

— Отбили, отбили, Валентина Николаевна, — прокричал в окно появившийся во дворе хозяин. За его спиной стоял незнакомый бородатый человек, который, взглянув на Шатрову, вежливо приподнял свою шляпу.

— Можно к вам, Валентина Николаевна? — постучал через минуту в комнату Шатровой хозяин.

— Знакомьтесь, это мой будущий сват, — сказал он, входя.

Бородатый человек быстро подошел к Шатровой, остановился около нее, пряча лицо в сторону, и дрожащим от волнения голосом произнес:

— Простите меня, Валентина Николаевна..

— Я не понимаю. В чем дело?

— Простите, Валентина Николаевна. По злобе, обидно было...

— Что такое? Говорите же скорее.

— Я написал на Кузьму Ивановича, — всхлипнул бородатый человек.

— Что написали? Не понимаю.

— Коменданту. Донос. А чтоб вернее было, и мужа вашего указал.

— Какая гадость! — Валя вскочила от негодования. — Негодяй! — крикнула она в лицо незнакомцу и хотела выбежать из комнаты, но только тут вспомнила, что надо заставить этого человека взять донос обратно.

— Простите, Валентина Николаевна. Дочь мою обокрали... — растерянно оправдывался незнакомец.

— Так вы на людей, ни в чем не повинных, из-

за этого донос настрочили? Какая подлость! Пишите же скорей заявление, что донесли ложно.

— Боюсь я, а что, если мне за это... Да и поверят ли?

— Заставьте поверить чего бы это ни стоило. Мало вас самого упрятать в тюрьму.

— Вот и дочь моя теперь то же говорит, а сперва редела, редела, что Кузьма Иванович со свадьбой тянет. Что же писать-то?

— А когда донос сочиняли — знали, что писать? Садитесь и пишите.

Через полчаса Валя была в следственной комиссии. Она передала председателю заявление о ложном доносе и просила разрешить ей послать заключенному до его освобождения передачу.

— Пожалуйста, мадам. Вот вам моя записка к начальнику тюрьмы, — любезно раскланялся председатель следственной комиссии. — Дело Чистякова я разберу сам.

Кое-как, наспех закупив всяческой снеди, Шатрова торопила извозчика к тюрьме.

У железных дверей толпилось десятка два людей. Большинство из них — родственники уголовных, и только несколько человек пришли к политическим. Валя только сейчас догадалась, что через уголовных можно было бы послать кое-что и другим заключенным. «Как же раньше это не пришло мне в голову?» — думала она. Томительная процедура приближалась к концу, а дежурный надзиратель все еще не хотел разговаривать с Шатровой. Напрасно она ссылалась на разрешение следственной комиссии.

— Знаем мы, какие у вас разрешения, — оборвал грубо надзиратель: — Сказано тебе: политическим передачи нет.

— Я хочу видеть начальника тюрьмы.

— Подождешь, — спокойно захопнул надзиратель тюремную калитку. — У меня от вашего брата целый день отбою нет.

Валя твердо решила повидать начальника тюрьмы сегодня же. В этой толпе ожидающих, связанных общим горем, она даже почувствовала себя несколько крепче. У всех свое горе, все его мужественно переносят, не она одна. Какая-то женщина тихо рассказывала, как погиб ее муж в первый же день занятия Екатеринбурга: его расстреляли вместе с тремя захваченными красноармейцами. Теперь она принесла передачу сыну, который тоже, может быть, не вернется назад. Высокий, сухой, седой священник, стоя с корзинкой продуктов, стыдливо прятался от людей в уголок тюремной ниши. Про него рассказывали, что, будучи в молодости черносотенцем, он громил в проповедях крамольников; и вот теперь, на старости лет, ему приходится приносить передачу сыну, который арестован за то, что служил в канцелярии какого-то советского учреждения.

Ни слез, ни жалоб не слышно в толпе. Очевидно, горе закалило этих людей, и только в глазах у каждого можно было прочесть невеселые думы.

Калитка открылась, из нее вышел сам начальник тюрьмы. Валя воспользовалась случаем и сунула ему в руку записку. Он внимательно прочел, что-то написал на обороте и попросил Шатрову зайти в контору. Там ей выдали разрешение на долгожданную передачу; и надзиратель, пригото-

вившийся еще раз выругать назойливую посетительницу, посмотрев на разрешение, молча принял корзину с провизией.

Вечером того же дня к Реброву подсел один из заключенных.

— Товарищ Чистяков, — склонился он к уху Реброва, — они человека ищут, который к большевикам мог бы проехать...

— Кто это они и какого человека? — спросил Ребров.

— Ну, такого, который бы поехал к этим... ну, к большевикам. Там у них заложником мукомол один сидит. Надо, значит, поговорить, нельзя ли выменять на кого... Тут, вишь, внизу по царскому делу две бабы сидят...

— Да я-то тут при чем? — оборвал его Ребров.

— Мне это сказал один тут... — замялся арестант, — я и думал, что ты самый подходящий...

— Самый подходящий под большевистскую пулю, — сказал Ребров. — Нет, ты кого другого попроси, а я от большевиков и так едва ноги унес.

Арестант повертелся еще несколько минут и потом отошел ни с чем.

«Дурака посадили», — подумал Ребров.

Тюремные дни текли по-прежнему. День был долг от безделья, а когда он уходил, в памяти от него не оставалось никакого следа. Все же вечерами вызывали людей, и они исчезали навсегда. По-прежнему приходили опознаватели.

Раз сам комендант города Долов обходил тюрьму. Обросшего бородой, похудевшего Реброва было трудно узнать. Но, когда после лязга замка камеры Ребров увидел знакомую фигуру,

он невольно прижался покрепче к подстилке и, несмотря на окрик «Встать!», пролежал так до ухода Долова, притворяясь спящим. Напрасно надзиратель толкал его сапогом. Он соскочил со своей подстилки, потягиваясь и протирая якобы со сна глаза, когда Долов уже уходил из камеры.

В этот день рано утром ворвался в камеру через решетку окна воробышек. Несколько раз он ударился о стекло другого окна и упал на подоконник. Потом неожиданно полетел в глубь камеры, покружился и сел на плечо к шагавшему назад и вперед Реброву. Ребров взял пичугу в руки (по желтым полоскам около клюва видно было, что это еще птенец) и подошел к окну. Одной рукой ухватившись за низ решетки, он потянул свое тело к высокому тюремному окну и высунул на улицу руку с воробьем. Воробей вспорхнул на ближайший тополь. Неожиданный выстрел ошарашил камеру. Ребров отскочил от окна. С мизинца его левой руки капала кровь.

— Сволочи, — невольно выругался он и стал бинтовать тряпкой палец, который был поцарапан куском штукатурки, отбитым от стены пулей. Арестанты сгрудились около него, когда загремел засов. Старший надзиратель с хриплой руганью обрушился на них.

— Выходи вперед, кто выбросил сверток! Хуже будет. Выходи сам!

Ребров сделал два шага вперед.

— Я подходил к окну, но свертков не бросал, а выпустил воробья.

— Молчать! Фамилия? Ответишь теперь... Воробья выпустил! Знаем мы этих воробьев. Сам воробья получишь.

Двери снова захлопнулись за старшим, и Ребров остался ожидать расправы за нарушение приказа тюремного начальства. Арестанты сочувствовали ему.

— Зачем вышел? Мы б тебя не выдали.

— Тогда всех бы вас подвел под наказание.

— Не к добру это тебе птица села на плечо, — посулил пожилой железнодорожник, — кабы не было беды тебе, Чистяков.

Воробьиная история и выстрел взволновали на весь день тюрьму, и особенно камеру Реброва. День прошел быстрее, чем обычно, и после вечерней проверки те, кто рассчитывал в ту ночь не попасть в число расстрелянных, могли мирно укладываться спать до завтрашнего утра. Вдруг в восьмом часу вечера необычные шаги раздались по коридору.

— Рано сегодня, — соображал кто-то из арестантов вслух.

— Из которой? Не из нашей ли?

— К нам, к нам, — прошептали несколько голосов.

Шаги смолкли у дверей. Двери раскрылись.

— Чистяков! Собирайся!

— Я готов.

— С вещами.

«Узнали», — мелькнула у Реброва мысль.

С вещами и после вечерней проверки отсюда уходили только навсегда. Сомнений быть больше не могло.

— Торопись! — рычал надзирательский бас.

Руки немножко одеревенели. Из вещей у Реброва были только корзинка от передачи, бутылки и подстилка.

— Оставь нам. Тебе все равно ни к чему, — шептал сзади какой-то тощий мужичонка.

— Возьми.

— Фуражку?

— На и ее.

— Говорил я: не к добру птица на человека садится, — пробормотал, не обращаясь ни к кому, железнодорожник.

— Идем, — резко сказал Ребров надзирателю.

Проходя по тюремному дворику, он не выдержал и спросил конвоира:

— Куда?

— Куда вашего брата водят? — обрезал тот и свернул к тюремной конторе.

Здесь было все так же, как и в тот день, когда Ребров впервые попал в контору. В узком коридорчике сидели надзиратели, дожидавшиеся своего дежурства. За решетчатой стенкой несколько канцеляристов-арестантов что-то тщательно записывали в книги. Налево — дверь в тюремную церковь, а прямо — в кабинет начальника тюрьмы. Надзиратель шел прямо. На минуту задержался у двери кабинета начальника, постучал в нее и пропустил вперед Реброва.

Начальник тюрьмы, краснощекий брюнет, сидел не за своим столом, а в кресле, рядом же на его месте восседал штатский моложавый человек в пенсне, сухощавый блондин с неприятными бесцветными глазами. Они переглянулись с начальником тюрьмы при входе Реброва, и штатский обратился к нему с вопросом:

— Вы Чистяков?

— Да, я Чистяков, — сказал спокойно Ребров,

— Вы знаете, за что арестованы?

— К сожалению, нет.

— Вы были студентом, а затем юнкером?

— Да. Третьей Петергофской школы прапорщиков.

— А кто был ее начальником? — быстро последовал вопрос.

— При мне полковник Пантелеймонов, — твердо произнес Ребров, вспомнив подпись на удостоверении Чистякова.

На лице штатского промелькнула улыбка, и он, указывая на стул Реброву, любезно произнес:

— Садитесь, пожалуйста. От имени следственной комиссии объявляю вам, что вы — свободны. А от себя лично поздравляю. Мы с вами почти однокашники, я лишь полугодом раньше вашего кончил третью школу и вышел в 258-й Буйский полк. Знаете, в самый последний момент эта сегодняшняя ваша история с воробьем вновь возбудила сомнение относительно вас, и я решил учинить вам этот допрос о школе. Простите великодушно.

— Ну что вы, право. Я и так вам обязан своим освобождением, — ответил ему Ребров.

Через несколько минут перед Ребровым лежало свидетельство об освобождении:

М. Ю.
Начальник
Екатеринбургской
VI класса тюрьмы.
№ 169

Билет

Дан гражданину Василию Михайловичу Чистякову в том, что он согласно постановления Екатеринбургской Следственной Комиссии освобожден из-под стра-

жи, что подписом и приложением должностной печати свидетельствую.

Начальник Екатеринбургской тюрьмы

Шишков

Ребров шел, все еще не веря в свободу, по полутемным коридорчикам тюремной конторы. Стоявший у дверей надзиратель вытянулся в струнку перед шагавшим рядом с Ребровым председателем следственной комиссии и быстро распахнул калитку.

Зеленая площадь и багровые облака заката ослепили Реброва. «Неужели же можно двигаться направо и налево, вперед и назад по своему желанию? Как просто. Не верится. Словно из бани», — почему-то подумал Ребров.

Спутник говорил что-то и тряс ему руку. Потом сел в пролетку и скрылся за поворотом. С исчезновением его вдруг на Реброва напал страх. Там, в тюрьме, он ждал худшего и примирился с тем, что будет. Теперь страх потерять свободу заслонил все чувства Реброва. «Отпустили случайно, опять арестуют, — подумал он с ужасом. — Бежать, бежать. Немедленно. Сейчас же. Ведь меня ищут», — вспомнил он объявление Дитерихса.

Не теряя ни минуты, Ребров нанял извозчика. Мимо мелькали знакомые улицы, бесчисленное количество народа шло и ехало по ним; и Реброву казалось, что среди этих людей идут его знакомые, которые вот-вот опознают его, и он опять попадет, и на этот раз уже без возврата, в только что оставленную тюрьму. Он торопил извозчика и в то же время заставлял его ехать не прямым путем — через центр, а окраинами. На каждом шагу про-

хожие оглядывались на Реброва и этим усиливали его тревогу. Он быстро поднес руку к голове, чтобы надвинуть фуражку поглубже на лоб, и тут только вспомнил, что отдал ее кому-то в тюрьме.

Валя была одна дома, когда раздался неожиданный звонок. Хозяевам, ушедшим в театр, было еще слишком рано возвращаться, а их знакомые со дня ареста Кузьмы Ивановича боялись навещать квартиру.

— Кто там? — спросила Шатрова с тревогой.

— Это я, — ответил знакомый голос.

Осенью тысяча девятьсот восемнадцатого года к востоку от Волги было много правительств: Самарское, Башкирское, Оренбургское, Уральское, Сибирское и Дальневосточное. Правительства не управляли — атаманы и генералы командовали правительствами. Это ни для кого не было секретом. На Волге Самарскому правительству эсеры присвоили громкое название: «Комитет Учредительного собрания».

Никакого Учредительного собрания давно уже не было на свете. Оно разбежалось после того, как матрос Железняков в Питере подошел к трибуне президиума и сказал председателю: «Довольно. Пора кончать».

Эсеры просто воспользовались именем Учредительного собрания, надеясь привлечь к себе этим симпатии населения. Однако трудящиеся с насмешкой относились к эсерам и называли правительство на Волге сокращенно — «Комуч». Сводки белогвардейских правительств каждый день сообщали о победах. Но видно было, что Красная

Армия стойко дерется и чехи не везде продвигаются вперед, а на Волге отступают.

«Кизел еще далеко, — подумал Ребров, прочитав газеты, — успеем перебраться».

Он развернул карту Урала. Валя наклонилась к нему.

— Здесь перейдем фронт, — показал на Самару Ребров, — тут больше дорог и людей — есть где укрыться. Да и меня там не ищут.

Железнодорожное сообщение было уже давно восстановлено. Старые дореволюционные порядки были снова введены на железных дорогах: билеты первого, второго, третьего классов. Но не хватало пассажирских вагонов, и пока что все ездили в теплушках. Только пропуска оставались по-прежнему, как и при большевиках, и при отъезде каждый пассажир должен был идти к коменданту, чтобы поставить его печать на своем удостоверении.

Валя пошла в комендантскую. Маленький чех в офицерских погонах стоял перед тщедушным пожилым человеком, спрятавшим голову в плечи.

— Я чэшэский коминдант, — кричал чех, свирепо хмуря лоб, — и бика с рогами нэ баюсь, черта с рогами нэ баюсь. Магу расстреляйт, магу помиловать...

— Ваш удостоверения, — протянул он Вале руку и быстро, не посмотрев на бумаги, поставил на них свой штампель.

— Благодарю вас, — сказала Валя, но он уже не слушал ее и снова накинул на тщедушного человечка.

— Я чэшэский коминдант и черта с рогами не баюсь...

«Челябинск, Челябинск», — рано утром завозились пассажиры. Ребров проснулся. Валя сидела около него с билетами в руках и смотрела в открытые двери.

Длинный ряд теплушек, набитых пассажирами, изогнувшись дугой, подходил к станции. Локомотив замедлил ход. Дернул раз, другой и остановился. Пассажиры попрыгали на платформу.

— Назад! Стой! — послышалась неожиданно команда с платформы. Ребров выглянул в дверь: цепь солдат окружила поезд. Ребров отошел в глубь вагона.

— Что это ты? — спросил он соседа железнодорожника, спокойно развязывающего вещи, вместо того чтобы связывать их.

— Таможенный досмотр. За Челябиной новое правительство начинается, — усмехнулся железнодорожник.

Солдаты влезли в вагон. На полу теплушки, на платформе — раскрытые вещи пассажиров. Солдаты потрошат белье, продукты, мелочь. На скорую руку запихивают все это обратно.

— Закройте, — сказал Реброву таможенник и бросил в чемодан мыльницу.

— Ушли, — вздыхают облегченно пассажиры, завязывая вещи.

— Перебулгачили зря.

— Ничего не взяли.

— В ту сторону едешь, к Самаре, — не берут, — сказал железнодорожник. — В Сибирь без

пошлины не пускают... Таможенная война, — снова усмехнулся он.

Ребров застегнул чемодан.

— Готова? — спросил он Валю.

Вдруг совсем близко грянул марш духового оркестра. Пассажиры подняли головы: на платформе чешские солдаты, в светло-серых парадных мундирах, в шапочках лодочками, выстроились в ряд.

Сверкают серебром и победно гремят трубы. Прямо к станции несется пассажирский поезд. Блестящие вагоны первого класса сперва мелькали, потом медленно поплыли мимо, наконец остановились и скрыли здание вокзала.

— Урра! Урра! — раздалось по ту сторону пришедшего поезда. Торжественный марш то замолкал, то снова гремел оттуда. Очевидно, там приветствовали кого-то.

— Что за правители? — крикнул веселый железнодорожник проводнику из блестящего состава, показавшемуся в окно.

— Генеральная академия штаба, — ответил важно тот и поднял стекла.

— Нам сюда, Валя, — спрыгнул Ребров из теплушки в противоположную от вокзала сторону, где виднелись какие-то жалкие избышки.

За Челябинском железнодорожный путь убегает вниз. Здесь, как и на горнозаводской линии, Уральские горы с трудом пропускают поезд, и он кажется игрушкой. А из окна вагона почти каждую минуту можно видеть несущийся бездымный локомотив, круто заворачивающий направо, на-

право, потом еще направо куда-то под гору, по спирали.

— Таганай, Таганай! — показывает Вале за окно ее сосед. — Полтора километра вышиной, — говорит он.

Мелькают пруд, домики, завод. Златоуст. Маленький вокзал заброшен в лесу. Георгиевские флаги висят над крышей. Бело-зеленых сибирских не видно.

Поезд почти не останавливается. Торопится дальше.

За окном поздний вечер. Темнота. Это усиливает стук колес. Вагон спит. Но и во сне пассажиры чувствуют скорость несущегося с гор поезда.

— Почем в Уфе брал мед? — услышал вдруг отчетливый голос Ребров.

Он открыл глаза. Светло. Пассажиры спят.

Спит Валя. Тишина. Вагон не движется.

— Тридцать пять, — ответили за окном на вопрос.

Ребров поднялся на ноги и вышел из вагона. Поезд ночью вырвался из гор, и кругом расстилась степь. Тяжелое солнце заливало ее красноватым светом. Одинокая железнодорожная будка отсвечивала желтым. Ни станции, ни поселка.

— Почему стоим? — спросил Ребров проводников.

— Спроси охрану, — ответил один за всех.

Ребров пошел к паровозу. На паровозе никого не видно. Он обошел его и увидел группу людей, стоявших недалеко от полотна у чуть дымившегося котла. Рядом с костром валялись какие-то деревянные сооружения, похожие на остов телеги. «Переехали кого, что ли?» — подумал Ребров

и пошел к костру. Двое военных внимательно рассматривали деревянное сооружение.

— Вчера вечером были здесь, — говорил будочник.

— Наверное, и десятка верст не ушли.

Около военных бегал низенький человек в синем костюме. Он то подбегал к ним, то как будто собирался бежать к вагонам.

— Отправляйтесь же скорее, — горячился он. — Они вернуться могут.

— Машинист не едет. Надо проверить мосты, — ответил военный.

— Они могут быть минированы, — добавил второй.

— Кто тут был? — спросил Ребров.

— Красные банды, — оглянувшись, ответил черненький человек.

Ребров посмотрел на землю. Вокруг костра были разбросаны пустые закопченные консервные банки, махорочная обертка, окурки, скомканная газетная бумага и несколько винтовочных гильз.

Ребров поднял консервную банку, посмотрел внутрь ее: остатки розового, непочерневшего еще мяса виднелись на стенках. Из банки вкусно пахло лавровым листом.

— Вот видите, свежие, совершенно свежие, — заговорил вдруг с Ребровым человек в синем костюме. — Социалистическое правительство, — злобно добавил он. — В своем тылу элементарного порядка наладить не могут, — сжал он кулаки и поднял их вверх.

Ребров подобрал с земли скомканный клочок газеты и вместе с банкой спрятал в карман.

— Едут, — сказал вдруг сторож.

Военные пошли вперед по полотну. Ребров взглянул туда. Навстречу поезду мчалось маленькое черное пятнышко. «Дрезина», — догадался Ребров. Он вернулся в вагон и разбудил Валю.

— Оставь на память, — сказал он ей, протягивая банку, и рассказал, откуда она. Потом разглядел скомканную бумажку.

Где и когда была напечатана эта газета — неизвестно. Только отрывок чьей-то речи можно было на ней прочесть:

Остается выбирать, товарищи: разбредаться ли нам по домам, бросив оружие и предоставив каждого из нас самому себе, или попробовать пробиться к нашим товарищам в район Екатеринбурга, чтобы вместе с ними задуть генеральскую контрреволюцию. Значит: идти ли две тысячи верст по тылам белых, с боем отбивая себе продовольствие, огнестрельные, или крикнуть: спасайся, кто может. Наш отряд единогласно решил идти на соединение и не отступит от своего решения, если даже вы его не примете. Я не сомневаюсь... —

обрывалась речь неизвестного оратора.

«Хороши «банды», — подумал довольный Ребров.

IV

Самарский вокзал показался большим и красивым. В зале ожидания пришлось просидеть всю ночь. В гостинице легко было вызвать подозрение. При газовом освещении лица людей стали зеленоватыми, как у мертвецов. Между вокзальными диванами взад и вперед прохаживался чешский капитан, ожидая поезда. Вале он казался жалким, маленьким, игрушечным человеком. Куда спешит он? Впереди — с запада движется к Волге Красная Армия, сзади — на востоке тысячи верст пространства, где уже орудуют

партизанские отряды, спуская белые эшелоны под откос. Офицер, как маятник вокзальных часов, медленно вышагивает из стороны в сторону. Его жена с ребенком одиноко сидит на диванчике. Только время от времени останавливается он перед ними, бросая сухие слова в ответ на вопросы жены. Несколько военных, видимо случайно попавших в город, мелькают серыми пятнами то в одном, то в другом углу зала. Больше всего в зале пассажиров-беженцев; они дожидаются поездов на Сибирь. Табачный дым и кухонный чад висят в воздухе. Пищит ребенок где-то в углу. После двух перестали стучать тарелками официанты и оголился закрытый буфет. Самые нудные часы ночи.

Ребров несколько раз выходил на перрон. В темноте блистали огни Самары, осенняя свежесть уже чувствовалась в воздухе, и мимо шмыгали фигуры кондукторов с товарных поездов в пахучих овчинных тулупах.

Изредка проходили из комендантской комнаты охранники, вглядываясь в черневшие вдаль бесконечные составы. Поодиночке никто не решался двигаться с обходом, так как неведомые взломщики товарных поездов были прекрасно вооружены. Каждую ночь собирали они здесь богатую добычу, каждую ночь на них обрушивались облавой чехи, и в темноте завязывались перестрелки, но взломщики были неуловимы. В городе поговаривали, что разгром вагонов — дело рук не только взломщиков, но и железнодорожных рабочих, которые вредили как могли белым. Неудачи облав озлобляли чехов, и они десятками расстреливали ни в чем не повинных людей.

Облава начиналась обычно с проверки документов. На час или полтора часовые закрывали двери вокзала. Комендант с помощниками обходил по порядку всех и проверял удостоверения.

Ребров, облокотясь на корзинку, притворился спящим. Шатрова протянула его студенческий билет. На билете стояла университетская печать с двуглавым орлом. Комендант чех не понимал по-русски.

— Ваша муш? — кивнул он на Реброва и направился к другим пассажирам.

Больше проверок как будто не предвиделось, и Ребров с Вале́й, чередуясь, спали до утра.

Вокзальное утро. С помятыми лицами, словно после большого кутежа, просыпались служители и официанты. Сперва их появилось двое, потом еще двое. Кто-то уже бренчит посудой, кого-то толкают ногой, чтобы не спал в проходе между столами. Пассажиры поднимают головы со столов, служивших им подушками, протирают глаза и спешат в уборную мыться.

Рано утром Ребров и Валя вышли с вокзала. Какой-то праздник был в городе, и улицы были пустынные до тех пор, пока самарцы после неторопливого завтрака не вышли по делам или на прогулку. Георгиевские флаги реяли над домами. По улицам сновало множество военных: наглые франтоватые офицеры и вымуштрованные запуганные солдаты. А на стенах и афишных столбах грозные приказы генерала Галкина торжественно объявляли о новых и новых призывах в армию Комуча.

И как будто в насмешку на тех же афишных столбах, выцветший и пожелтевший, висел

ПРИКАЗ № 2
от 8 июля

- 1) Армия комплектуется призывом добровольцев.
- 2) Максимальный срок службы — 3 месяца; каждый записавшийся на службу, не имеет права оставить ее ранее этого срока под страхом ответственности перед судом.
- 3) Доступ в ряды Народной Армии открыт для всех граждан не моложе 17 лет, готовых отдать жизнь и силы для защиты родины и свободы.
- 4) Все без исключения добровольцы состоят на готовом полном довольствии и получают жалованье в 15 р. в месяц.
- 5) Ввиду различных условий службы, ответственности и знаний добровольцев устанавливаются следующие суточные деньги: рядовому бойцу — 1 р. в сутки, отделенному командиру — 2 р., взводному — 3 р., ротному — 5 р., батальонному — 6 р., полковому — 8 р., инспекторам по обучению войск — 8 р.

Воин, добровольно принявший на себя обязательство защищать свободу и родину от насилия, является выразителем идеи беззаветного мужества.

Поэтому Комитет членов Учредительного собрания постановляет установить для добровольцев Народной армии отличительный знак — Георгиевскую ленту наискось околыша.

Ребров с Шатровой без труда нашли рабочий район. Эта часть города называлась Молоканскими садами. На Невской улице у рабочего сняли они небольшую комнату.

Хозяева радушно встретили квартирантов. Беременная жена рабочего быстро подружилась с Валей. Она была еще в том периоде замужества, когда занятие хозяйством дает удовлетворение, и поэтому не успела сделаться расчетливой и сухой хозяйкой. Мекеша, как звали самого хозяина, оказался мобилизованным рабочим и работал в гараже чехословацких мастерских. В Молоканских

садах не один Ребров укрывался от воинской повинности. Мекеша скоро понял, что его квартирант не из защитников Комуча.

Тревога чувствовалась повсюду. Сибирское правительство не скрывало своей вражды к Комучу. Атаман Дутов демонстративно просил разрешения Сибирского правительства покончить с «эсеровской сволочью» в Самаре. Генералам очень хотелось предоставить ему эту возможность, но чехи и военные агенты англичан и французов были против такого разгрома, и волей-неволей приходилось выжидать. Только неукротимый атаман Анненков, не спрашивая ничего разрешения, двинулся со своим отрядом на Самару.

Высадившись на вокзале, атамановцы потребовали себе обед из буфета. Толстый буфетчик не торопился с обедом.

— Позвать сюда! — крикнул официанту один из офицеров.

Буфетчик мгновенно явился.

— Подадут-с, сейчас подадут-с. Не извольте беспокоиться...

— Молчать, стерва! — прервал офицер. — Подадут-с, подадут-с, — передразнил он его. — Ты думаешь, мы тут будем ждать, пока ты спекулянтов кормишь, — ткнул он пальцем в сторону соседнего стола. — Тебя, сволочь, учить надо, как подавать анненковцам. Получай! — ударил офицер буфетчика по физиономии. — В другой раз расторопней будешь!

Анненковцы повскакали со своих мест и бросились к буфетной стойке. Через три минуты бу-

фет был пуст. Батарея бутылок стояла на столах атамановцев. Штатская публика потихоньку исчезла, прячась за горшками с искусственными пальмами, за газетным киоском и за чем попало. Офицеры неистово бросались от одного стола к другому, и повеселевшие анненковцы после закусок и выпивки ревели «Боже, царя храни».

Вечером анненковцы рассыпались по городу. Их траурные погоны с красной полосой посередине и накладным изображением черепа с перекрещенными костями, казалось, напоминали каждому о том, как легко перейти из нашего мира в другой. Несколько анненковцев забрели на улицу, где над одним из зданий развевался красный флаг. Не веря своим глазам, они подошли ближе к зданию и над входом, к еще большему своему изумлению, прочли вывеску:

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

На этот раз храбрые анненковцы растерялись. Они невольно начали оглядываться по сторонам, соображая, не попали ли нечаянно по пьяному делу к большевикам. Но нет, врагов не видно, и улица мирно отдыхала после сутолоки дня.

— Большевики?!

— Да нет. Это эсеры.

— Ребята, сорвем! — крикнул, задыхаясь от гнева, старший.

— Сорвем! — загалдели анненковцы.

На стук в двери вышла сторожиха. Удар кулака отбросил ее в сторону. По лестнице застучали каблуки сапог и зазвенели шпоры. По пути анненковцы сшибали письменные столы и били

стекла. Красный флаг был сорван и унесен в виде трофея.

В тот же вечер били анненковцы по ресторанам дирижеров, били артистов и певиц, отказавшихся петь «Боже, царя храни», администраторов театров и ресторанов и всех, кто пробовал защищать тех, кого они били.

Поздно ночью, когда закрылись все самарские рестораны и кабаки, анненковцы собрались на вокзале. У них все еще не пропало желание «показать себя учредилкам». В буфетном зале продолжалась попойка. Диваны и столы были сдвинуты в сторону, а посредине зала, в тесном кругу зрителей, двое «атаманов» отплясывали трепака.

— Господа! — неожиданно выскочил вперед худой и длинный офицер. — В тюрьму! Большевиков бить. За мной!

Круг расстроился. Все повскакали с мест. «Ура!» — загремело по залу, и толпа анненковцев, гремя шпорами, высыпала на площадь перед вокзалом.

Тюрьма мертва. В душных камерах беспокойно спали. Сонные крики то и дело будили задремавших в коридоре надзирателей. Вместе с большевиками тут же сидели уголовные и спекулянты. Был тут и какой-то неудачливый банкир, арестованный за злостное банкротство. Его привезли в тюрьму больным. Деньги и болезнь дали ему возможность устроиться в отдельной камере. Его недавно оперировали, и он лежал в тюремной больнице.

Еще по дороге в тюрьму анненковцы сговори-

лись взять из каждой камеры для расстрела по два человека. Но нашлись и такие, которые были не согласны с этой «нормой».

— Пять, семь, десять! — кричали пьяные голоса. — Чего жалеть большевиков!

Большое четырехэтажное красное здание тюрьмы показались в конце улицы. Анненковцы затаились и тихонько подходили к воротам.

— Стой! Кто идет? — раздался окрик часового и щелкнул затвор.

— Свои! Анненковцы! — крикнул ему в ответ предводитель пьяной шайки, худой и длинный офицер.

В железных воротах открылся глазок. Тюремная охрана не сопротивлялась анненковцам. Надзиратели и конвойные привыкли к ночным посещениям добровольных палачей. В глубине души они были даже рады ночному посещению, так как знали, что анненковцы — народ богатый, вряд ли польстятся на одежду расстрелянных. Кое-что перепадет, значит, и на долю надзирателей.

Выстрелы на тюремном дворе затихали. В сером предутреннем мраке чернели груды неподвижных тел. Атамановцы добивали тех, кто еще хрипел. Вдруг одному из них бросился в глаза отдельный флигель тюремной больницы.

— А там что? — крикнул он ближайшему надзирателю и бросился бежать к флигелю. — За мной, ребята!

— Там больница! — кричал вслед надзиратель, но его голоса уже никто не слышал.

Неудачливый банкир после перенесенной опера-

ции спал тяжелым сном. Дежурный надзиратель не торопясь открыл дверь:

— Больница. Ночью не допускаем, — слабо протестовал он.

— Пшел к черту! — цыкнул на него офицер, бежавший впереди всех, и оттолкнул его прочь с дороги. — Эй, кто там! — крикнул он бежавшим сзади. — Выводи всех!

Солдаты подбежали к камере банкира. Он лежал один, и, кроме него, выводить было некого.

— Вставай! — крикнул офицер.

Банкир вздрогнул, недоуменно взглянул на него, не понимая, в чем дело, и, повернувшись на бок, тихо застонал.

Это был еще молодой человек. Темные волосы резко оттеняли белизну его кожи. Даже полузакрытые глаза казались большими и выразительными. Как избалованный ребенок, он окружил себя причудливыми безделушками из уральских камешков. На его столике каменная мышка сидела на каменном кусочке сыра, а на кровати вместо иконки висела куколка-балеринка в ярком платьице и шапочке.

— Не притворяйся. Выходи, а то околеешь на месте, собака! — Офицер иступленно тыкал банкира наганом.

— Операция у него была вчера, — пробормотал надзиратель. — Не может он подняться-то.

— Чего врешь? Знаем эти операции. Взять его! — Солдаты схватили банкира и поволокли по коридору.

В конце коридора бросили его, как мешок, на стоявшие за дверями носилки. Незажившие швы у больного лопнули. Раздались хриплые, пронзи-

тельные крики. Арестанты, и без того встревоженные непрерывными выстрелами и уводом товарищей, заматались по камере, стуча чем попало в двери и окна своих клеток. Небывалый шум наполнил тюрьму и несясь через улицу к ближайшим домам.

— Да что вы там с ним возитесь, — подлетел к солдатам офицер. — Не видите разве, что он в самом деле недорезан. Получай, стерва! — Офицер выстрелил больному в голову — раз, другой, третий, толчком ноги опрокинул носилки и вместе с солдатами выбежал во двор.

— По домам. Хватит на сегодня.

Анненковцы построились и в пятом часу утра с песнями пошли к вокзалу.

На другой день весь город знал о расправе в тюрьме. Может быть, учредилловцы и на этот раз постарались бы как-нибудь не заметить ночного разбоя сибирских монархистов, если бы не расстрел банкира. Какие-то высокие покровители нашлись у погибшего банкира в среде чешского командования. Они поставили вопрос ребром о бесчинствах анненковцев. Делать было нечего. Комуч, в конце концов, попросил анненковцев честью удалиться восвояси. Атамановцы хмуρο смотрели на остающийся позади самарский вокзал и грозили:

— Ну погодите, господа эсеры, посмотрим, куда вы от большевиков побежите. Мы поговорим с вами по-настоящему в нашей родной Сибири.

Свои угрозы анненковцы выполнили через несколько недель: они расстреляли сибирских эсеров.

Видно было, что все ближе и ближе подвигается к Самаре фронт. Митинги и собрания учащались с каждым днем. Афиши кричали аршинными буквами о предстоящих выступлениях вождей. Рядом на заборах красовались приказы Галкина и Чечека о новых сроках призыва.

— Василий Михайлович, — обратился как-то раз к Реброву Мекеша, — сегодня приказ пришел: готовиться к свертыванию мастерских. Наверное, удирать собираются чехи. Куда ж я-то от беременной жены поеду? Для других Сибирь сладка, а мне на что сдалась?

— Подожди, Мекеша. Время еще не вышло. Может быть, и ехать никуда не надо будет, — ответил ему Ребров.

Мекеша взглянул на Реброва, и оба почувствовали, что они друг другу не враги.

— В гараже билеты раздавали. Пойдем на митинг, Василий Михайлович? — неожиданно предложил Мекеша.

— Пойдем, — охотно согласился Ребров, и они пошли в город.

Митинг был назначен в кинотеатре «Триумф». Еще задолго до начала большой, освещенный зал был полон. Огромное количество рабочих, главным образом из железнодорожных мастерских, в засаленных и черных от копоти рубахах, бросалось в глаза. Рабочие сидели, стояли в проходе, висели на подоконниках, перилах, облепляли колонны...

— Это боевые, вишь, приперли, — мотнул головой Мекеша на железнодорожников. — Запарят министра, — довольно усмехнулся он.

На трибуне зашевелились. Сухой большеголо-

вый человек в темных очках звякнул колокольчиком, выждал минуту, посмотрел на свои большие высохшие пальцы и сказал:

— Митинг объявляю открытым. В порядке дня два вопроса: текущий вопрос и вопросы заработной платы. От имени комитета членов Учредительного собрания доклад сделает министр общественного благополучия товарищ Краска.

Большоголовый сел и ударил несколько раз в ладоши. По залу пробежали редкие аплодисменты.

Ребров пристально посмотрел на идущего к трибуне человека: маленький, толстоватый, похожий на юркого подрядчика.

«Краска! Он самый!» — подумал Ребров и невольно спрятался за чью-то спину.

Краска поправил черные усы, погладил себя по чуть лысеющей голове и заговорил:

— Товарищи! Я только что вырвался из Совдепии. Поэтому, быть может, вы отнесетесь к моим словам с большим доверием, чем к обычным сообщениям из третьих рук...

Он сделал паузу, отпил воды из стакана и продолжал:

— Сегодняшний день характеризуют три момента: изживание большевизмом самого себя, рост консолидации здоровых демократических сил, рост влияния и авторитета демократических сил в глазах общественного мнения Западной Европы. Начнем сначала. В самом деле, какие задачи ставил большевизм перед захватом власти? Вы все помните. Их можно купно определить как осуществление социализма в кратчайший срок. И вот этот большевистский «социализм» определяется на сегодняшнее число как величайшая разруха,

гражданская война, похабный Брест-Литовский мир, голод и нищета...

Я социалист в течение полутора десятков лет и имею смелость прямо заявить, что исхожу из того основного положения, что до социализма нам в России еще далеко и что сейчас мы живем и долго еще будем жить в обстановке капиталистического строя... Поэтому я самый решительный противник большевистских социалистических опытов, которые только разрушили наше народное хозяйство...

Вы здесь купаетесь в изобилии сельскохозяйственных продуктов...

Московский рабочий вымирает с голоду на восьмушке овсяного хлеба...

Вы здесь хозяева своей страны.

В Москве хозяйничают немцы!

Вы свободны. Никто не смеет посягнуть на ваши личные права.

В Совдепии чрезвычайка день и ночь расстреливает рабочих.

Краска долго говорил перед молчаливой аудиторией. Он уже давно покончил с «консолидацией демократических сил», с телеграммой Пишона, приветствовавшего Комуч, и снова громил большевиков, призывая на их голову громы небесные. Наконец, утираясь платком, опустил на стул.

Большоголовый председатель снова ударил в ладоши. словно по команде, опять пробежали жидкие аплодисменты и замолкли. В зале зашевелились, задвигали стульями, защелкали пружинные сиденья. Вдруг с задних рядов, где-то рядом с Ребровым, звонкий голос на весь зал уверенно прокричал:

— Врешь! Не верим!

Зал замер на мгновение, и в следующую минуту оглушительные аплодисменты разорвали тишину.

Председатель схватился за колокольчик. Бешено зазвонил, растопырив пальцы левой руки. Но еще более сильные, продолжительные аплодисменты заглушили колокольчик, крики председателя и Краски.

Зал долго не успокаивался. Большеголовый, передав колокольчик Краске, сам подошел к трибуне. Он заговорил о тяжелом финансовом положении страны, об огромных военных расходах и призывал рабочих временно подождать с увеличением заработной платы.

— У комитета сейчас нет денег, — кричал он, — и вы, как сознательные граждане, должны понять это и не настаивать на осуществлении невыполнимых требований.

Едва он отошел на свое место к столу, как снова тот же громкий и уверенный голос прокричал:

— Врешь! В Казани золото взяли. Придут большевики — деньги найдутся!

Зал второй раз затрясся от рукоплесканий, вихрем ударивших со всех сторон.

Краска подскочил к трибуне, красный от волнения и негодования, и, силясь перекричать шум аплодисментов, казалось, ловил ртом воздух:

— Казань... Благодаря мне... — донеслись отрывки его реплик до Реброва, — я сам... Завтра в «Вечерней заре»...

Но рабочие уже не слушали Краску и торопились к выходу. Ребров вышел на улицу и остановился у темного подъезда, Мекеша куда-то исчез.

Из «Триумфа» валила толпа. Она разбивалась на группы, пары, одиночки и постепенно редела.

— Председатель, чего его слушать... — говорил какой-то рабочий юноше, шагавшему рядом. — Вкручивает: «Социалист полутора десятков лет». Когда же социалисты рабочих расстреливают?..

— Ты скажи, — говорили в другой группе, — куда золото дели?

— Куда? Конечно, не в твой карман припасено...

— Дураки мы были, дали им...

— Ты помалкивай, — цыкнул на разговорчивого соседа хмурый усатый рабочий и подозрительно посмотрел на Реброва.

Перед «Триумфом» было почти пусто, когда из подъезда вышел тот, кого ждал Ребров.

— Куда мы? — спросил Краска председателя.

— А что, если в «Подвал»? — предложил тот.

— Да все равно, — ответил Краска, — лишь бы забыть сегодняшний день.

— Ну вот, вы уже расстроились... — засмеялся большеголовый.

— Вам не понять, — перебил его Краска. — Я работал при Керенском, я работал у них, — махнул рукой куда-то за Волгу Краска, — и никогда не чувствовал между собой и рабочей аудиторией той глухой стены, которую чувствовал сегодня, вчера и каждый день с тех пор, как оказался в Самаре.

— Пройдет. Мы вас назначили министром...

— Что мне это «назначили министром»? — горячо возразил Краска. — Мне нужно, чтобы мой авторитет был закреплен не словесными обещаниями, а уступкой: повышение, хотя бы на время,

заработной платы, созданием хоть видимых рабочих организаций. Я у большевиков видел на деле, как они покупают доверие рабочих, и, поверьте мне, нам до них далеко.

— Не обижайтесь, — ответил спутник Краски, — но вы еще не отвыкли от Совдепии и немножко ее идеализируете... Да вот мы и у цели, — переменял он тему разговора, показывая на блестящие круглые шары у входа в «Подвал».

Ребров остановился, дал время Краске и его спутнику войти в «Подвал» и подошел к стеклянной двери...

Швейцар с золотыми галунами принимал одежду. На длинных вешалках лежали картузы, кепи, несколько котелков и большое количество пестрых дамских шляпок.

«Кабак», — подумал Ребров и прошел немного дальше вдоль дома... «Подвал» кончился, и освещенные окна уходили во двор. «Не видно ли оттуда?» — заглянул Ребров в ворота и вошел во двор.

Темные занавески не везде плотно закрывали окна. Из открытой форточки одного окна неслись звуки пианино, и чей-то голос пьяно декламировал:

Друг мой, брат мой,
Усталый, страдающий брат,
Кто бы ты ни был, —
Не падай душою...

Пианино замолкло.

— Bravo! Bravo! — слышались из окна визгливые женские голоса.

— Просим! Просим! — вдруг совершенно отчетливо услышал голос Краски Ребров.

Пьяный декламатор неожиданно громко, с подвыванием запел:

Быстры, как волны,
Все дни нашей жизни...

Его пробовали поддержать другие, но спутались и замолчали.

— Клянусь, как вечный студент, — снова закричал декламатор, — высшая школа в Комуче будет процветать!

— Ха-ха-ха! Ура! Ура! — кричали ему в ответ.

Гаудеамус игитур,
Ювенес дум су-умус... —

пробовали хором запеть за окном и снова, очевидно не зная слов, замолкли.

Ребров подошел к форточке. Ветер колебал занавеску. В комнате за большим столом, уставленным бутылками и закусками, сидели мужчины и женщины. С краю сидел Краска, перед ним стоял полный стакан. Ветер захлопнул шторы. Комнату стало не видно. Из форточки донеслись слова:

— Тост! Тост!

— Просим! Просим!

— Могу, — ответил прежний голос. — Я пью за мертвую Самару! — выкрикнул он.

— Что?.. Что?..

— Правительство... — захохотал он. — Мы — правительство? Хи-хи-хи!

— Армия... — Где наша армия?! Скажите, где наша армия?! — хохотал пьяный.

— Уберите его, — услышал Ребров кем-то сказанные слова.

«Эх, гранату бы им туда», — подумал он и

вдруг, нагнувшись, схватил большой булыжник, валявшийся у стены, и с размаху швырнул его в окно.

«Дзинь!» — раздалось позади. А он, выскочив за ворота, как ни в чем не бывало медленно прошел мимо входа в «Подвал», мимо бегущего навстречу швейцара, мимо официантов, спешивших за швейцаром.

Вышедшие утром самарские газеты на все лады взволнованно обсуждали «таинственное» ночное происшествие. «Вечерняя заря», к примеру, сообщила:

В ночь на сегодняшнее число в художественном ресторане „Подвал“, во время проходившего там частного совещания некоторых членов правительства, неизвестными лицами было произведено неудавшееся покушение на собравшихся.

Первые результаты следствия показывают, что метательный снаряд, брошенный в окно, был — пуля со стороны двора. К счастью, разрыв снаряда, очевидно, произошел еще до момента проникновения его в комнату, так как остатков его в комнате не обнаружено, за исключением влетевшего с улицы в момент оглушительного разрыва камня.

Присутствующие отделались испугом, и двое легко контужены осколками стекла. Предполагается, что покушение произведено большевистской подпольной организацией. Меры к задержанию преступников приняты.

В том же номере газеты Ребров неожиданно наткнулся на большой фельетон Краски, в котором он описывал свой переход через фронт. Очевидно, этот фельетон был не первым, потому что в заголовке стояло:

Письмо четвертое

Мы выехали из Казани на пароходе «Амур». Это был не пассажирский, а пароход специального назначения. Он вооружен пулеметами и имеет на борту не совсем обычную публику. В каютах разместились члены Учредительного собрания, эсеровские и эсдековские партийные работники, солдаты добровольческих отрядов, сформированных Комитетом членов Учредительного собрания. На пароходе, кроме того, едет почти вся Академия Генерального Штаба во главе с профессором Андогским, в сопровождении жен и детей. Они едут в Самару, чтобы потом двинуться далее в Сибирь.

Хотя путь от Казани до Самары очищен от большевиков, тем не менее наш пароход идет с большими предосторожностями. Ночью он гасит огни, и на палубе выставляют часовых. В нескольких местах пароход окликают стоящие на реке сторожевые суда. Мы приостанавливаем движение, обмениваемся паролем с вопрошающими и затем идем дальше. Уже на рассвете я внезапно разбужен сильным шумом и стуком на палубе. Поднимаю голову. Прислушиваюсь. С берега стреляют. Частые пули стучат по железной обшивке парохода. Наши солдаты с грохотом поворачивают пулемет. Еще момент — пулемет запел свою песню.

Утром на палубе профессор любезно и детально рассказывал нам о предстоящих военных операциях под Москвой. Он говорил:

— Линия Кама — Волга решающая для исхода кампании. Как только падет Пермь, дни и часы Москвы будут сочтены.

На всем протяжении военной истории я не встречал более удивительного, более разительного явления, чем демократическая армия Комитета Учредительного собрания. Ее солдаты — образец для любой европейской армии!

Ее руководители были бы украшением нашей Академии!

Я говорил с командующим Поволжским фронтом Лебедевым. Он очаровывает, он подавляет...

— Вы высоко расцениваете его операцию под Казанью? спросил я профессора.

— Да, это было похоже на взятие Очакова Петром Великим, — ответил генерал.

Между тем пароход подходит к Симбирску. Этот тихий провинциальный город даже сейчас, в эпоху гражданской

войны, напоминает собой старинное дворянское гнездо. Управляющий губернией сообщил нам, что фронт от города еще близко, и просил похлопотать в Самаре, чтобы выслали подкрепление. Я обещал.

Потом мы все вместе вышли на высокий берег Волги, с которого открывается дивная панорама на величавую реку и на степи противоположного берега, — вероятно, одна из лучших панорам в России, — и стали рассматривать линии расположения комитетских войск.

К вечеру пароход покинул Симбирск и, быстро проскочив под покровом ночи расстояние, отделяющее его от Самары, утром оказался в виду берегов столицы Учредительного собрания.

Наконец-то я в Самаре. Наконец-то окончательно и бесповоротно вырвался из Совдепии в самую демократическую страну в мире.

Вот мы и в городе. Все прекрасно, все необычно. Выставки магазинов полны всевозможными товарами, являя резкий контраст с товарной пустотой, зиявшей в московских магазинах. Вся картина города носит хорошо знакомый, привычный, старый характер, еще не нарушенный революцией. Эти горы белого хлеба, свободно продающегося в ларьках и телегах, это изобилие мяса, битой птицы, овощей, масла, сала и всяких иных продовольственных прелестей меня ошеломили.

Мы пошли в помещение Комитета. Дружеская беседа закипела. Все смотрели на нас, как на героев, прорвавшихся через фронт. Через час, утомленные долгой беседой, мы вышли на балкон. День выдался прекрасный, тихий, ясный, с ярким солнцем, с хрустальными далями.

С балкона открывался прекрасный вид на Самару, уступами сбегаящую к берегу Волги, на широкую полосу волжской воды и на еще более широкие, уже слегка желтеющие степи за Волгой.

Оттуда, из этих степей, доносился легкий аромат умирающей травы и веяло свежестью безграничных просторов. Пораженный этим видом, я воскликнул:

— Разве вы не видите, как чудесна Самара? Мы ни за что, никогда не отдадим Самару.

— Клянемся, что не отдадим ее никогда! — откликнулись мои спутники.

Так встретил меня первый день в Самаре...

«Даже соврать не сумел,—подумал Ребров, бросив «Вечернюю зарю».—Какие же степи за Волгой в Жигулях? Теперь неделю будут шуметь»,—вспомнил он заметку о покушении в «Подвале» и весело засмеялся.

Самара волновалась с каждым днем все больше и больше. Ребров давно уже понял, что происходит негласная эвакуация города. Там, за Сызранью и Ставрополем, что-то неладное случилось с учредилловскими войсками. Трудно было судить по газетам Комуча о положении на фронте. Но однажды Ребров наткнулся на сообщение, которое не оставляло сомнений в успехах красных. «Волжское слово» писало:

... За крупную сумму вывезенных ценностей с Урала большевики пригласили в состав Красной Армии виднейших германских генералов, чем и объясняется возросшее за последние дни упорство красноармейских частей, укрепившихся к западу от Волги. На нашей участке вместе с немецкими полководцами руководит операциями красных царский генерал Запригаев, прославившийся бесчеловечностью и зверствами еще в мировую войну. Командование войск Комуча приняло меры к ликвидации укрепившегося неприятеля.

— Этот царский генерал нас с тобой познакомил,—засмеялся Ребров, протягивая газету Шатовой.

• С некоторых пор появился на Волге и стал на якорь около Самары гигантский пароход «Граф Александр Васильевич Суворов». На нем, как было известно всем, помещался главный штаб кому-

чевского командования. В городе поняли, что фронтовая линия находится уже не так далеко от Самары.

Как-то во время прогулки Ребров и Валя толкнулись на неожиданную процессию. Одна из улиц была закрыта для движения пешеходов. Двойная цепь пехоты и кавалерия протянулись на всем расстоянии от Волги до вокзала. На грузовиках, наполненных мешками, сидели тесно прижавшись друг к другу солдаты с винтовками. Несколько бронированных автомобилей с пулеметами открывали и закрывали процессию.

— Золото везут, золото, — шептал кто-то в толпе зевак.

— У большевиков в Казани отняли, — добавлял другой.

— Комиссар-то, что был к золоту приставлен, говорят, в окно выскочил, тем и спасся.

Ребров внимательно вглядывался в процессию. Она ему напоминала другую, которую недавно возглавлял он.

— Ребров, тут и твое, наверно, попало? — сказала шепотом Валя.

— Не знаю. Мы хорошо спрятали, — ответил Ребров. — Вот если его достали и отправили в Казань...

Дождавшись конца процессии, они пошли домой.

— Золото увозят в Сибирь, значит, эсеры не надеются на свои силы.

— Ты думаешь, что учредилка кончается?

— Да. Они доживают последние дни.

На другой день Реброва разбудил Мекеша в неурочное время.

— Почему не работаешь? — спросил спросонок Ребров.

— Пойдем на улицу, Василий Михайлович, дела есть важные, — ответил тот.

Ребров на скорую руку оделся и через пять минут полупустынными еще улицами шагал рядом с Мекешей по направлению к городу. Там около первого забора Мекеша остановился и ткнул пальцем в одну из бесчисленных афиш, только что наклеенных разносчиком.

— Читай, Василий Михайлович.

Ребров посмотрел на забор. Белая афиша вопила о тревожных событиях:

Граждане и братья,

настал грозный час: враг у ворот.

Бесчисленные орды китайцев, латышей и венгров, под предводительством лучших тевтонских полководцев и озверелых большевистских комиссаров, надвигаются на демократическое Поволжье.

Пала Казань. Пал Симбирск. Враг стучит в ворота Сызрани и угрожает Самаре — последнему оплоту демократической России.

Но в наших сердцах не должно быть места унынию и печали.

Русский народ уже пробуждается от большевистского угара, и в тылу Красной Армии пылают зарева восстаний; наша победа близка, несмотря на тяжелые испытания, посланные нам судьбой.

Верные сыновья России, приказываю вам всем без различия возраста, рода занятий и состояния здоровья явиться в двухдневный срок на приемочные мобилизационные пункты для зачисления в резервные ополчения обороны г. Самары. Верю, что не найдется ни одного человека среди жителей Самары, который бы в эту тяжелую минуту для родины пренебрег ее интересами.

Главнокомандующий
Волжским фронтом *Лебедев*

Прочитав адреса приемочных пунктов в конце возвания, Ребров перевел глаза на соседнюю афишу. Там кратко и без лишних слов сообщалось:

Объявляю осадное положение. Под страхом смертной казни ни один мужчина не имеет права отбывать из города без разрешения штаба войск Комуца.

Свободное время для движения по городу разрешается от восьми утра до шести вечера.

Замеченные в нарушении приказа штаба войск будут расстреляны на месте.

Генерал *Галкин*

— Ну, что скажешь, Василий Михайлович? — прервал чтение приказа Мекеша. — Никак нам идти на призывные пункты надо, а ты у меня не прописан. Как бы мне не попало за это дело...

— Не бойся. Я сегодня от тебя съезжаю.

— И я бы рад сам от себя съехать, да как? — ответил Мекеша.

— Не шутишь?

— Какие там шутки, Василий Михайлович. Надя едва ходит, не сегодня-завтра ей рожать, а я — в ополчение. Знаем мы, кто в ополчение-то попадет. Наш брат! А те, что побогаче, давно в Сибирь подались, пятки салом смазали. От кого мне Самару защищать — от своих, что ли, Василий Михайлович?

— Смотри, Мекеша, не прогадай. Я съезжать от тебя хочу не потому, что красные для меня милы, а воевать надоело, пять лет воевал, — ответил Ребров.

— А кому она не надоела, война эта? — согласился Мекеша.

Ребров молча шел несколько минут, раздумывая, стоит ли покидать город вместе с Мекешей.

Все попытки узнать Мекешу поближе кончились неудачей: он соглашался со всем, что бы ни говорил его собеседник. «А, впрочем, — думал Ребров, — чем я рискую?»

— Так что же, Мекеша, поедем вместе?

— Чего же не поехать? Поедем, Василий Михайлович.

— У тебя поблизости никого не найдется из родственников, у кого бы укрыться на время?

— А как же: в Зуевке Надины отец с матерью живут. Они всегда укроют.

— А сколько это верст от города?

— Шестьдесят будет.

— Ну, если решил, так давай к ним и пойдем. Согласен, что ли? — спросил Ребров, подходя к дому.

— А с бабами как, Василий Михайлович?

— С собой, конечно.

— Ой! Беременную-то?

— Обеих с собой.

— Не дойдут.

— Подсадим к кому-нибудь. В городе их обидеть могут.

Пришли домой. А вскоре все вместе ушли, как будто собрались на прогулку, не взяв с собой ничего. Только у Вали небольшой сверток: в нем по бутерброду на каждого.

Город еще не проснулся, и грозный приказ украшал пока заборы улиц, не привлекая ничего внимания. Через весь город надо было пройти из Молоканских садов, чтобы попасть за реку Самару. Ребров решил идти на Зуевку, так как она находилась к юго-востоку от города, в стороне от главного фронта. «Там, где-то у начала Ураль-

ских степей, — думал Ребров, — будет легче перейти фронт; ведь главные массы войск должны были двигаться на самую Самару».

У элеватора над Самарой в последний раз закусили путники перед тем, как выйти из города и пуститься в опасное путешествие. Ребров первый дошел до моста. К его удивлению, на мосту не оказалось ни души. Тогда Ребров смело двинулся вперед, а за ним последовали его товарищи. Они шли и ждали, что их вот-вот окликнут невидимые часовые. Но мост кончился, а путников никто не окликнул, никто не погнался за ними. Кругом по-прежнему было пусто и безлюдно.

Ребров усмехнулся:

— Приказы грозные пишут, а часовых ставить забывают. Эсеры везде одинаковы. — И вдруг вспомнил «Подвал»: «Я пью за мертвую Самару...»

Заречная слободка также окончилась. И на ее околицах тоже ни одного человека.

Перед беглецами развернулась широкая степь. Вдали, верстах в пятнадцати, белела церковь села Лопатино, к нему пролегалла извилистая проезжая дорога, а прямо на него, казалось, стрелкой нацелилась пешеходная тропинка. Прошли версты две, сзади по дороге затарахтели пустые телеги. Облако пыли стало быстро приближаться.

— Эй, земляк! — закричал Мекеша проезжавшему мимо подводчику. — Сделай милость. Посади баб, истомились они. Довези до Лопатина.

— Садись. По красненькой с рыла.

— Что ты? Живодер нашелся...

— Ну, ищи другого. Комитетские, видать? — захохотал мужик. — Пятки салом смазали? — и дернул вожжи.

— Стой! — закричал Ребров. — Черт с тобой, получишь по десятке. Вези.

Женщин посадили, мужик ударил по лошади. Облако пыли скрыло телегу. Ее рассыпчатый стук то удалялся, то как будто вновь приближался и наконец замер в отдалении.

Мекеша и Ребров шли по тропинке напрямик, собираясь выиграть время и расстояние и прийти в Лопатино раньше подводчика.

— Не торопись, Василий Михайлович, — говорил утомившийся Мекеша. — Успеем. Во, видишь — бахча? Свернем на минуту, арбузом закусим — быстрее дойдем.

Ребров пробовал отговорить товарища от ненужной задержки, но в конце концов уступил ему, и они свернули на бахчу. Ни сторожа, ни хозяина не было видно. Бахча, очевидно, была заброшена. Арбузы оказались мелкие, недозрелые.

— Говорил тебе, напрасно время теряем, — сказал Ребров, и они снова двинулись в путь.

Бесконечная, сливающаяся с горизонтом степь располагала к молчанию. Некоторое время шли молча. Реброву не верилось в скорое освобождение от белых. Мекеша мечтает о радостях деревенской жизни. Его, как всякого горожанина, деревня прельщала отдыхом, тихой природой и вкусной едой. Самара, оставшаяся позади, становилась все меньше и меньше, только золотые купола ее соборов резко выступали на белом фоне слившихся в одно зданий, да элеватор причудливой башней разрезал горизонт. Степь как-то заставила забыть давешние страхи, и Ребров с Мекешей беспечно шли по убегающей вперед тропинке. Вдруг Мекеша замер на месте:

— Казаки, Василий Михайлович!

Ребров тотчас различил на расстоянии полутора-двух верст прыгающие фигурки всадников. Они мчались навстречу — по направлению к городу.

— Василий Михайлович, бежим, — схватил за руку Реброва Мекеша.

— Куда ты от них убежишь, чудак? Они нас лучше видят, чем мы их. Обгонишь их, что ли? Надо идти навстречу.

— Нет, что ты, убьют. Вон стог. Зароемся в него.

— Да пойми ты, они нас, наверное, уж увидели.

— Нет, я в стог. — Мекеша бросился бежать к стогу и в одно мгновение врылся в него, только кончики его сапог чернели у подножия.

— Ноги спрячь, — ткнул в сапог Ребров. Он прилег с противоположной стороны стога, чтобы не попасть всадникам на глаза.

Мекеша в стоге заворочался и стал кашлять. Пыльное сено донимало его. Ребров считал время.

А вдруг казакам придет в голову остановиться у стога покормить своих лошадей и отдохнуть? Тогда они наверняка заметят Мекешу, и расстреля не миновать. Стук копыт послышался и внезапно исчез. Ребров с полчаса выждал, прежде чем поднялся на ноги. Ничего подозрительного видно не было.

— Мекеша, вылезай. Уехали, — окликнул он.

Мекеша вылез и стал внимательно осматриваться по сторонам. Потом полез на стог и оттуда снова оглядел степь.

— Опять казаки, — неожиданно вскрикнул он и кубарем свалился со стога.

— Ну, этих не бойся. Они нас не могли заметить, — успокаивал его Ребров.

— Нет, я опять в стог.

И снова Ребров остался в одиночестве лежать у стога, считая минуты. Когда скрылся из виду и второй отряд всадников, Мекеша, отряхиваясь, вылез из сена и сказал Реброву:

— До вечера не пойду дальше, Василий Михайлович. Тут их рыщет видимо-невидимо. Как есть, попадешь в лапы.

— Что ты говоришь, подумай! А Надя и жена моя как? Они уже наверняка беспокоятся, не понимают, почему нас до сих пор нет в Лопатине. Пойдем, не бойся. А что, если они попадут к казакам?

— Не пойду, Василий Михайлович, мне жизнь самому мила.

— Да ты в село не заходи, я один их пойду разыскивать. А стогов в степи на тебя хватит. Всегда найдешь себе подходящий.

Наконец Мекеша уступил.

Осенний вечер быстро накрывает.

В какие-нибудь полчаса расплзлись и исчезли очертания приближающегося Лопатина и далекой уже Самары. В городе не горели огни и не было видно ни одной светящейся точки. Чехи боялись летчиков.

Непроезжая дорога вместе с темнотой расширилась и слилась со степью. Все труднее и труднее путникам было отыскивать тропинку. Только каким-то особенным чутьем угадывал ее Мекеша, и Ребров целиком положился на него.

Осенней ночью степь молчалива, как кладбище.

Кузнечиков уже давно не было, и они своим свистом не наполняли пространства; летучие мыши также, наверное, залегли на зимнюю спячку и не шарахались над головой. Не слышно было и ночных птиц.

— Ну и тьма, Мекеша. Хуже, чем в лесу.

— А ты как думал? Степь — она всегда так: днем на сто верст смотри, а вечером на встречного найдешь — лбом стукнешься. Да вот же недалеко и до села. Слышишь, собаки лают?

Ребров прислушался, остановившись на месте. Где-то далеко в самом деле лаяли собаки.

— Я тебя до околицы доведу, — продолжал Мекеша, — а там ты уж один дойдешь.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем Мекеша остановился.

— Пришли. Вот так прямо все ступай, Василий Михайлович, — махнул он перед собой рукой, — а обратно пойдешь по тракту, я тебя там ждать буду. Не опасайся — услышу, как пойдешь. Шаг у тебя тяжелый. Я тебя окликну. Только по тракту свороти около церкви налево, а то направо пойдешь — обратно в Самару придешь.

— Хорошо.

Ребров зашагал, не видя перед собой впереди и на два шага. Минут через десять он наткнулся на плетень, промазанный глиной, и пошел вдоль него до ближайшего переуллка. Лопатино спало. Ни одного огонька не виднелось в хатах. Пустые улицы хранили молчание, где-то в стороне одиноко заливалась собака. Только войдя в село, Ребров понял, что искать Валю и Надю в такой

поздний час бессмысленно. Будить всех мужиков подряд и спрашивать, не у них ли остановились две городские женщины, опасно и бесполезно. Он все же решил поискать церковь и у ночного сторожа узнать, нет ли в селе постоянного двора. Стараясь наугад попасть в середину Лопатина, Ребров прошел еще две улицы.

Где-то впереди раздался стук многочисленных копыт. Сначала топот был слышен очень далеко, потом ближе и вдруг почти совсем затих.

«Почему так поздно гонят стадо?» — подумал в первую минуту Ребров. Но не успел он отдать себе в этот отчет, как тот же топот вырвался из тишины совсем рядом. По бокам замелькали черные тени людей на лошадях. Ребров отскочил в сторону и вдруг почувствовал, что находится между круто остановившимися всадниками. Морды храпящих коней лезли в его лицо. Один из всадников пригнулся, всматриваясь, и громко окликнул:

— Где староста живет?

— Не знаю, — ответил Ребров, разглядев у спрашивающего за плечами карабин.

Всадники хлестнули по лошадям и помчались.

«Казак! Надо бежать», — решил Ребров и быстро пошел вперед. Дорога, твердая до сих пор, прервалась песком и заглушала шаги. Реброву стало ясно, почему так внезапно на него налетели казаки. Он вошел в первый же переулок налево. Перескочил через забор, через другой. Снова прошел переулок. Кругом стояла та же тишина.

Ребров уже выходил из переулка в степь, когда за ним послышались удары копыт и оклик:

— Стой, гражданин!

Ребров остановился. Всадник подъехал ближе.

чиркнул спичкой и закричал, осветив на минуту Реброва:

— Куда ты?

— В Дубовый Умет, — назвал Ребров близлежащее село.

— Кто такой?

— Тамошний учитель, — соврал Ребров.

— Не велено пускать никого из села, — уже менее враждебно сказал кавалерист.

— Да вы-то кто такие? — сердито спросил Ребров.

— Мы учредилковские драгуны. Идите, гражданин, обратно.

Пришлось повиноваться, и скоро всадник потерялся позади в темноте.

«Надо через дворы», — решил Ребров и, не дойдя до первого переулка, перемахнул снова через двор, по задам пробираясь в степь.

Ночь еще мрачнее насупилась над степью. Разыскивать трактовую дорогу было бы трудно, но вдали громыхали телеги, и по их стуку легко можно было найти тракт.

Через десять минут Ребров шагал по дороге, рассчитывая у кого-нибудь с первой попавшейся подводы узнать, в которой стороне Самара, чтобы не попасть обратно в город. Вдруг неожиданно от ближайшего телеграфного столба отделилась тень и окликнула голосом Мекеша:

— Василий Михайлович, ты?

— Я, я, Мекеша. В Лопатине драгуны. Наших надо искать днем. Придется ночевать в степи. Давай поищем стог и устроимся на твой манер.

— Что ты, Василий Михайлович! Коли драгуны близко, надо подальше бежать. Вот хоть бы

до Дубового Умета добраться. Может, давешний мужичок и их провез подальше — драгунов испугался.

Мекеша явно не хотел остаться в близком соседстве с драгунами и все настойчивее уговаривал Реброва двинуться дальше.

— Пусть будет по-твоему, — согласился, наконец, Ребров. — Только знай: завтра утром ты пойдешь со мной обратно в Лопатино, если не найдем наших в Дубовом Умете.

— Ладно, завтра пойдем, а сейчас вон туда, — двинулся в сторону Дубового Умета Мекеша.

Они прошли верст пять, когда сзади послышалось тарактение подводы и посвистывание возницы.

— Попросим его, Василий Михайлович; может, подвезет, — сказал Мекеша.

— Эй, стой! — крикнул Ребров, поравнявшись с мужиком в телеге. — Нам тебя надо.

— Я знаю, что вам меня надо, — ответил мужик, останавливая лошадь.

— А ну, подвези до Дубового Умета, — подошел Ребров к подводе.

Подводчик нехотя подвинулся в сторону и сердито пробормотал:

— Чего спрашиваешь? Садись. — Резко хлестнув вожжами по лошади и отвернувшись от попутчиков, он замолчал.

— Неразговорчивый хозяин, — минут через десять прервал молчание Мекеша. — Да шут с ним. Покуда ляжем спать. И он удобно устроился на соломе.

Ребров сидел молча. Впереди Дубовый Умет — большое село, не меньше Лопатина; разыскать в

нем Валю и Надю невозможно. И если там нет казаков, то придется сегодня обойти только постоянные дворы, а утром уже поискать по-настоящему.

— А я ведь думал другое, — неожиданно повернулся подводчик к Реброву.

— Что другое? — не понял тот.

— Да тут передо мной ближе к Самаре одного вот так же остановили, выручку, что с базара вез, отобрали... Ну, вот я про вас, значит, и подумал, что эти самые.

Ребров засмеялся; возница сразу повеселел.

— Ну, коли вы хорошие люди, то и угостить вас не грех. Не хотите ли соленого арбуза с ржаным хлебом покушать? — Он достал откуда-то из-под себя два арбуза, ковригу хлеба и нож. — Будь товарища; наверное, тоже есть-хочет.

Мекеша мгновенно проснулся, как только услышал, что есть что закусить. Мужик с усмешкой наблюдал, как быстро исчезает его угощение.

Часа через два началась околица Дубового Умета. Собаки с диким лаем, выскакивали из подворотен на шум телеги и прыгали около морды лошади и у задних колес. Подводчик ехал на знакомый постоянный двор, и это было на руку его седокам. На стук в ворота ответили скрипучие шаги по деревянной лестнице, кто-то в темноте растворил обе половины ворот и ввел лошадь под навес. Возница топтался около лошади, распрягая ее, а Ребров и Мекеша поднялись вверх по лестнице в избу, где на полу вповалку уже спало около десятка человек. Вслед за ними вошла и открывавшая ворота хозяйка. Она подошла к ночнику, подняла прикрученный фитиль, посмотрела

при усилившемся свете на новых проезжих, снова прикрутила фитиль и молча направилась спать.

— Постой, хозяйка, — остановил ее Мекеша, — заезжих двух женщин у тебя тут не останавливалось?

— Мы этим не занимаемся, — недружелюбно бросила она в ответ и прошла в соседнюю комнату.

— Вот тут и ищи, Василий Михайлович, — развел руками Мекеша, — я ее по-людски, а она думает, что я балую.

Постоялых дворов больше на селе не было, и беглецы улеглись рядом со спящими на полу. Мекеша мгновенно захрапел. Заснул и Ребров.

Валю и Надю мужик высадил у первой избы лопатинской околицы.

— Тут уж пешком в село идите. А то с вами свяжись, кабы худа не было, — сказал он, хлестнул свою лошадь, и телега утонула в надвигающейся ночи.

Женщины минут пятнадцать шли по улицам. Кой-где в избах открывались окна, и любопытные бабы спрашивали:

— Чьи будете?

— Пустите переночевать, — попросила Валя одну из крестьянок, лицо которой ей показалось более добродушным и простым, чем у других.

— Да никак вы из города? Сейчас отопру! — ответила та и побежала открывать калитку.

Валя и Надя поднялись на высокое крыльцо. Спросили разрешения умыться из висевшего тут же медного рукомойника и после этого вошли в

опрятную горницу. Хозяйка задала несколько вопросов, захопотала возле самовара, загремела трубой, корчагой с углями, ведром с водой. Выбегала куда-то во двор по хозяйству, потом снова быстро возвращалась и радушно угощала чаем. За окном быстро темнела улица. Замолк деревенский шум. Зажглись на несколько минут робкие керосиновые огоньки в домах и потом быстро потухли.

— Как же они найдут нас? — спросила Валя Надю, безучастно дремавшую за столом.

— Мудрено сыскать, — согласилась Надя.

— Надо пойти по селу; может быть, встретим их.

— Я бы рада, да меня так растрясло, что я на ноги не встану, — пожаловалась Надя.

— Ты побудь дома, а я пойду, — сказала Валя, надевая жакет.

Она прошла несколько улиц по разным направлениям. Молчаливые избы, казалось, неодобрительно хмурились на позднюю путешественницу и были загадочны. Валя добралась до площади, где стояла церковь. В большом доме светились огни. Она подошла ближе и сквозь окна увидела в первом этаже несколько мужиков, сидящих около стола. «Наверное, волостное правление», — подумала Валя и поднялась по лесенке до дверей. Двери легко открылись. Мужики подняли головы, уставившись с недоумением на незнакомую посетительницу.

— Чего ты? — спросил один из сидящих поближе.

— Где у вас земская квартира? — спросила Валя.

— Земская — напротив. Да ныне там никого нет, — ответил опять тот же мужик. — Ты кого ищешь-то?

— Мужа, — ответила Валя и повернулась, чтобы идти, как вдруг под окном раздался топот копыт; кто-то застучал палкой о перила крыльца и закричал:

— Староста, выходи. Разведи людей по квартирам!

Мужики повскакали с мест. Валя вместе со старостой вышла на крыльцо. Перед домом стоял отряд всадников в военной форме. Староста торопливо засеменил куда-то в сторону, отряд тронулся за ним.

Валя быстро спустилась с крыльца и побежала. Она долго плутала в темных улицах, прежде чем нашла свой дом.

— Надя, — запыхавшись, сказала она, дергая за рукав подругу, — в селе учредилевские драгуны.

На другой день рано утром Ребров и Мекеша обошли весь Дубовый Умет, но нигде не нашли своих потерянных спутниц. Приходилось возвращаться в Лопатино. Мекеша приуныл и наотрез отказался идти с Ребровым назад.

— Не пойду, — упрямо твердил Мекеша, — опять попадешь к драгунам. На тот свет мне еще рано торопиться.

Ребров не стал уговаривать Мекешу. Он понял, что его не переубедишь.

— Эх ты, товарищ, — сказал Ребров и один двинулся в путь.

За околицей опять степь, залитая лучами утреннего, еще красного солнца. Та же тишина, что и вчера, и снова видна вдаль белая Самара с золотыми куполами церквей. Уже версты три отшагал от села Ребров, наблюдая, как далеко по бокам деревенские стада рассыпались по сжатым полосам. Черные и белые овцы правильными цепями двигались с пригорка на пригорок, и близорукому их легко можно было принять за солдат, наступающих в сторону невидимого неприятеля. Вон там, впереди, они бросились бегом через дорогу, словно желая пересечь ее, отрезать и преградить путь ему, Реброву. Пробежали дальше, оставляя за собой облако пыли. Вдруг смешались. А на дороге снова замаячили какие-то точки, как будто другое стадо бежит за первым. Откуда оно? Ребров пристально стал всматриваться в эти движущиеся фигуры и только тут заметил, что навстречу ему верстах в двух впереди скачут верхом какие-то люди.

«Опять драгуны», — выругался про себя Ребров. Он оглянулся по сторонам, почувствовав, как пробежал по телу холодок. Но прятаться было некуда, надо было идти навстречу.

Всадники не торопились. Заметив Реброва, они поехали шагом. Впереди на черном коне ехал офицер в непромокаемом плаще, широколицый и угрюмый. Коренастая фигура и плащ делали его похожим на Наполеона. Молча проехал он мимо Реброва, а за ним человек двадцать пять учредилловских драгун с кокардами из георгиевской ленты на фуражках. Один из них отделился от товарищей и подъехал к Реброву:

— Откуда идешь?

- Из Дубового Умета.
- Красных не видал?
- Нет.

Всадник хлестнул лошадь и догнал уехавших вперед.

«Вернется или нет?» — думал Ребров, идя вперед и не оборачиваясь. Топот копыт замолк. Ребров обернулся. За пригорком исчезли последние всадники.

«Почему, — думал Ребров, — они спрашивают о красных? Ведь красные еще вчера, по самарским газетам, были где-то далеко под Сызранью. А они здесь, в тридцати верстах от Самары, спрашивают о красных. Может ли быть, что за одну ночь фронт подвинулся на сто двадцать верст? Нет. Просто трусы. Ведь если бы красные были так близко, то неужели на подступах к Самаре вместо сильных воинских частей болтались бы вот такие кавалерийские отряды из двадцати-двадцати пяти человек. Нет, этого быть не может».

Через три часа показалось Лопатино. Ребров вошел в село и направился в ту сторону, где виделась белая церковь с голубым куполом. Деревенские улицы, как и вчера ночью, были пустынные. Даже днем трудно разыскать двух исчезнувших женщин. После долгих поисков Ребров снова подошел к белой церкви с другого конца улицы. Вдруг из крайней направо избы застучали в стекло, и послышались чьи-то голоса. Ребров оглянулся. К нему через улицу бежала Валя.

— Борис, Борис! — радостно кричала девушка и, схватив его за руку, потащила в избу.

Через полчаса, напившись чаю, Ребров лег отдохнуть. Вчерашняя ночь и сегодняшнее раннее

путешествие давали себя знать. Ребров быстро заснул. Он не помнил, сколько времени спал, но проснулся от почудившегося ему орудийного выстрела. Сел на скамью, прислушался. В деревенской горнице — ленивая тишина. Вали и Нади не было; они, очевидно, вышли в другую половину, чтобы не мешать ему. Мирно горела лампада перед образами (какой-то праздник был в эти дни). Белые деревянные стены избы, чисто вымытые и как-то по-особенному уютные, располагали ко сну. Ребров снова лег, закрыл веки и хотел еще немного вздремнуть, как вдруг удары далекой орудийной стрельбы нарушили тишину. «Опять стреляют», — вскочил Ребров. В ту же минуту открылась дверь, и в ней показалась Валя. Она быстро подошла к Реброву.

— Я тебя не хотела беспокоить, но это уже второй раз. Слышал?

— Надо скорей удирать из Лопатина. Здесь, под Самарой, может быть бой, — ответил Ребров.

— Я говорила с хозяевами, никто из них не дает лошади в такое время. С Надей нам не добраться быстро до Дубового Умета.

— Ничего, может быть, опять подвернется попутчик, — успокоил Валу Ребров.

В самом деле, не успели они выйти из Лопатина на трактовую дорогу, как, обгоняя их, проехало несколько деревенских подвод. На них сидели странные пассажиры: в большинстве это были женщины, одетые в яркие праздничные крестьянские платья. Ямщики, крестьяне, подгоняя лошадей, с усмешечкой поглядывали на свою живую кладь. Они прекрасно понимали, что везут горожан, убегающих от красных.

— Эй! Посадите больную женщину! — крикнул одной из проезжающих подвод Ребров.

— Нас и самих достаточно!

Однако, немного обогнав пешеходов, телега остановилась, и женщина, подвязанная крестьянским платочком, махнула рукой Наде:

— Садитесь, мадам.

Она приняла ее, очевидно, тоже за переодетую барыню. Ребров помог усадить Надю, телега двинулась вперед. Долго облако серой пыли виднелось на дороге, постепенно уменьшаясь, и наконец растаяло без следа.

Верст десять уже прошли Шатрова с Ребровым. Орудийный гул то усиливался и учащался, то как будто удалялся и замолкал на время.

— Близко наши, Ребров? — почти после каждого выстрела спрашивала Валя.

Оба они тщательно вглядывались по сторонам в степь, но там далеко вокруг было пустынно.

— Что же это за война, — изумлялась Валя, — палят целый день из пушек, а ни одного солдата на десятки верст вокруг?

Ребров улыбнулся.

— Нынче частенько враги бьют друг друга на расстоянии десятка верст... А впрочем, — неожиданно добавил Ребров, — кажется, вон идет кто-то за нами, — и он пристально стал всматриваться в клубы пыли на дороге позади.

Пыль приближалась быстро. В ней показались сперва один-два всадника, а затем отряд человек в двадцать. Пахнуло пылью и потом. Один из кавалеристов нагнул в седле:

— Красных не видали?

— Нет, — сказал Ребров, — никто не попался.

Всадники с георгиевскими кокардами проскакали вперед. Человек пятнадцать из них через небольшой промежуток времени свернули с дороги к заброшенной бахче и пустили лошадей к стогу сена. Остальные пять шагом двинулись вперед.

Маленький подъем идет от самого Лопатина до Дубового Умета. Только совсем близко перед селом, версты за три до него, дорога круто вздыбливается на пригорок, а затем медленно спускается к селу.

Валя с Ребровым не спеша двигались вперед.

Вдруг частые удары ружейных выстрелов застегали по степи. Диким галопом пронеслись обратно пять кавалеристов. Ребров и Валя шарахнулись в сторону от дороги и остановились на месте. На бахче повскакали сидевшие там люди. Ловили лошадей и с криком мчались назад. Успели зажечь стог. Он запылал, задымил грязным дымом высоко вверх.

А впереди навстречу Реброву и Вале летело новых пять всадников. На минуту они остановились на пригорке, стреляя из карабинов. Пули плюхались в дорожную пыль, жалобно свистели и землей и пылью брызгали на Реброва и Валу. С недоумением Валя спросила:

— Стреляют?

— Да, подними руки вверх, — ответил Ребров.

Всадники подъехали вплотную, все еще держа в руках карабины.

По красным лампасам и верхам бараньих шапок можно было принять их за казаков.

Подъехавший белокурый детина крепко выругался, ткнул слегка Реброва концом своего сапога и закричал:

— На землю чего не лег? Убили бы тебя, сукин сын!

— Я руки поднял, — спокойно сказал Ребров, заметив красные ленточки на плечах кавалериста. — Можно идти дальше?

— Пшел... — и всадник снова крикнул подходящее к случаю ругательство.

Ребров с Валеёй шли скорым шагом, изредка останавливались передохнуть и снова шли.

Уральский тракт терялся в степи. Самара скрылась из виду еще после пыльного пригорка, на котором сражались конные разведчики. Сухая, пыльная колея убегала вперед, по бокам ее все чаще и чаще стали попадаться обглоданные кем-то костяки павших верблюдов и лошадей.

Дубовый Умет медленно приближался.

— Скорей, Борис, — торопила Валя, сразу почерневшая от пыли, — те вернутся назад.

— Навряд ли: удирали быстро, — ответил Ребров.

Они подошли к селу. Глиняные серые изгороди сиротливо торчали среди раскинувшейся позади степи. Кругом было безлюдно. Далеко вперед уходила деревенская улица, в конце ее белело странной формы пятно.

«Что бы это могло быть?» — думал, приближаясь к пятну, Ребров. Мало-помалу он различил крылья и контуры аэроплана. Какие-то люди возились вокруг него. Из переулка внезапно выскочило несколько кавалеристов в лампасах и бараньих шапках. Они проскакали к аэроплану, спе-

шились около него и, привязав лошадей к воротам, вошли в дом. Ребров и Валя подошли ближе. Аэроплан с трехцветными кругами на крыльях стоял перед небольшой деревенской избой. Несмотря на ранний час, деревенские ребяташки, взрослые мужчины и бабы сгрудились вокруг аэроплана и с любопытством рассматривали гигантскую птицу, залетевшую к ним впервые.

— Чей это? — спросил Ребров стоявшего рядом мужика.

— Был вчера белый, а седни красный, — засмеялся мужик.

— А где командир? — спросил Ребров.

— Начальство? В избе. Спроси товарища Шарабанова.

Ребров вошел во двор и толкнул дверь в избу.

— Где тут товарищ Шарабанов? — спросил он, перешагнув порог избышки.

— Я Шарабанов, — ответил ему военный, сидевший в переднем углу за столом.

На столе стояли тарелки с гусем и несколькими курами, моченые яблоки, четверть молока и горячий самовар.

Военный был похож лицом на Петра Первого: черные гладкие волосы, завивающиеся на концах, небольшой нос и выдвинутая нижняя челюсть. Но зеленый суконный зипун, шелковый маленький шарф вокруг шеи, золотая цепочка часов, многочисленные кольца на руках, сережка в ухе, бархатные с напуском штаны и лаковые в гармошку сапоги делали его похожим на Степана Разина.

— Я комиссар, — сказал Ребров. — Только что перешел фронт.

Шарабанов порывисто вскочил.

— Да здравствуют наши вожди! — крикнул он. — Курицу ему, ребята. Угощай.

Товарищ Шарабанов закричал «ура!» и усадил Реброва в передний угол, под божницу.

— Товарищ Ребров, — рассказывал между тем Шарабанов, — мы разведчики полка имени Степана Разина, да вот поотстали от своей части: аэроплан бросить жалко. Возим его с собой. Как только соберут мужиков, поедем догонять своих.

В одиннадцать часов перед избой собрался весь отряд Шарабанова — человек пятьдесят. Все бойцы одеты, как сам Шарабанов, в зеленые зипуны с шарфами вокруг шеи и в бараньи высокие шапки с красным верхом и кистью. Они выстроились в конном строю перед Шарабановым, подняли вверх по команде карабины, дали залп в небо и с песней двинулись вдоль улицы.

Сразу за отрядом везли на крестьянских лошадях аэроплан. Мобилизованные мужики поддерживали его хрупкие крылья. За аэропланом в пролетке ехали Ребров с Шатровой, сзади — подвода с яблоками, специально остановленная Шарабановым на Уральском тракту для Вали, а еще дальше, в телеге, сидел какой-то подозрительный человек, выдававший себя за отставшего от Красной Армии артельщика и захваченный Шарабановым.

Резвились на конях бойцы. Только на улицах деревни соблюдали они строй, а в степи носились друг за другом, настегивая коней.

Шарабанов ехал впереди. Без шапки и в глубоких резиновых галошах скакал он на коне.

— Почему вы в галошах, товарищ Шарабанов? — спросила Валя,

— А это галоши товарища Чапаева. Он их забыл у нас и просил ему послать. Вот, чтобы не потерялись, я и надел их. — Шарабанов улыбнулся и дернул коня вперед.

До позднего вечера не мог шарабановский отряд догнать своих. Очевидно, наступление красных шло быстро; армия, к которой принадлежал полк Степана Разина, двигаясь с юга на юго-восток, торопилась поглубже зайти во фланг белым.

В небольшой деревушке отряд расположился на ночь. К Реброву и Шатровой был прикомандирован Цветков, чтобы устроить их на ночлег. Цветков выбрал дом богача и к нему повернул пролетку.

— Эй, хозяин, открывай, — постучал он кнутовищем в ворота.

Двери открылись не особенно быстро, и в них показалась заспанная и недовольная хозяйка.

— Родимые, тесновато у нас, — встала она посреди ворот.

— Шевелись, — тотчас же дернул лошадей прямо на бабу Цветков. — Разоспалась, когда большевиков встречаете; небось, офицерам сама двери настезь открывала, — сказал он, проезжая во двор.

Баба зашевелилась быстрее и ввела лошадей под навес. В избе спали.

— А ну, самовар! — вновь крикнул Цветков хозяйке.

— Давно сами не ставили, — ворчливо ответила та.

— Самовар! — коротко повторил Цветков.

— Мы ведь и без самовара можем обойтись, — сказала Цветкову Валя.

— Врет она, товарищ Шатрова. Мы их знаем. Вон и мужика нет, у белых наверняка, — сказал Цветков. — Где мужик? — спросил он бабу.

— В городе. Право слово, в городе, — забожилась хозяйка — Третьёго дни на базар поехал, и все нет. Не знаю, чего доспелось.

— Не знаешь, — передразнил Цветков. — Все они на базар ездят... А ну, пожарь чего-нибудь.

— Чего пожарить — ни мяса, ни картошки нету...

— Пожарь, тебе говорю, — снова приказал Цветков.

Хозяйка вышла, вздыхая, из избы.

Когда жаркое и самовар были готовы и все сели за стол, Цветков неожиданно увидел пустую сахарницу. Он встал и вышел за перегородку на хозяйскую половину.

— Сахару, хозяйка.

— И чего ты навязался? Сами его не видывали три месяца, — неожиданно резко взвизнула хозяйка.

Очевидно, сахару у нее действительно не было.

— Сахару, тебе говорят! — рявкнул взбешенный Цветков.

Из-за перегородки послышались быстрые шаги хозяйки, скрип дверей и калитки. Цветков подошел к столу.

— Кулачьё, — сердито сказал он, не обращаясь ни к кому.

Через несколько минут хозяйка вернулась, неся с собой добытый где-то у соседей сахар. Через час изба спала крепким сном. Только на половине хозяйки слышались вздохи и бормотание. Верно, и во сне ей не давал покоя Цветков.

На другой день разведчики въехали в село, пугая кур и свиней, валявшихся в пыли. В раскрытых дворах изб, под навесом, ржали, перекликаясь с деревенскими, оседланные кони. По улицам шли спешившиеся кавалеристы с буханками хлеба и котелками.

— Эй, разведчики! — крикнул Шарабанов поравнявшийся с ними парень в лампасах и бараньей шапке, с кринкой молока в руках, — разведку-то в тылу делали?

— Я тебе, кобылка! Получи! — Шарабанов неожиданно огрел парня нагайкой, наезжая на него грудью лошади.

Парень отскочил, расплескивая молоко, и заругался. Шарабанов с хохотом помчался дальше по улице.

Отряд выехал на площадь около церкви. У крыльца деревенской избы с резными окнами и железной крышей колыхалось красное знамя. Несколько лошадей было привязано к перилам крыльца.

— На-пра-во! — крикнул протяжно Шарабанов и резко оборвал: — Стой!

Разведчики соскочили с коней, привязали их к церковной ограде и исчезли в ближайших дворах. Только двое караульных остались у церкви да Шарабанов показывал мужикам, куда поставить аэроплан.

— За этим поглядите, — сказал караульным Шарабанов, указывая на подозрительного артельщика, — а мы в штаб.

В избе с красным флагом много народу. Люди в бараньих шапках мелькают в окнах. Они удивленно поглядывают на Реброва, Валю, Шараба-

нова. Как только они вошли, в комнате стало тихо. Командир полка смотрит из-за стола на Шарабанова.

— Где же ты пропадал, дьявол? — говорит он. — У меня тут военкомдив часть осматривает, а ты по тылам гуляешь?

Шарабанов тихонько постукивает рукояткой нагайки по лаковому сапогу.

— Задержался, — говорит он. — Сперва вон тот змей захватили, — указал он пальцем за окно на аэроплан, — да возле Дубового Умета поцапались немного с беляком и вот товарища достали...

— Какого товарища? — спросил командир, поглядывая на Валю. — Вы кто? — спросил он Реброва.

— Я был комиссаром в Екатеринбурге.

— У белых остался?

— На подпольной работе.

— Как же в Самару попал?

— Из тюрьмы вышел. Решил фронт перейти.

— Белые комиссара живым выпустили? — сухо сказал командир, вставая на ноги. — Шляешься с бабой? Вкручиваешь прохвост! — неожиданно крикнул он. — Арестовать!

Реброва и Шатрову отвели в соседнюю комнату. Захлопнули дверь и щелкнули задвижкой.

— Дурак, — ругал Шарабанова за перегородкой командир полка, — веришь первому встречному. Возишь с собой. Ну и влетит тебе от военкома.

Валя притихла. Сидеть под арестом у своих она не рассчитывала.

В соседней комнате вдруг зашумели сильнее.

— Военком! — крикнул кто-то за перегородкой.

Хлопнула ставня окна, стукнула деревянная

лавка: очевидно, сидевшие там бросились к окнам. За окном раздался топот лошадей. Через минуту послышались голоса, потом тяжелые шаги, под которыми заскрипели половицы.

— Здорово, здорово, — говорил басом, очевидно, вошедший. — Ну, давай карту, — зашелестел он бумагой. — Командиры и комиссары все здесь?

— Все, — ответил голос командира полка.

— Ладно. Теперь об операции: идет успешно, — строго продолжал говорить военком. — Самара может продержаться день-два, а надо бы нажать сегодня. Кабы ковырнуть в этом местечке железную дорогу, Самаре крышка. А? Как?

— Да кто же днем туда полезет? — ответил командир полка, — кругом видать, как на щеке. Ну, кто? — безнадежно повторил он.

— Я, — сказал вдруг Шарбанов...

— Вали, вали! — заговорил бас неожиданно ласково, — поди зови охотников. Я поеду с тобой.

Снова хлопнула дверь, загудели голоса, и Ребров с Валею снова услышали голос командира полка:

— Чудной он. Иной раз два-три дня нет, неделю. Пропал, думается. А он по тылам беляков носится, что пьяный. Едва ноги унесет. А то в нашем же тылу потеряется, как иголка в стогу.

— Такого тут и нужно, — сказал бас, зашелестев бумагой.

— Вот только что, — продолжал командир полка, — привез аэроплан и какого-то хлюста с девицей. Барышня румяная. С одного взгляда видно: бежали к белым, а попали к нам. А Шарбанов в пролетке с собой их сутки возил: говорит — комиссар.

— Комиссар? — перебил бас. — А ну-ка, дай-ка его, поговорим.

Двери раскрылись. Ребров снова увидел за столом командира полка. Рядом с ним сидел огромного роста человек в порыжелой гимнастерке, обросший бородой. Он молчаливо поднялся, вглядываясь в Реброва. На правой щеке его виднелась синяя сыпь, засевшая глубоко под кожей.

— Запрягаев! — вдруг вскрикнула из-за спины Реброва Валя и бросилась к военкому.

— Как, ты?! — схватил ее за руку военком и тотчас повернулся к Реброву: — Борис! Вот черти! Живы!..

— Пстой, пстой, что с золотом? — перебил его Ребров.

— Давно в Москве: Губахин в неделю выкопал. Ведь мы тебя искать ребят в Екатеринбург посылали. Писали: пропал — повешен. А ты жив, — с радостью смотрел Запрягаев на Реброва.

— Да ведь и тебя искали, — засмеялся Ребров. — Прочти бумажку, — вынул он старый номер екатеринбургской газеты с объявлением генерала Дитерихса.

Полковые комиссары и командиры окружили кольцом военкома, с изумлением наблюдая неожиданную встречу. Командир полка протиснулся вперед, несколько раз порывался что-то сказать и не решался.

— А я думал... — начал наконец он, обращаясь к Запрягаеву, как вдруг скрипнула дверь и в избу влетел Шарабанов.

— Готово... — сказал он и, взглянув на военкома, замаялся от неожиданности: Запрягаев крепко держал за руки Шатрову и Реброва.

— Готово, товарищ военком, — проговорил через минуту Шарабанов, сообразив, в чем дело, — можно ехать.

Запрягаев выпрямился. Он снова стал серьезен и озабочен. Его рука машинально ощупала пояс, кобуру револьвера, кожаную сумку на боку. Он взял со стола фуражку с красной звездой и надел ее.

— Через три часа я буду здесь, — сказал он командиру полка. — И поговорить не успели, — с досадой повернулся он к Реброву.

— Ты в разведку? — спросил Ребров. — Так я с тобой. Поговорим в дороге.

— Вали, — радостно пробасил Запрягаев.

— Пролетку! — закричал с крыльца Шарабанов.

— На что ему пролетка?

— В ней поедем.

— На пролетке в разведку? Первый раз слышу, — засмеялся Ребров.

— На пролетке меньше подозрений, — серьезно сказал Запрягаев.

— А если нарвешься — не ускачешь.

— Посмотрим, — сказал Запрягаев, и все пошли к дверям.

У крыльца стояла кованая пролетка, запряженная парой. Кожаный верх был поднят, несмотря на сухую, солнечную погоду. На козлах сидел разведчик, в пролетке спиной к нему — двое других с металлическими квадратными банками в руках.

— Садись, — сказал Запрягаев Реброву и залез в пролетку, за ними полез Шарабанов.

— Трогай! — крикнул командир полка вознице.

— Счастливо! — замахала рукой с крыльца Валя, когда кованые колеса пролетки застучали по убитой земле.

— Этот и есть Ребров — комиссар золотого поезда? — вдруг спросил командир полка Валю, как только пролетка скрылась за углом.

— Он, — ответила Валя.

— То-то я сразу понял, когда они заговорили о золоте, — сказал командир.

Пролетка выехала за околицу. Перед глазами открылась степь. Далеко впереди темной лентой лежала железнодорожная линия. Самара виднелась слева к северу, а направо, где-то за садами и рощицами, должна была быть Кинель. Дорога убегала вперед мягкой, волнистой чертой, и запряженная парой пролетка двигалась быстро-быстро.

Вдруг тракт пошел под уклон, спускаясь в балку. Самара и железнодорожная линия исчезли из глаз. И, когда лошади вынесли пролетку на другую сторону балки, снизу навстречу, из соседней балки, неслись учредилловские драгуны с георгиевскими ленточками на фуражках.

Не разглядев вооруженных людей в пролетке, конники остановились не сразу. Запрягаев и Шарабанов, воспользовавшись этим, швырнули по гранате в приближающийся отряд. Возница круто заворотил. Лошади понеслись вниз и вынесли пролетку из балки. Сзади раздались взрывы, вихрем ударившие в уши. Еще сильней задрезбужала пролетка. Выстрелов слышно не было. Проскакав минут пять, лошади сбавили бег. Позади было тихо и безлюдно.

— Ушли, — вздохнул свободно Шарабанов. — Теперь ночью попытаем.

— Твоя правда, лучше было ехать верхом, — повернулся Запрягаев к Реброву.

Весь день шумела канонада. Она нарастала и приближалась. Красная Армия подошла к Самаре, и орудийные удары звучали у самого города.

По Самаро-Златоустовской дороге по обеим колеям уходили из Самары эшелон за эшелон. Они хорошо были видны и, будь у разинцев орудия, плохо пришлось бы учредилловцам.

— Подорвать, подорвать! Эх, промазали, — ругался озлобленно Запрягаев. — Не ушли бы они.

До поздней ночи гудели орудия. Вспышки выстрелов зарницами сверкали вдаль. Только наутро прекратилась стрельба, и наступившая тишина была так неожиданна, что спавшие на полу в избе Запрягаев, Ребров и командир полка проснулись и вскочили на ноги.

Вдруг совсем близко раздались частые удары пушечных выстрелов. Все схватили бинокли, выскочили на улицу и стали смотреть на насыпь. Там, позади уходящих эшелонов, медленно полз по рельсам на восток серый стальной бронепоезд, выплевывая из четырех башен трехдюймовые плевки. Флаги, очевидно георгиевские, развевались над ним.

— Последний, — сказал комиссар. — Самара свободна.

Он не ошибся. Броневик прикрывал последние отступающие части.

— Смотри, — показал Запрягаев Реброву на небольшую точку, парящую высоко в небе над степью,

Ребров посмотрел в бинокль: вслед за бронепоездом, опережая его, летел на восток аэроплан с пятиконечной звездой на крыле. С аэроплана сбрасывали вниз невидимые свертки, рассыпавшиеся в воздухе тысячами лепестков.

За полчаса перед выступлением в штабной избе пили чай.

В горницу вошел Шарабанов и, улыбнувшись, протянул Вале небольшой синий билетик. На билете стояло:

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

БИЛЕТ
на право входа
в Советскую Рабоче-Крестьянскую
Россию

Действителен на одно лицо и на целую воинскую часть до дивизии включительно.

А на обороте:

Без золотопозонников-белоручек!

Правом беспрепятственного входа пользуются все солдаты белых армий, за исключением монархистов, помещиков, кулаков, фабрикантов, купцов, спекулянтов и вообще всех тунеядцев, которые из Советской России изгоняются и, уже изгнанные, возвращению не подлежат.

Остающиеся свободными билеты просим передать другим частям.

Билет предъявлять в Политический отдел любой из советских армий.

**Втыкай в землю штык!
Переходи в Красную Армию!**

ЭПИЛОГ

Взятие Самары Красной Армией было последним ударом по Самарскому правительству. Не прошло месяца, как адмирал Колчак совершил «государственный переворот» в Сибири: расстрелял и разогнал остатки эсеров.

Восемнадцатого ноября 1918 года телеграф разносил по всей Сибири сообщение:

К НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ

18 ноября 1918 г. Всероссийское временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне — адмиралу Русского Флота, Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

18 ноября 1918 г.

гор. Омск

Верховный Правитель
Адмирал Колчак

Не сам собой произошел «переворот». Верховного поддерживали англичане и французы. Они снабдили его оружием и амуницией и потребовали наступления.

Под Уфой были красные части, когда в районе Перми белые сосредоточили крупные силы для удара.

Глубоким снегом занесена маленькая Пермь. Она уже не тиха и не безлюдна. Все екатеринбургские учреждения разместились здесь. Тридцатитысячный гарнизон. Штаб армии. Круто хозяйничает в городе Голованов. Не хватает места для лазаретов, шесть церквей закрыты, и в них помещены школы. Не хватает квартир военным работникам — пермские купцы и чиновники живут в публичных домах на окраине, «Сахалине».

Ребров неделю назад приехал в Пермь и уезжает на фронт. Шатрова работает в Совете.

Комиссары областного Совета разъезжают по уездам, собирая хлеб и продовольствие для Красной Армии и населения. Но все меньше становится хлеба: южные кулацкие уезды восстали, в северных хлеб не растет. Голод усиливается. Матери прячут от детей корку хлеба. Дети тайком от родителей съедают свой пай. Ропщут жители и ждут белых.

Трудно живется и комиссарам. Только военные специалисты из штаба армии имеют все необходимое. Ими командует Расторопный. Он сам пожелал остаться в Перми и не поехал с Андогским. Теперь он — главный советник при штабе. Красивый генерал носится по улицам Перми то в автомобиле, то в легких санках, запряженных беговым рысаком. Рысак хлещет комьями желтого

снега в передок саней, роняет белую пену, размашисто вскидывает ноги и пугает прохожих.

С разбегу останавливается он у одинокого большого дома с колоннами на берегу замерзшей Камы. Занесенный снегом генерал откидывает полость и идет в штаб армии. Часовой спрашивает пропуск, и Расторопный — в своем кабинете. Его ждет чай с настоящим белым хлебом, сахаром, а иногда с шоколадом. Расторопный снимает тяжелую шинель. Он, как и в Екатеринбурге, в вытуженном прекрасном кителе, с пышно подбитой ватой грудью, на ногтях — маникюр.

Подчиненные сотрудники штаба с достоинством входят в кабинет с папками в руках.

Расторопный слушает доклады, красиво откинувшись в кресле.

— Отмечаются случаи взятия в плен, — говорит Расторопному штабной специалист, — рядовых шестого стрелкового корпуса, до сих пор не находившегося на нашем участке. Перебежчики называют командующим корпусом Ханжина...

— Ханжина? — переспрашивает Расторопный. — Не помню такого: подо мной не служил.

— И начальником штаба корпуса, — продолжает штабной, — полковника Заболоцкого...

— Как?.. Нашего Заболоцкого?.. Из академии?.. Мальчишку! — вскакивает в негодовании Расторопный. — Они голову потеряли?! На корпус — Заболоцкого! Чего же Матковский смотрит? Ведь он «военный министр» у них, кажется, — иронически говорит Расторопный штабному.

— Александр Иванович не допустил бы, — отвечает штабной, соглашаясь с Расторопным. — Но он в Сибири, не у дел...

— Да, я узнаю, — перебил Расторопный, — его японофильские взгляды пришлись не ко двору американским советникам при Колчаке. А планы грандиозные строил...

Они долго еще возмущаются непорядками, по их мнению, царящими в армии противника. Пьют чай и курят.

Из штаба Расторопный едет в областной Совет. Его вызвали сделать сообщение о положении на фронте.

Расторопный, не волнуясь, ровным голосом докладывает:

— Под давлением противника мы оставили ряд пунктов. В наших руках линия: Кушва—Кын—Шаля. Может быть, мы отойдем еще западнее. Но даже в этом случае перед нами прекрасный плацдарм с базой—Пермь. Я распорядился вокруг города поставить сектором цепь орудий. Это будет непреодолимое артиллерийское заграждение.

— Будете драться за город и в городе? — спросил Голованов.

— Будьте спокойны, — уверенно ответил Расторопный.

— Ну, ты, хрен милый, — ткнул в спину задремавшего кучера Расторопный. — Пшел... В «Коллибри»! — крикнул он. Рысак помчал легкие санки по улице по направлению в кинематографу.

Двадцать пять градусов мороза. Холодно. Спит голодный город. В областном Совете дремлет дежурный. У Чрезвычайной комиссии одиноко стоит часовая в огромном, тяжелом тулупе.

Рано утром с Сибирского тракта незаметно прорвалась рота Енисейского полка белогвардейской «народной армии». Ее командиры не думали наступать на город и хотели занять только окрестные деревни, как вдруг они наткнулись на орудия, расставленные вокруг Перми. Генерал Расторопный точно выполнил свой план: пушки стояли в порядке. Рядом с ними — снаряды. Все было готово. Генерал забыл только поставить охрану и артиллерийскую прислугу.

Енисейцы, не торопясь, повернули орудия хоботами к Перми и дали залп.

Город проснулся и вдруг превратился в водоворот. По улицам бежали полураздетые, только что мобилизованные красноармейцы местного гарнизона, женщины, дети, рабочие. Они искали убежища от снарядов и хотели спастись, бросаясь к вокзалу. Сплошная волна людей катилась к станции Пермь II.

Никто не думал о сопротивлении.

Голованов выскочил на улицу сразу после первого залпа.

— Стой! Дезертиры! — закричал он красноармейцам, в панике бежавшим мимо. — Назад! Сюда! — звал он их к себе.

Но людская волна катилась дальше, не задерживаясь ни на минуту.

— Нашелся командир! — зло прокричал бежавший рядом красноармеец и погрозил винтовкой.

Голованов вернулся обратно, вывел со двора лошадь и, вскочив на нее, помчался вперед — туда, откуда бежала толпа. У Вознесенской площади было уже пусто. Сквозь туманный мороз плохо видно, что впереди. Вдруг сзади раздались выст-

релы. Голованов оглянулся — никого нет. Стреляли, очевидно, из окон. Он повернул коня и поехал в Чрезвычайную комиссию. Но и там ничего не могли сделать с паникой и готовились уезжать. Енисейцы усилили огонь. Пристрелялись к железнодорожному мосту и прервали железнодорожное сообщение. Через несколько часов город был занят.

Голованов ехал в санках. Длинная вереница подвод растянулась по дороге. В простых дровнях сидели женщины с грудными детьми, замерзая на ветру. Рядом шли их мужья — рабочие. Красноармейцы — без винтовок и мешков. Советские служащие. Позади гремела канонада.

Голованов обогнал подводы и вдруг увидел человека, идущего без шапки, в кителе и легких сапогах.

«Замерзнет», — подумал Голованов и стегнул лошадь.

— Эй, садись! Замерзнешь, — окликнул он пешехода.

Тот оглянулся. Голованов с изумлением посмотрел на него. Это был Расторопный.

«Как же это вы...» — хотел что-то спросить Голованов, но раздумал, откинув полость и посадил генерала рядом. — Наденьте, — вытащил он из-под себя большую теплую деревенскую шаль.

Несколько тысяч вагонов досталось в Перми белым. Два броневика. Миллионы пудов соли. Мануфактура. Красноармейские склады с обмундированием, огнеприпасами и продовольствием. Почти весь гарнизон остался в городе. Более ты-

сячи офицеров, служивших в Красной Армии и советских учреждениях, перешли на сторону белых. Несколько сот коммунистов попали в руки врагов. В числе их оказалась Шатрова.

— Шатрова! На допрос! — крикнула надзирательница, с шумом открывая дверь камеры.

Валя быстро вскочила с койки и, повязав стриженую голову легким платком, вышла. Надзирательница захлопнула дверь и, позванивая ключами у пояса, пошла вслед за Валею.

Валя привыкла к допросам. За зиму их было много и в Перми, и вот здесь, в Екатеринбурге, куда перевели ее весной. Вначале она боялась сказать что-нибудь лишнее. Волновалась. Часто сбивалась. Следователь пользовался этим и усиливал допрос. Валя вспомнила арест Реброва в Екатеринбурге, его внешнее спокойствие и слова: «Я вернусь через час-два...» Она поняла, что выгоднее притворяться равнодушной, и с улыбкой шла сейчас перед надзирательницей по обсохшему уже, голому песчаному тюремному двору.

Из окон камер, выходящих во двор, смотрели арестанты. Они приветливо махали Вале руками, что-то кричали. Валя, улыбаясь, смотрела по сторонам. Очевидно, надзирательнице не понравилась беспечность арестантки.

— Нашкодила, голубушка, коли к главному потребовали, — зло сказала она Шатровой.

— Нашкодила, — спокойно ответила Валя.

— Еще хвастает! — поглядела надзирательница на Валею и ввела ее в двери тюремной конторы.

За столом, покрытым зеленым сукном, сидел

высокий блондин. Длинная шея в стоячем воротничке. На узкой груди блестят позолоченные пуговицы форменной тужурки. Волосы гладко зачесаны на сторону. Не бритый, но совершенно голый подбородок делает следователя похожим на женщину. Он что-то пишет в блокноте и несколько минут не обращает внимания на Шатрову. Потом поднимает большую квадратную голову.

— Садитесь, — говорит он.

Надзирательница уходит за двери.

Валя подвинула кресло, смотрит на блокнот. Наверху бумаги надпись: «Следователь по особо важным делам».

«Не соврала», — думает Валя о словах надзирательницы.

— Вы — Шатрова? — спрашивает следователь.

— Да, — отвечает Валя.

— За что арестованы?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Нет.

— Вы считаете долгом говорить на следствии неправду.

— Я говорю правду.

— Прекрасно. Вы когда-нибудь бывали в Екатеринбурге?

— Да, — отвечает Шатрова.

— Давно это было?

— Давно.

— Когда именно?

— Не помню, — говорит Валя. «Неужели узнали?» — думает она со страхом.

— Вы всегда носили фамилию Шатровой? — спокойно продолжает допрашивать следователь.

— Да, — говорит Валя и уже почти уверена, что следователь знает все.

— Это у вас называется «правдой», госпожа Чистякова? — ехидно спрашивает следователь.

— Я вас не понимаю... — пробует Валя сопротивляться.

— Довольно, — резко обрывает следователь. — Извольте прочесть и говорить настоящую правду, — бросает он Вале синюю папку.

Валя раскрывает папку.

Внутри папки напечатанные на машинке выдержки из допросов.

Валя читает:

Долов, 30 лет. Комендант города... — Знаю, что особо секретный поезд отправлялся якобы с золотым запасом. Полагаю, что если бы это было на самом деле, то большевики, опытные конспираторы, никогда бы не допустили до того, чтобы весь город знал об эвакуации ценностей. Кроме того, охрана поезда в 30 человек явно недостаточна для такого опасного дела. Я отнесся ко всему этому подозрительно. Через шофера мне известно, что комиссар Ребров был перед отъездом в Ипатьевском доме. Недоумеваю, почему маршрут поезда был изменен, когда лично при мне Голованов отдавал приказ ехать по горнозаводской. Я сообщил в Невьянск, но поезд мимо не проходил. Да, в этой карточке я узнаю то лицо, которое мне было известно, как комиссар Ребров. Он был высок, сухощав, скорее шатен, чем блондин...

А. И. Андогский, 45 лет. Начальник Академии Генерального Штаба... — Я узнаю в предъявленной мне карточке комиссара Реброва. Он был назначен комиссаром к нам. Это сущий дьявол — он, не говоря ни слова, отобрал у нас оружие, в том числе золотое георгиевское и даже родовое. По звериному лицу, по совершенно сумасшедшим глазам видно, что это фанатик, который кончит свою жизнь на виселице. Подтверждаю, что он совершенно неожиданно, не предупредив никого, исчез из Академии.

В комиссариате говорили, что он выполняет «дело государственной важности»...

Пахомов, 57 лет. Сторож товарного двора... — Я смотрю — толкач пассажирский пихает ко мне на двор. Говорю сцепщику: «Чего их сюда?» — «Комиссары секретные», — говорит. Только сказал, смотрю: и на самом деле едут. Открыл я двери, глянул и обомлел: он, голубчик, государь наш, батюшка, в драной рубахе сидит наверху, и, видно, закованы ноженки, только до поясу видать его...

Вахрамеев Спиридон, 60 лет. Крестьянин... — Мы на Кунгур пробирались. Поездов нету. Сутки ждем, другие. Другой придет — не влезть. А тут прилетел совсем пустой. Я говорю старухе: «Сесть надо». Она — туда. Гляжу, возвращается — лица на ней нет. «Батюшка, — говорит, — царь там, царь». Не поверил я, побег, и на самом деле он. Стоит, в окошечко смотрит, жалостно так...

Вахрамеева, 58 лет. Крестьянка... — Так ведь неграмотная я. Мужик уж скажет. А я неграмотная...

Краска, 35 лет. Бывший министр общественного благополучия Комитета членов Учредительного собрания... — Прекрасно вижу предъявленную карточку и узнаю изображенное на ней лицо: это Ребров — комиссар. Реброва я знал еще в Перми. Его вызвали в Екатеринбург, как мне говорили, для чрезвычайного важного дела. Потом он совершил какую-то поездку, но цели ее и назначения я знать не мог. Зато прекрасно помню, что незадолго до взятия Екатеринбурга войсками Народной армии он отправился туда (с какой целью, не знаю, но предполагаю, что на подпольную работу). Позднее узнал, что поехал он вдвоем с дочерью известного революционера Шатрова и под фамилией Чистякова. Дальнейших сведений о нем не имел. Знаю его как человека решительного, дерзкого и безусловно способного принести много вреда в нашем тылу. Он высок, наружность, я бы сказал, открытая и, пожалуй, привлекательная. Молчалив и сдержан. Говорили — силен...

Валя с трудом дочитала показания.

«Значит, правда, они предполагают, что Ребров увез царя, — подумала она, — теперь не выпутаться». И вдруг полное безразличие охватило ее. Она равнодушно закрыла папку и положила ее на стол.

Следователь внимательно наблюдал за Шатровой, и, как только она кончила читать, он быстро сказал:

— Говорите, где Ребров?

— Я не желаю отвечать на вопросы.

— Вы получите свободу, если скажете, где Ребров, — пообещал следователь.

— Что? Ха-ха-ха, — засмеялась Шатрова.

Следователь вскочил на ноги.

— Молчать! — крикнул он, потом вдруг, очевидно сдерживая себя, замаялся и тихо сказал: — Идите.

— Сука, — пробормотал он себе под нос, когда Шатрова вышла.

В июле белые уходили с Урала навсегда. За сутки до падения Екатеринбурга к тюрьме подошел большой отряд Народной армии. Застучали тюремные калитки. Надзиратели забежали по гулким коридорам.

Они подбегали к камерам и выкликали по спискам арестантов.

— Шатрова! — крикнул старший надзиратель в женском отделении.

— Я!

— С вещами! — предупреждали надзиратели.

Скоро на тюремном дворе мокло под дождем несколько сот арестантов, навьюченных узелками, корзинками, постелями. В тюрьме остались только уголовные и те, кто сегодня доживал последнюю ночь.

— Ста-а-новись! — протяжно крикнул начальник конвоя.

На Сибирском тракте за городом Валя поняла, что минуты Екатеринбургa сочтены: сплошная лавина конных и пеших беглецов двигалась по тракту.

Чем дальше от города, тем уже становится Сибирский тракт: его давят с обеих сторон надвинувшиеся высокой стеной леса. Валя смотрит вперед: там далеко вниз убегает дорога, потом поднимается и, кажется, висит в воздухе.

Колонну арестантов со всех сторон сжимают люди. Им не до арестованных. Конвой с трудом соблюдает порядок. Небольшой мостик лежит внизу. Валя видит, как на нем сбились в кучу повозки, люди. Арестанты медленно двигаются к мосту.

— Посторонись! — кричит начальник конвоя.

Солдаты прикладами отпихивают наседающих со всех сторон людей. Люди приостанавливаются, но испуганные лошади врезаются в колонну и делают ее надвое.

Конвоиры бросились к лошадям.

Валя оглянулась: сбоку от нее в три ряда стоят и ждут прохода колонны — телеги, повозки, нагруженные всяким скарбом.

«Уйду», — подумала Валя и вдруг, наклонившись, исчезла под брюхом рядом стоявшей лошади. Потом нырнула под другую, третью и очутилась в глубокой канаве, заросшей травой. Она села на траву и начала перешнуровывать ботинок.

Колонна двинулась вперед после минутной задержки. Арестанты молча пошли дальше, как будто не заметив исчезновения Шатровой.

Валя поднялась и пошла в лес.

25 коп

В переплете 35 коп.

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964